

Денис Яруллин

Ром И
метафоры

I

Пути И
проводники

Содержание

Рекомендуется к ознакомлению	3
prologus/пролог	4
visitatio/ВИЗИТ	6
solitudo/одинокчество	18
nox/ночь	36
veritas/правда.....	56
ignotus/незнакомец.....	77
cassum/пустота.....	103

Рекомендуется к ознакомлению

Знание — небольшое могущество, ибо оно не проявляется вовне и поэтому ни в ком не замечается, да и обладают им не все, а лишь немногие, и эти немногие обладают знанием лишь немногих вещей, а природа знания такова, что познать его наличие в ком-либо может лишь тот, кто сам в значительной степени овладел им.

Томас Гоббс, «Левиафан», глава X

Перед вами первая часть «ремастера» романа «Ром и метафоры», жестокой истории о человеке и его ошибках. По своей жанровой форме это злое городское фэнтези, и город Пермь здесь является вполне себе полноправным действующим лицом наряду с прочими героями повествования.

Здесь много ненависти к себе, экзистенциального одиночества, отчаянного самокопания, пространных рассуждений о природе информации и природе человека, а также сущности человеческого несовершенства и важности совершаемых ошибок. Все это (а также такие вещи, как мат, секс и насилие) не позволяет рекомендовать роман лицам, не достигшим еще возраста 18-ти лет.

Первая часть «Рома и метафор» писалась и публиковалась с августа 2012-го по август же 2013-го в блоге <https://rumandmetaphors.blogspot.com>, поэтому текст потребовал некоторой редакторской доработки, но в общем и целом остался таким же, каким он был на протяжении уже 6 лет.

Удачного путешествия.

– Д.

prologus/пролог

Поезд прибывал в первом часу ночи, опаздывая где-то минут на пятнадцать. Почему-то все питерские поезда прибывали в Пермь только ночью.

Я гнал по пустому Красавинскому мосту, мимо мелькали тусклыми вспышками желтоватые огни фонарей. Временами проносились по соседней полосе такие же поздние авто. Одно даже озарилась лиловым блеском в моем приглушенном мире — его водитель только что узнал о банальной измене любимой жены и толком ничего не соображал. «Разобьется», — услужливо прошептало мне знание. Через пару десятков километров впечатается в столб, но выживет, а потом уедет в другой город и вообще сделает много чего хорошего. Лиловый ответ погас. Рогач-водила больше не представлял никакого интереса.

Свободные дороги расстилались осенней бетонной прохладой, цепочка мерцающих огней осталась позади. Я свернул на Трамвайную, вокруг поднялись мрачные стены неосвещенных складов и промышленных корпусов. Бледные фары выхватывали гротескные картины мертвой ночной промзоны. Вот уже справа пронеслась ограда университета — и кто только додумался расположить универ, завод и вокзал в одном месте? Завернув направо и покорно дождавшись зеленого сигнала неспешного светофора, я с ленцой влился в общий поток стекающегося к вокзалу транспорта, который не иссякал круглые сутки.

Кое-как найдя место для парковки, я оставил свой невзрачный во всех отношениях автомобильчик и, зябко запахнувшись в пальто, зашагал к зданию вокзала. Под неизменным «Пермь-II» такое же неизменное табло в тот момент показывало, что на улице уже совсем осенняя температура. Мне стало еще холоднее.

В здании очки пришлось снять. Я, конечно, рисковал, но типа в темных очках ночью доблестные стражи порядка задержали бы наверняка, а так можно было отвести взгляд и проскользнуть как ни в чем не бывало. В конце концов, я очень даже прилично смотрелся.

Но двум дежурящим у входа было явно не до меня. Они упорно ругались с какой-то толстой теткой, представительницей того особого типа теток лет пятидесяти, которые непременно начнут качать права при каждом удобном случае. По-моему, эта возмущалась досмотром одной из ее бесчисленных дешевых сумок, набитых столь же дешевым шмотьем. Ее визгливый голос врезался в барабанные перепонки и раскаленными гвоздями забивался в голову. Я брезгливо поморщился.

Аккуратно миновав эту душераздирающую сцену, я наконец оказался внутри. Грязноватое и отдающее одновременно помойкой и моргом помещение под моим взглядом растекалось ровной бесцветной кашей пустых мыслей. Ни одного яркого всполоха. Скучно, господа.

Твердо решив не идти в зал ожидания, я походил по этому предбаннику вок-

зальных недр туда-сюда, блуждая мыслью где-то в темном небе, видневшемся через засаленный прямоугольник окна. Поезд пока не объявляли.

Время медленно подбиралось к часу ночи. Истоптав заплыванный пол вдоль и поперек, я уже порядком подустал и чуть было не пропустил неразборчивое объявление нужного мне состава.

Путь выбрали на редкость неудачный, пришлось идти через тоннель. Выйдя из его затхлого нутра на свежий, почти морозный воздух, я ощутил даже некоторую эйфорию. Поезд как раз прибывал, втягивал себя в город, медленно замедляя ход. Новенькие серо-красные и старые зеленые и синие вагоны вперемешку проезжали мимо, выхватывая полуслепыми окнами усталые лица встречающих и отъезжающих. Мелькнула ярким синим пятном проводница, сохнувшая по какому-то там бизнесмену из СВ. Знание сегодня просто издевалось, подсовывая какую-то желтую газетенку. Но это была информация. Она не виновата, что содержит такой бесполезный бред.

Отыскав нужный вагон, я терпеливо стал ждать, пока, кряхтя, сойдут на пармский берег нагруженные детьми и мужьями крутобокие некрасовские женщины, гоп-компании с пропитанными пивом сумками, пожилые благообразные мужчинки и даже одна разношерстная группка студентов, у которых закончились средства для дезинфекции внутренностей, и им срочно требовалось закупить новых. На перрон спрыгнул какой-то странный господин в коротком плаще, не особо вписывающийся в общую картину пассажиропотока, и тут же напряженным шагом направился прочь от путей. На секунду мое восприятие зацепилось за него, но людской поток быстро смыл образ из памяти.

Олег, в легкой кожаной куртке, сохраняющий свою легкую помятость и выражение безграничного скепсиса на бородатом лице, непринужденно спрыгнул на перрон едва ли не последним. Поздоровавшись — точнее, минут пять поколотив друг друга по спинам — мы направились к машине. Я открыл Олегу дверь и сам устроился за рулем, дав ремню безопасности себя обвить.

— Удачно? — спросил я, заводя двигатель.

— Более чем, — ответил Олег и достал сигарету. — Я даже соскучился по твоим дурацким вопросам.

Я махнул на него рукой и повернул ключ зажигания. Машина послушно двинулась вперед, подминая пустые дороги ночной Перми.

visitatio/ВИЗИТ

Утро начиналось мерзко, тягостно и промозгло. Спал я, похоже, часа три. Глаза, набитые песком, а затем еще хорошенько отшлифованные мелким наждаком, с трудом открывались и неизбежно закрывались обратно. Я, зевая и пошатываясь, встал и отдернул тюль. За окном поднималось серое осеннее утро, в перекатах облаков где-то угадывалось блекнувшее с каждым днем сентябрьское солнце. Деревья, толком еще не сообразившие, что уже осень, шумели едва-едва начавшими желтеть листьями. Судя по всему, шел мелкий дождик. Обросшие шляпками зонтов люди сумрачно перли на работу, учебу или по делам. Серо-бурый песок в пустом дворе уже потихоньку расплывался лужами. Идти туда не хотелось совершенно.

Поставив старый чайник и добредя до ванной, я потихоньку начал просыпаться. Сегодняшний день собирался быть похожим на все другие дни. Правда, я очень порадовался своевременному отпуску — хоть не надо было выползать в эту серую муть.

Любопытство настойчиво требовало подняться на восьмой этаж к Олегу, но я клятвенно обещал не беспокоить его до вечера. Умывшись и посмотрев на свое достаточно неприглядное отражение — трехдневная щетина, всклокоченные волосы и темные глаза с багровой сетью сосудов — я убрал волосы в хвост и отправился на кухню. По пути как обычно задержал взгляд на двух закрытых дверях — я запирал две из трех комнат, никак не мог привыкнуть к пустоте в такой большой квартире.

За утренним чаем я наморщил лоб, пытаюсь придумать себе полезное занятие на целый день — но занятие упорно не придумывалось, хотелось лечь спать дальше. Наверное, я должен был испытывать крайнюю степень душевного напряжения или мрачно рефлексировать о своей никчемной жизни. Но мне было откровенно лень.

Впрочем, жизнь у меня, если уж на то пошло, была и правда никчемная. Я жил один в старой квартире родителей на правом берегу Камы, работал старшим программистом в одной из многочисленных софтверных конторок и уже лет восемь был калигатом. Последний пункт, собственно, и делал жизнь никчемной.

Калигат, говоря предельно просто, есть всего лишь большая информационная батарейка. Флешка. Я ловил цветные вспышки знания и бережно складировал в своем сознании. Причем знанию было плевать, нужна это информация или не очень. Вот и ходи, осененный великими тайнами мироздания — что Олька — шлюха, к примеру.

Но даже несмотря на скучное прошлое, унылое настоящее и бесперспективное будущее, я вполне органично существовал в окружающей действительности и даже находил легкий шарм в ее безнадежной никчемности.

Вот и сейчас, не придумав занятия, я решил дожидаться, пока дождю надоест поливать песочек во дворе, и съездить к Городецкому.

Где-то часам к двенадцати небо успокоилось, и, хотя тучи никуда не делись, мерзопакостный мелкий дождь перестал. Я, конечно, дождь любил, но морозящее недоразумение дождем назвать можно было едва ли, а на нервы оно действовало покруче соседа с перфоратором. Оторвавшись от компьютера, за которым я провел, судя по всему, уже больше половины жизни, я неспешно стал собираться. Весь ритуал выхода из дома был настолько однообразен и механичен, что стоило мне на мгновение задуматься, как я едва не забыл поменять очки. Раздраженно посмотрев на свое отражение, схватил ключи от машины и наконец-то вышел из квартиры.

Беда с этими очками, будь они неладны. По какой-то очень странной прихоти бытия — хотя это вполне укладывалось в общий идиотизм происходящего — единственным, что внешне отличало калигата от всех остальных, были глаза. Молочный цвет белков сменяется тяжелым, почти свинцово-иридиевым, грубым оттенком серого, поверх которого кровавыми канальцами накинута резко очерченная на темном фоне сеть капилляров. Вот и приходится носить темные очки — пусть ты будешь выглядеть идиотом в пасмурную погоду, но зато народ от тебя не будет шарахаться, а стражи порядка — проявлять излишнее внимание. С моей близорукостью было еще важно не перепутать и не уйти в домашних, которые, разумеется, ни разу не темные. Черте что, в общем.

Дороги уже стали посвободнее, хотя остатки утренних пробок наверняка где-то меня поджидали. Но к Городецкому особо торопиться смысла не было никогда.

Юрий Городецкий был мужчиной неопределенного возраста на вид и тридцати лет на паспорт. Я знал его около пяти лет, хотя калигатом он был аж с девяносто девятого года, то бишь уже лет двенадцать с гаком. Юра жил один в какой-то непонятной квартире в старой пятиэтажке, подобно многим из нас. Большую часть времени Городецкий пил, меньшую — работал. Если кому-то показать его небритую опухшую морду и сказать, что это квалифицированный и опытный нейрохирург, — этот кто-то запросто грохнется в обморок. Но факт оставался фактом: Юра знал какие-то очень интересные хитрости, которые позволяли ему быть алкоголиком с твердой рукой, ясным рассудком и острым глазом.

Еще калигат Юрий Городецкий терпеть не мог шутки про Иного Антона Городецкого — говорят, он однажды нос сломал за такое.

Пятиэтажка Городецкого расположилась аккурат у триста сорок седьмого детского сада, и я имел сомнительное удовольствие лицезреть воспитательниц и стайки детей на обязательной прогулке. Ладно хоть Знание не подсунуло мне великое откровение о чьем-нибудь энурезе.

Домофон долго пиликал, пока из динамика не донеслось полупьяное: «Кого

там черти носят, мать их ети?». Юра был в своем репертуаре.

Поднявшись на второй этаж, я увидел типичную для Городецкого картину: мятая рубашка, неаккуратная щетина, отекая физиономия и кружка в руке. В кружке оказался безобидный чай с лимоном, пить Юре надоело, судя по всему, а протрезветь совесть еще не позволила.

— Какие люди пожаловали, — растягивая гласные произнес Городецкий. То ли под прибалта косил, то ли язык хреново ворочался. — Кого-то порезать надо?

К слову сказать, Юра действительно обычно требовался своим знакомым в профессиональном качестве — сомневаюсь, что кому-то очень хотелось просто так видеть его проспиртованную рожу. Но сегодня вскрывать череп никому не надо было.

— Не время расчехлять скальпель, Преображенский. Я потолковать приехал. Городецкий провел меня на кухню и указал на обшарпанную табуретку, сам тем временем даже озаботился чаем для меня.

— Ну, давай, потолкуем, — с легким недоверием начал Юра, ставя чайник на плиту. — Только о чем толковать-то?

— Мне тут птичка нашептала, что Олег-то твоему наставнику рассказал, зачем в Питер на целый месяц собирался. Поди что и к тебе какая интересная инфа просочилась?

— Олег — твой наставник, сам у него и спрашивай, — вся придурь не до конца протрезвевшего человека с Городецкого слетела напрочь. — Не мое это дело, Игорь. И не твое, если уж говорить совсем по-честному. Засунь любопытство себе в задницу, не маленький уже. Если Олегу есть, что скрывать, то оно того стоит.

— А я, Юра, терпеть не могу, когда меня в дураках держат. Есть что скрывать! Да Олегу никогда ничего скрывать не нужно было!

— Значит, теперь нужно! — огрызнулся Городецкий. — Раз ты весь из себя такой умный, сам бы уже допер, на какие темы наставники треплются только между собой.

Я знал только одну тему, на которую не принято было разговаривать ученику и наставнику.

— Олег что-то узнал про путь?

— Я думаю, что так. Иначе бы мой не соблюдал бы тоже эту гребаную конспирацию.

Я замолчал. Юра поставил передо мной дымящуюся чашку, наполненную кипящей водой с кучей примесей и подкрашенной пылью из пакетика чая. Я смотрел на завихрения пара и лихорадочно размышлял.

Есть у любого калигата одна тема для разговора, о которой обычно не говорят между собой. Это путь. Тот смысл жизни, который осененные знанием при-

думали для себя. Мысль о пути пронизывает всю историю калигатов, и даже самое слово калигат — искаженное производное от латинского глагола *caligo*, одно из значений которого — «блуждать впотьмах».

В пути есть что-то от даосизма. Есть что-то от буддистских идей о просветлении. «Найти путь для калигата — значит найти выход из тумана бытия, перестать блуждать в потемках собственного знания. Без пути наша жизнь была бы окончательно, абсолютно пуста и бессмысленна».

Но проблема в том, что найти путь — задача строго индивидуальная. Никто не знает, в чем путь заключается и как прийти к нему. Поэтому о пути говорить не принято. Просто однажды приходит осознание, что вот он, путь.

Правда, для калигата это значит уход от привычной жизни. «Все, кто нашел путь, уходят — неизвестно куда и зачем». Такова, видимо, природа Пути, если это что-то большее, нежели набор философских выкладок и измененных состояний сознания.

Если честно, кое-кто считал все это откровенной брехней, придуманной в свое время старыми калигатами с целью спихнуть с себя всю возню с молодым. Факт оставался фактом: как только калигату надоедало нянчиться с его учеником, он как-то очень внезапно находил свой путь и тихо исчезал с горизонта. И все эти патетические фразы кочевали из поколения в поколение. Иногда мне это казалось невообразимо дурацким.

Как бы то ни было, применительно ко мне это все означало только одно: пора мне забыть об Олеге и полагаться только на себя. Это не то что было очень хорошей новостью, но, в конце концов, оно все равно бы случилось, рано или поздно.

— Это не обязательно должен быть путь, — вдруг хрипло сказал Юра. — Мы можем и ошибаться.

— Разве ты сам в это веришь? — усмехнулся я. — И ты, и я уже просчитали варианты. Это путь, и ничего кроме него быть не может.

Небо за окном отбросило остатки туч, позволяя солнцу текучим золотом растечься поверх города. Обратной стороной этого стали черные изломанные тени, залегшие в причудливых углах архитектуры.

— Налить тебе? — спросил Городецкий, взглядом указывая на бутылку коньяка.

— Я за рулем, — отмахнулся я.

— Да не переживай ты так, — продолжил Юра, щедро доливая себе в чай «Старый Кенигсберг». — Ты уже здоровый вон мужик, тебе нянька не нужна. Сколько лет прошло? Семь?

— Восемь, — машинально поправил я.

— Тем более. Самое время стать джедаем, мой юный падаван, — расхохотал-

ся Городецкий. — Allons-y!

— Заткнись. Я на тебя посмотрю, когда твой тоже решит свалить куда подальше и оставить тебя разгребать все это дерьмо в одиночку.

— Хей, за Олегом не так уж и много висит, не надо тут. Пара-тройка долгов торговцам инфой, но кто из наставников этим не грешил?

— Как насчет тех долгов, о которых он решил мне пока не говорить? После того случая трехлетней давности я, в принципе, готов допустить, что он должен еще и ему.

— Не, Олег бы точно так не поступил. И, кажется, он не допускает передачу долга, насколько я знаю.

Я пожал плечами. Разговоры о нем были неприятны самим фактом его упоминания.

— Так или иначе, Олег все равно еще должен ввести тебя в курс дела, я полагаю. Постарайся выглядеть хоть немного удивленным в разговоре с ним.

— Там видно будет, — я не хотел продолжать всю эту тему о пути и прочей чуши. — Пока что у меня долбанный отпуск и я не собираюсь его портить.

— А как насчет разнообразить его чистым знанием?

Чистое знание было одним из немногих положительных моментов в всем калигатском существовании. Если в двух словах, то чистое знание — это непосредственный доступ к тому самому знанию, которое мы на письме выделяем курсивом или пишем с большой буквы. Прямая линия со всем информационным полем.

Правда, работе с чистым знанием нужно было учиться. Для самого доступа к нему калигат должен был войти в весьма специфическое состояние сознания, которого добивались хитрыми медитативными техниками. Хотя знающие люди и утверждали, что схожего эффекта можно было достичь, банально обожравшись кислотой, но большинство калигатов все-таки предпочитали не использовать ничего постороннего.

Чистое знание сложно поддается описанию или хотя бы пониманию. Это время и пространство, слитые воедино. Все линии времени, все уголки вселенной, которые когда-либо и где-нибудь могли бы существовать хотя бы одно мгновение — все они расстилаются перед тобой. Ты можешь узнать абсолютно все — из прошлого, настоящего, будущего, того прошлого, которое могло бы случиться, и того будущего, которое не случится уже никогда.

Торговцы информацией, которых среди нас достаточно много, именно в чистом знании отыскивают нужные им сведения. Здесь действительно можно найти все — как не стареть, как летать, как превращать свинец в золото одной мыслью. Знание предоставляет все чудеса вселенной совершенно бесплатно, а люди в меру своей алчности подбирают их и перепродают.

Правда, в этом и кроется основная опасность чистого знания. Оно затягивает. Хочется узнавать все больше и больше. Хочется знать все. Только вот человеческий мозг просто не в состоянии выдержать подобные объемы информации. Увлечшиеся калигаты умирают мучительной смертью, когда их нейроны уже не в состоянии перегонять все полученное и начинают медленно отмирать.

Именно поэтому к чистому знанию нужно ходить как минимум вдвоем. Как и любая опасная зависимость, знание диктует свои правила.

Впрочем, на этот раз особо углубляться мы и не собирались. У большинства калигатов есть хорошо изведенные уголки чистого знания, которые они посещают с целью расслабиться и очистить сознание. Это даже не места в привычном понимании этого слова, а потоки информации, причудливо деформирующие восприятие. Среди моих знакомых были те, кто смотрел, как черная дыра пожирает звездные системы. Были и те, кто предпочитал смотреть, как дуют ветра на вершине Джомолунгмы. И, конечно, куча любителей ментального порно. Дай человеку все блага мира, а он все равно будет смотреть порнографию.

Поэтому я всего лишь закрыл глаза и окунулся в благодатную пустоту. Ну, вообще-то, это не была абсолютная пустота. Здесь проплывали аккуратные облака золотистого дыма. Я не имел ни малейшего понятия, где и когда существовало это место, и существовало ли оно вообще, но место это вызывало столь полноценное чувство покоя, что я даже никогда и не задавался этим вопросом. Мое сознание странной дымной птицей-человеком плыло где-то в этой пустоте, сливаясь с ней и ощущая ее как часть самого себя.

Закрыв для своего сознания остальное чистое знание, дабы не возникало искушения, я откинулся на спину и позволил золотистому дыму нести себя. Наверное, в реальности я неслабо шлепнулся на пол кухни Городецкого.

Ситуация с Олегом меня беспокоила не столь сильно, как я решил сначала. Все-таки Юрий был прав. Я уже давно не тот наивный юноша, который с пафосом рассуждал о знании и власти. Все-таки восемь лет прошло.

Калигаты все становятся циничными. Трудно не быть циником, когда ты знаешь, что смысл твоей жизни — хранить дурацкую информацию, продавать не столь дурацкую и бегать в поисках бесценной. Круговорот битов в природе, черт бы его побрал.

И на людей приучаешься смотреть исключительно с отрешенным любопытством. У всех в головах роится одно и то же. Первые пару лет это веселит. Потом раздражает. А потом становится плевать.

Вселенская скука.

Именно в бесконечности отсутствия смысла я видел основную никчемность своей жизни. Одно и то же. Раз за разом. Год за годом. И деться некуда.

Пожалуй, я даже начал понимать Олега, который тянул эту лямку не один

десяток лет.

Путь все-таки действительно нам необходим. Иначе свихнемся.

Но долго болтаться в прострации было нельзя. Я узнал у Городецкого все, что хотел, и теперь можно было оставить его в привычной компании коньяка, а самому разобраться с кое-какими не очень приятными вещами.

Раз Олег нашел путь, то мне пора нанести пару визитов вежливости нашим общим знакомым. Сомневаюсь, конечно, что они что-то знают о планах моего наставника, но сейчас я собирался работать исключительно на себя.

Чистое знание лишает чувства времени, поэтому я покинул Городецкого уже где-то ближе часам к пяти вечера. Солнце еще светило вовсю. Наверное, все вокруг было расцвечено золотыми и оранжевыми оттенками, но для меня это буйство красок смотрелось достаточно блеклым оливковым полотном. Кое-где горели огни свежего знания, но мне сейчас было не до них.

Я промчался по Леонова и выехал на шоссе. До Песьянки было всего ничего ехать, поэтому я особо не беспокоился насчет скорого вечера.

Порой я размышлял, почему она жила так далеко, хотя могла бы позволить себе квартиру в самом центре города. Пожалуй, именно для того, чтобы отбить охоту ездить к ней по пустыкам. Или же чтобы оградить ее ученицу от лишней грязи нашего общества. Калигаты, если уж совсем честно, были тем еще сборищем ублюдков — мы же все-таки наркоманы в каком-то смысле со всеми вытекающими. За знание убивали, знанием шантажировали, за знание отдавались и продавали с потрохами друзей и близких. Да что там друзей и близких — ученики сдавали наставников, а наставники предавали учеников только так. Мне еще с Олегом сильно повезло — он был калигатом твердых убеждений и не позволял жажде знания сделать из него конченого мерзавца. Хотя, разумеется, наши с Олегом методы тоже были далеки от идеала.

Черт, все эти «наставники» и «ученики» действительно звучат очень глупо. Не знаю, почему у калигатов такая беда с терминологией, но мы действительно в итоге разговариваем как какие-то джедаи.

Ее дом располагался в глубине поселка, в стороне от шоссе. Когда я давил на кнопку звонка, то внутри все почему-то сжалось. Я действительно побаивался ее, хотя не признавался в этом почти никогда.

Когда дверь открылась, я машинально сделал шаг назад. Ее вид был настолько домашним и дружелюбным, что мой иррациональный страх стал еще сильнее. В старом махровом халате, пушистых тапочках и с тремя бигудюшками в волосах — ну просто классический стереотипный портрет домохозяйки — она смотрела на меня таким холодным и одновременно прожигающим взглядом, что я поежился.

— Здравствуй, Ольга.

— Если ты приехал по его просьбе — вали сразу.

— Я сам по себе. Мне нужно поговорить.

— Нам не о чем разговаривать, Игорь, — она собралась захлопнуть дверь.

— Это касается Олега. И его пути.

Немного изменившись в лице, Ольга все-таки пустила меня в свою двухкомнатную квартиру. Комната, где жила ее ученица, была закрыта.

Я снова расположился на кухне. Ольга никакого чая, разумеется, мне предлагать не собиралась.

— Ну, и какое же я имею отношение к пути Олега? Если ты приперся сюда только за тем, чтобы я его отговорила — и думать забудь.

— Я не идиот, Ольга, я знаю: если путь найден — никто с него не свернет. Я не буду пытаться как-нибудь надавить на Олега. Это все совершенно закономерно и естественно.

— Тогда какого хрена ты приехал? Чтобы лишний раз меня позлить?

— Успокойся. Пожалуйста. Ты же знаешь, я никогда не стремился вступать в ваши с Олегом отношения.

— И в итоге встрял!

— Послушай! — во мне проснулась какая-то детская горечь. — Послушай, я не хотел, чтобы вы с ним разводились! Мне было тогда двадцать лет всего, я ничего не понимал! Откуда я мог знать, что у вас не могло быть детей!

— Но ты, тем не менее, заменил ему сына! Сына, которого у нас с ним никогда не могло быть! Конечно он сразу подал на развод. Зачем ему жена, которая не может родить ребенка, которую он не любит, которая угробила свою молодость в поисках знания ради него! Которую он использовал как дешевую информационную шлюху! И тут ты, идеальный ученик, одинокий потерянный мальчик! Ты! Ты, Игорь, ты!

Ольга бессильно колотила меня сухощавыми руками, судорожно всхлипывая. Я осторожно гладил ее по каштановым волосам, уже почти наполовину седым.

Я всегда чувствовал себя виноватым перед ней. Хотя я никогда не считал Ольгу кем-то вроде своей матери, я все равно очень ценил ее заботу обо мне. Пока они с Олегом не развелись и окончательно не испортили отношения.

На крики вышла ее ученица — стройная темноволосая девушка лет девятнадцати. Почти все калигаты начинают в девятнадцать. Еще одно странное совпадение — или же прихоть знания. Подобно многим девятнадцатилетним девушкам она носила узкие джинсы, едва-едва держащиеся на талии, какую-то обтягивающую маечку и сверху неприменную мужскую рубашку. Она смотрела на нас очень испуганно, но в то же время я почти физически ощущал, как она готова наброситься и до последнего защищать наставницу. Ольга в своей горькой женской злобе воспитывала настоящего львенка.

— Что-то не так, Оля? — голос немного дрожал.

— Все в порядке, Кать, все хорошо, иди к себе. — Ольга прекратила истерику и попыталась напряженно улыбнуться. Катя недоверчиво посмотрела на меня и ушла.

Я проводил ее тяжелым взглядом. Катя, насколько я знал, была из детдома, поэтому Ольга, по сути, заменила ей семью. Но в Ольге, похоже, никогда уже не будет ничего материнского.

— Мне нужен будет ученик, — сказал я. — Я приехал именно за этим. Чтобы ты помогла мне найти ученика. Я заплачу тебе. У меня есть достаточно ценные знания. Одна услуга.

— Нет, — спокойно ответила Ольга. — Прости, Игорь, я больше этим не занимаюсь. Я просто не могу. Я все-таки человек, я не могу просто так гробить жизни.

— Но ты знаешь, что я *должен* буду найти ученика.

— И ты его найдешь. Но, извини, без моей помощи.

— Ты калигат, Ольга. Ты меня понимаешь. Одна услуга.

— Нет, Игорь. Я человек. А калигат — это ты. Посмотри на себя. За восемь лет — что в тебе осталось человеческого? Ты смотришь на мир сквозь свои темные очки, и видишь в нем не людей, а информацию. Я вижу в твоих глазах только одно — жажду всезнания.

— Мы все таковы. Каждый из нас.

— О, нет, мальчик мой, отнюдь нет. Как тебя учили очень давно? Калигат — человек, черпающий знание. Где в этом определении ты видишь слово «жаждать»? Нет, калигат не обязательно должен желать обладать всеми тайнами мира. Такие как ты и Олег — и, думаю, многие из вашего окружения — не люди. Вы калигаты в своем сердце, когда изначально все мы калигаты лишь в своем разуме. Поэтому я не помогу искать тебе ученика. Я не хочу быть причастной к становлению еще одного такого калигата. Мне вас всех так искренне жаль, и тебя, и Олега — вы столь несчастны в вашей слепой жажде познать непознаваемое. Прости, мальчик мой. Прости. А теперь, прошу, уходи. Уходи и никогда, если только ты действительно был мне признателен, никогда не переступай порога этого дома.

Я молча выслушал Ольгу и выполнил ее просьбу. Где-то внутри было неприятно. Я спустился и в последний раз взглянул на этот странный пятиэтажный дом. В одном из окон была мордашка Кати.

Я отвернулся и пошел к машине.

Все закончилось лучше, чем я думал. Ольга могла меня вообще не впустить, так что все закончилось не просто лучше ожидаемого, а даже очень, очень хорошо. Разумеется, я всерьез и не надеялся на ее помощь с поиском ученика. Но

мне нужно было ее проинформировать, что теперь работу Олега буду делать я и что со мной следует считаться. Это было не особо приятно, но необходимо.

Убеждения Ольги меня всегда немного удивляли. Калигаты — это калигаты. И не имеет большого смысла прикрываться всякими красивыми выражениями. Мы все — абсолютно все — жаждем знания. Как бы она ни пыталась от этого уйти, но факт остается фактом, любой калигат хочет получить еще больше знания, и она в том числе. Просто одно дело бояться в этом признаться, а другое — смириться со своей натурой и не играть со своей совестью. «Мы люди по происхождению, но знание обособило нас, и нет нам нужды причислять себя к людскому роду. Наше дело столь же выше дел людских, сколь знание выше прочих вещей в мире».

Это одно из главных наших исторических изречений. Впрочем, может быть именно поэтому среди нас так много беспринципных мерзавцев.

У калигатов, как ни странно, достаточно богатая история, со всем присущим истории пафосом и громкими именами. Каждый ученик получает эти знания, едва становясь калигатом.

Точно неизвестно, когда калигаты появились. По крайней мере, знание об этом уж точно не валяется на каждом шагу. Зато все мы знаем, когда калигаты себя осознали.

Во времена Первого Триумvirата в первой Римской республике калигаты еще не были калигатами. Те, кто осознавал свою причастность к знанию, старались скрывать ее, опасаясь преследований со стороны властей, зачастую под личинами гаруспиков, авгуров и иных жрецов и гадателей Рима. Многие же попросту не понимали зова знания и бесславно влачили свое существование, служа знанию лишь неразумным вместилищем. На Востоке же калигаты искали просветления и гармонии, найдя себя как часть буддизма и иудаизма.

Но все же Запад стал для калигатов отправной точкой. Именно там, в одном из уголков Римской республики, обитал молодой гаруспик. Знание не сохранило его имени — или же он пожелал, что имя его было забыто. Позже он называл себя *Stipator magnus*, великий Проводник.

Проводник стал тем, вокруг кого разрозненные и слабые калигаты объединились. Именно Проводник впервые назвал их «блуждающими впотьмах». Именно Проводник открыл им знание о возможном пути. Именно он дал им смысл.

Буквально все главные тезисы нашего существования были сформулированы им, в том числе и печально известная максима *cognitio est prima*, которая нам более известна в формулировке «знание превыше всего». С нее, собственно, и началась малоприятная история калигатов.

Проводник особо не церемонился с людьми, которые так или иначе мешали его планам. Провозгласив себя «обособленными от людей», его последователи безжалостно убивали всех, кто вставал на их пути.

Так Проводник собирал римских калигатов, а те брали себе учеников. Постепенно калигаты добрались аж до Сената, к тому же Триумвират к тому времени благополучно распался. В республике калигаты чувствовали себя настоящими хозяевами положения, наслаждаясь безнаказанностью и представляя себя хищниками среди послушного скота. Зачастую они отнимали знание вместе с жизнью. Проводник собирал через них все необходимую ему информацию, становясь все могущественнее, опаснее и безумнее.

Мне никогда не нравилась наша ранняя, полулегендарная история, больше похожая на игры кучки буйных сумасшедших. Но, как и любая история безжалостного тирана, она должна была закончиться какой-нибудь особо глупой его выходкой, в результате которой его бы свергли.

Идиотская выходка Проводника состояла в том, что после своего возвышения он благополучно забыл об еще одной нашей исторической фигуре и перестал с ней считаться. Его тоже знают лишь по прозвищу — *Magister*, Наставник.

Спекуляций о личности Наставника существует огромное множество. Судя по всему, Наставник был кем-то вроде *него*, по крайней мере, я склонен так считать из дальнейшего развития событий.

Наставник в общем-то не был наставником Проводника в привычном нам понимании. Наставник был наставником вообще — делился с калигатами знанием, учил с ним управляться и все в таком духе.

И очень не одобрял тиранию Проводника. Неизвестно, что именно переполнило чашу терпения Наставника, но однажды он попросту лишил Проводника всего накопленного знания. Разом.

И на Проводника ополчились его же калигаты. Судя по всему, дальнейшая судьба его была весьма безрадостна и в известной степени коротка. Наставник тогда же куда-то запропастился — именно пропал, а не погиб. Это несомненно добавляет ему таинственности, присущей подобным историческим деятелям.

Лишившиеся жестокого правителя и, как следствие, необходимости добывать знание ради его прихоти, калигаты постепенно вновь растворились среди людей, предпочитая искать свой собственный путь и действовать согласно своим целям. Методы стали более приемлемы, власти у калигатов почти не осталось, и калигатское общество, точнее, то, что от него осталось, в общем-то, обрело свою нынешнюю форму разбросанных по всему земному шару небольших групп, мало контактирующих друг с другом без особой необходимости.

Хотя мы как были никчемными идиотами, так и остались, без этого никуда. Ладно хоть ножик у нас отобрали, а то наломали бы еще больше дров. И так дальнейшая история тоже была не особо приятна, особенно в конце XVIII века и в Первую мировую.

И все это определенно лишило нас права звать себя людьми. Да, мы по-прежнему *homo sapiens*, но совокупность деяний калигатов явно потянет не на один

Нюрнбергский процесс.

В самом начале мне было сложно все это принять, но потом я смог договориться со своей совестью. Главное — не переступить черту, проведенную лично тобой. В конце концов, ты в ответе только за себя.

Я любил предаваться подобным размышлениям. Это помогало не забывать, кто я есть, не увлекаться.

Меж тем я уже был на правом берегу. Вечер потихоньку вступал в свои права, небо уже потемнело, его опять начали затягивать тучи. Ночью наверняка будет еще дождь.

По пути я собрал пару-тройку безвкусных сведений от людей на остановке. Не ахти какая пища для ума, но, как и обычная пища, желание чего-нибудь сожрать несомненно уменьшает. Лучше собирать такой вот фаст-фуд, нежели сжигать себе мозги, плавая в чистом знании.

Поднимаясь к себе, я решил не ходить сегодня к Олегу. Если я буду ему нужен, он меня и так вытащит.

Квартира встретила темнотой, пустотой и холодом. Все как всегда. Я жил один уже года четыре. Раньше здесь жила еще моя мать, но мы с Олегом помогли ей найти непыльную работу в Америке и перебраться туда на пресловутое ПМЖ. Кстати, я тогда впервые увидел калигата-иностранца. От нас он не отличался абсолютно ничем, разве что говорил на чистейшем литературном русском языке. Мы, впрочем, по-английски говорим тоже очень вычурно и витиевато — сказывается то, что знание языка базируется именно на его литературных нормах. Ну, зато проблем с общением не испытываем. И книжки можно в оригинале читать.

Поставив чайник — мой быт, по большей части, сводился исключительно к этому словосочетанию — я открыл окно и устало сел у него. Холодный вечерний воздух осени благодатной свежестью ворвался в квартиру, а я смотрел на цветные огни соседних домов.

Вокруг танцевало знание.

solitudo/одинокчество

Август выдался достаточно жарким, хотя и дождливым. Я стоял у подъезда плотном сером костюме в ожидании Олега, весь изнемогая от духоты. Он как обычно опаздывал, хотя на этот раз клятвенно обещал не задерживаться.

День уже клонился к вечеру, было часов пять или около того, но лето совершенно наплевало на все это наше измерение времени, поэтому вечер как таковой даже на горизонте еще не показался. Я в очередной раз порадовался, что домой вернусь уже ближе к полуночи, когда жара все-таки спадет более-менее.

Наконец Олег появился, одетый практически точно так же — наши костюмы различались лишь галстуками. Моему наставнику почему-то казалось забавным, что мы приходили на торжественные мероприятия в одинаковых костюмах. Олег коротко усмехнулся, глядя на меня, утирающего пот со лба, и достал сигарету.

— Расслабься, мы не опоздаем. По пути тебя подрежет один дебил на девятке, больше вроде как эксцессов не будет. Приедем аккурат за десять минут до ожидаемого момента нашего прибытия.

— Ты зависал в чистом знании, что ли?

— Не зависал, а просчитывал маршрут. Полезная штука, особенно когда знаешь, как ты водишь, — Олег еще раз усмехнулся и затушил окурок о невысокую урну, сиротливо примостившуюся у подъезда. — Поехали, пока ты окончательно не спекся.

Вообще-то, идея поехать на свадьбу была даже не Олега. И, разумеется, не моя. Идея была Светы, на свадьбу которой мы, собственно, и пилили по августовской жаре. Ей почему-то очень хотелось видеть нас там, хотя мы никогда не считались большими друзьями — ну, учились мы с ней вместе, а ее будущий муж работал вместе с Олегом, ничего особенного. Впрочем, свадьбы относятся к тому виду мероприятий, на которые можно звать самых дальних родственников и самых шапочных знакомых. И даже калигатов.

Олег, похоже, воспринял это приглашение как отличный повод повеселиться. Он очень любил проводить время среди людей — со стороны могло показаться, что это просто компанейский мужик лет пятидесяти, но на деле Олег играл в своеобразного натуралиста и собирал рождающееся на подобных сборищах все то мелочное, пошлое, глупое и бессмысленное знание, которое и знанием-то называть было стыдно. Этакая коллекция человеческой глупости.

Любой калигат рано или поздно находит для себя что-то подобное. Какое-то небольшое безобидное увлечение, помогающее немного отвлечься от всего дерьма вокруг. Полагаю, где-нибудь лет через пять я тоже приду к чему-то такому.

Поэтому и на свадьбу мой наставник отправлялся в приподнятом настроении, предвкушая пополнение своей замысловатой коллекции. Я же достаточно

скептически отнесся ко всей этой затее и предвкушал скучное поедание салатов и дешевых закусок в пьяной компании.

К тому же, среди гостей найдется пара-тройка либо недовольных жизнью теток бальзаковского возраста, либо довольных жизнью бабулек от шестидесяти и выше, которые непременно будут пытаться меня на ком-нибудь женить. Правда, я таким дамочкам очень быстро надоедал, ибо был скучен, на провокации не поддавался и вообще был полным разочарованием для института семьи и брака. У бабулек я в своих темных очках проходил зачастую либо как наркоман, либо как алкоголик.

Посему я просто молча вел машину — это все, что мне, по большей части, оставалось делать. Олег так же молча курил сигарету за сигаретой. Когда нас подрезал какой-то придурок на девятке, и я выругался, он сказал:

— Сегодня можешь не ждать меня. Мне еще надо будет по делам.

— По делам? И тебе не нужна моя машина? — Олег нагло пользовал меня в качестве личного водителя практически постоянно, и его «не ждать» звучало как минимум странно.

— Сегодня нет. Лучше выпишись, у тебя будет на днях много работы. Я завтра-послезавтра уеду в Питер примерно на месяц, поэтому наше общее дело останется на тебе. Есть кое-какая в достаточной мере срочная работа, которая должна быть закончена.

Олег не очень часто куда-либо уезжал из Перми. Любой калигат так или иначе привязан к городу, где он получил знание. Но у моего наставника было достаточно разнообразных занятий, которые время от времени вытаскивали его из города. Но Олег никогда прежде не просил взять на себя его работу.

Каждый калигат обладает определенными особенностями при работе со знанием. Кто-то лучше ищет в глубинах чистого знания, кто-то более тонко чувствует знание в людях, кто-то лучше разбирается в путаных и неясных переплетениях информации, кто-то более умело применяет знание на практике. И кто-то лучше всего извлекает знание других калигатов.

Наряду с искателями, провидцами, толкователями, операторами и другими были и мы — избавители. Несмотря на красивое название, нас редко считали хорошей компанией. Обычно если избавитель приходил к калигату, калигат оставался без порядочной части накопленного знания.

Все аспекты манипуляции со знанием были необходимы для поддержания стабильной системы. Но как никто не любит налоговую, несмотря на ее необходимость, так и нас большинство терпеть не могли. Мы были своего рода обслуживающим персоналом, поддерживающим круговорот знания в природе и не позволяющим ему застаиваться.

Я, конечно, понимал, что рано или поздно мне бы пришлось тоже стать избавителем — каждый наставник выбирает ученика с таким же аспектом, как у

него. Но в данный момент просьба Олега меня удивила. Особенно в свете предстоящего застолья. Олег же невозмутимо продолжил:

— И начнешь ты где-то минут через, хм, семь, если проскочим вон тот светофор на зеленый. Высадишь меня у цирка, а сам отправишься по вот этому адресу, — Олег протянул мне сложенную пополам бумажку. — Перед Светой я тебя прикрою, она не обидится. Я не думаю, что тебе очень хочется есть холодец под веселые крики пьяного дяди Саши «горько».

Мы тем временем уже проехали на Северную дамбу. Цирк и большое пустое пространство вокруг него возникли как-то очень быстро. Я остановился и высадил Олега, затем крутанул руль и направился к бульвару Гагарина.

Припарковавшись у нужного дома, я поправил галстук и неспешно пошел к подъезду.

Я не знал, к кому я иду. Мне, в общем-то, было плевать, у кого забирать знание. Хотя, конечно, мне не очень-то хотелось, чтобы это была какая-нибудь напуганная девушка. Не сказать, что я терзался угрызениями совести, просто слушать все эти визгливые крики — увольте.

Олег называл это «включить калигата». Все-таки каждому из нас с самого начала говорили: если нужно, то с привычными понятиями морали и гуманизма можно не считаться. Поэтому совесть, если, конечно, она вообще была, у калигатов оказывалась очень сговорчивая, особенно в делах, касающихся знания.

Домофон немного портил драматичность момента. Раньше можно было эффектно появиться прямо на пороге в черной кожаной куртке, что вполне соответствовало духу времени — девяностые же были, как-никак. Я этого времени, понятное дело, как калигат не застал, но рассказы Олега позволяли составить достаточно ясное представление об избавителях в то время. Все тогда было едино — что братки придут, что калигаты.

А сейчас я еще раз поправил галстук — хотя хотелось вообще снять его к чертям — и меланхолично набрал номер квартиры. Ответили мне почти сразу — сухой и трескучий прокуренный голос, по которому трудно было однозначно определить возраст. Зато голос был однозначно не женский, что уже хорошо.

— Кто там? — только и спросил он. Я задумался, что мне ответить, и не придумал ничего лучше, чем честно сказать:

— Избавитель.

Я уже начал осознавать весь свой идиотизм. «Здравствуйте, я киллер, откройте пожалуйста дверь». У меня, кажется, даже лицо покраснело — или это уже от несносной жары и удавки на шее.

Но дверь, как ни странно, запищала, позволяя мне войти. То ли мой «клиент» немного не понял, кто к нему пришел, то ли это была самая что ни на есть типичная ловушка. Я как раз был в костюме — судя по боевикам последних лет, дресс-код соблюден. Мне бы еще «Desert Eagle» под мышкой для полноты об-

раза.

Поднявшись на нужный этаж, я осторожно надавил на кнопку звонка. Продребезжав в пустом и гулком подъезде, звонок затих. Сквозь узкие окна пробивалось вечернее августовское солнце, разламывая пространство на золотые и черные многоугольники неправильной формы и превращая меня в странного шахматного человека. Я неуверенно переминался с ноги на ногу у закрытой двери, что не очень-то соответствовало образу хладнокровного избавителя.

Где-то под потолком гудела муха, пытаясь постичь свое бытие в черно-желтой фасеточной вселенной. Ее жизнь, в общем-то, была немногим более бессмысленной, чем моя. Особенно сейчас.

Я ради интереса приложил ухо к двери и еще раз нажал на звонок. Снова дребезжание, вторгшееся в псевдогеометрическую гармонию пыли, света и теней. Тишина. И медленное шарканье за дверью.

Мне открыл невысокий и очень худой старик. Его лысую голову украшал едва заметный в золотых лучах полупрозрачный пушок, а морщинистые впалые щеки едва-едва серебрились щетиной.

— Да-да, извините, что заставил вас ждать, избавитель, — закивал старик. Его голос оказался просто сухим и старым, в нем исчезли нотки табачной хрипотцы.

Признаться, я порядком удивился. Если судить по тому, что я знал об избавителях, мне скорее дали бы в челюсть. Но старик любезно расшаркался и предложил мне войти.

В квартире, несмотря на открытые окна, чувствовался особый стариковский дух. Здесь уже очень давно не было молодых.

— Проходите на кухню, располагайтесь, — проскрипел старик и направился туда же, ставить чайник, судя по всему.

Куда ни приди — кухня и чайник. Стандарт гостеприимства на постсоветском пространстве, черт возьми.

Когда мы сели за стол — старик, похоже, жил один, и поэтому чай мы пили с крошащимся белым хлебом и краковской копченой колбасой — он шумно отхлебнул из чашки и чуть более живым голосом произнес:

— Я вас давно уже жду... Очень давно, дольше, чем хотелось бы.

— Но разве избавления можно хотеть? — я начал проникаться к старику определенной симпатией и уже выключил калигата, что называется. Его фраза меня удивила и огорошила одновременно.

— Я уже очень стар — калигаты обычно не живут так долго, вы сами об этом знаете. Я стал очень старым и усталым... а еще — одиноким. Одинокчество — величайшее из наказаний калигата, хотя мало кто об этом задумывается. Точнее, мало кто успевает об этом задуматься. Я один на один со знанием слиш-

ком долго. Я устал. И я хочу умереть. Я знаю, что избавители обычно забирают только часть знания — ту, что наиболее ценна. Но я прошу оказать старому человеку услугу — заберите все мое знание.

— Но это же убьет вас... — начал было я, но старик жестом меня прервал.

— Я знаю. Я хочу умереть. Сейчас мы допьем чай, скушаем хлебушек и колбасу — и вы меня убьете.

Старик улыбнулся и положил в рот ароматный кружок краковской.

Я, конечно, понимаю, что знание тяготит — своей мелочностью, суетливостью и большим количеством мусора. Можно было прожить целую жизнь, но так и не найти настоящее, истинное, ценное знание. И все же — мне сложно было принять желание старика уйти из жизни.

— Знание — бремя каждого из нас, — сказал я наконец. — Я допускаю, что вы несете его много дольше меня, но... разве следует из-за этого умирать?

Старик назидательно поднял руку. Бутерброд в его другой руке немного снижал пафос момента, но я все равно приосанился и приготовился слушать. Нет. Не слушать. Внимать. Ну, насколько возможно внимать человеку с копченой колбасой в руке.

— Сейчас калигаты редко несут знание дольше пары десятков лет. Ну, от силы лет тридцать — и то в исключительных случаях. И поэтому-то за бытовым и повседневным знанием они не видят жемчужин, разбросанных тут и там, но скрытых под слоем этой никчемной грязи. Я калигат уже более шестидесяти лет. И, поверьте мне, знание действительно великолепно. Но чем больше калигат знает, тем более одиноким он становится.

Я уверен, вы уже вкусили истинного знания — того самого, добытого однажды в бездне ценой жутких скитаний меж переплетений времени, пространства, вероятностей и данностей. Один раз. Два раза. Три раза. И вы уже все реже называете себя человеком, не так ли? Калигат — это звучит гордо, верно ведь? — старик улыбнулся и, отпив чая, продолжил. — И все сложнее заставлять себя вникать в повседневные людские проблемы. Все труднее питаться тем мусором, что вываливают на нас под видом знания их мелочные головы.

Отсюда и ощущение никчемности и усталости. Не от знания устают калигаты, а от необходимости жить среди людей. Это очень изощренная шутка бытия — мы не можем жить без подпитки людской информацией, но она же нас губит в итоге. Отсюда все эти поиски пути в пятьдесят лет.

Я нашел себе выход. Очень удачный, как мне казалось. Одинокчество. В чистом знании можно ведь найти все — хоть секрет вечной жизни, хоть способ получения денег щелчком пальцев, на то оно и чистое знание. И я очень долго думал, что я обманул бытие. Я был калигатом, вырезавшим себе аппендикс человеческой цивилизации.

Но я не учел ровно одну вещь. Мы по природе своей люди. Мы были людьми

и ими остались. А истинное знание не предназначено для людей. Мы носители его, мы его хранители, гонцы — называйте это как угодно. Но мы никогда не будем его хозяевами.

Вы даже вообразить себе не можете, насколько страшно оставаться один на один по ночам со всем этим знанием. Я вижу своими слабыми старческими глазами вращение механизма вселенной, а мой разум — мой человеческий, черт его возьми, разум — не может постичь и самой малости увиденного.

Каждую ночь. Каждый день. Я один на один с бытием, которому люди нужны лишь номинально.

Одинокчество убивает.

Я слушал его, и в моем разуме возникали практически осязаемые картины цветной пустоты. Знание сложно визуализировать, но наш разум привык видеть его именно океаном непроглядно-черной пустоты, наполненной странными цветными фигурами и потоками легкого сияния.

Знание было похоже на видение шамана, на пляску разноцветного огня. Странные символы и образы возникали в нем, когда разум пытался придать чистой информации какое-то подобие воплощения. Зачастую это были странные и дикие обрывки пульсирующих цветов, хаотично разбросанные в черноте.

Старик рассказывал, а я действительно видел весь этот безумный танец чистого знания, и меня пробирала дрожь. Я почти ощущал это вакуумное одинокчество.

— Поэтому я вас прошу. Избавьте меня от этого кошмара. Смерть — это лучшее, что может со мной случиться после стольких лет наедине с бездной. За ошибки нужно платить.

Просьбу старика можно было понять. Мне хватило нескольких минут, чтобы почувствовать весь ужас, с которым он сталкивался на протяжении десятилетий. И мне даже хотелось ему помочь.

Но мы оба понимали, что спасет его лишь полное избавление — которое, собственно, и обернется смертью.

В чистом знании можно найти не просто информацию, которая относительно понятна человеку — ну, скажем, то же знание древневерхненемецкого. В нем есть множество сведений, записанных в химических соединениях, последовательностях нуклеотидов и тому подобных кодах самой природы.

Такое знание улучшает не только и не столько разум, сколько непосредственно тело. Торговцы информацией готовы за твои деньги предложить тебе хоть способность не спать несколько недель без всякого вреда, хоть эйдетическую память и чуть ли не голубую кровь. Даже сам процесс становления калигата связан с усвоением некоторого количества таких вот химических знаний — в частности, наши глаза явно были побочным эффектом одной из таких моди-

фикаций.

Этим знанием опасно увлекаться — даже опасней, чем обычным. Чем больше ты модифицируешь свое тело, встраивая в него новые химико-биологические коды, тем меньше оно способно жить без них.

Если я избавлю старика от всех накопленных знаний — как он и просит — то и все эти модификации тоже будут изъяты. И тело просто не сможет адаптироваться достаточно быстро, чтобы поддержать в себе жизнь.

К тому же, я боялся. Боялся не того, что мне придется совершить, а того, что придет ко мне после. Избавитель поглощает все изъятое знание.

Меня ждали шестьдесят лет сводящего с ума одиночества в бездне. И мне было страшно остаться с этим наедине. Все это знание — огромный, темный, ледяной океан, в котором мой разум сгинет, едва я допущу хоть одну, самую незначительную ошибку. Меня пробрал озноб на жаркой летней кухне за горячим чаем. Старик молча пил из своей кружки и смотрел на свое отражение в темных стеклах моих очков.

Наступила звенящая летняя тишина, которая была тишиной исключительно номинальной. Из окна доносился слабый шум машин где-то на дороге, крики играющих детей во дворе, общая вечерняя суeta раскаленного города. И все же это была тишина.

Кухню пронизывали оранжевые лучи шипящего солнца, которое нехотя начинало свой путь за горизонт. Я снял очки, ржавый свет неприятно резанул по незащищенным глазам. Ослабил галстук. Золотой город блистал за окном, скрывая в переломанных хребтах зданий непроглядную черноту. Там и тут неярко мерцали огоньки знания — их было совсем немного. Старик отставил пустую кружку в сторону. Я пересилил себя и кивнул.

В общем-то, никаких специальных приготовлений или манипуляций совершать не нужно было. Я закрыл глаза, позволяя разуму течь в пустоту чистого знания.

Силуэт старика был очень пугающим. Кобальтовый, истощенный контур, едва удерживающий что-то, что пожирало саму черноту вокруг. Тусклые, умирующие всполохи знания, еще не растерзанные этим воплощением шестидесятилетнего одиночества. Карманной бездной.

Я действительно чувствовал, как мой разум начинал искажаться, едва я допускал единственную мысль о ней. Знание неохотно расступалось передо мной, словно пытаюсь оградить от того, что было впереди.

Но я потянулся к осколкам знания, ощущая хищный оскал бездны. У меня была работа, которую следовало выполнить.

Я очень аккуратно начал вытягивать знание — то, которое было наиболее отдалено от черноты. Я даже не пытался его осознать — на это не было времени. Просто впитывал.

При этом я чувствовал, что вся эта информация — из глубин чистого знания. Достаточно сложно объяснить, как можно почувствовать знание, но это было именно чувство — где-то за пределами разума. Жажда проснулась где-то в подсознании, настойчиво требуя немедленно разобрать все полученное.

Но отвлекаться было нельзя. Я продолжал свою кропотливую работу, извлекая факт за фактом.

Хотя это было мое первое настоящее избавление, сам процесс был достаточно хорошо отработан. Олег, как настоящий наставник, начал меня учить этому где-то через год после становления. Каждый калигат должен уметь правильно обращаться со своим аспектом.

Я не знал, сколько прошло времени, но знания оставалось всего ничего. Капля за каплей оно перетекало в мой разум — пока что бессмысленным потоком, но позже я найду ему применение.

Наконец, я остался один на один с бездной.

***

Я лежал на полу. Рубашка и даже пиджак были насквозь мокрые, лоб покрыт испариной. Меня трясло.

Я с трудом сел, снял наконец чертов галстук. Пошарил в поисках куда-то слетевших очков — они упали куда-то под стол, на одном из стекол оказалась длинная змеистая трещина.

Старик сидел, облокотившись на стол и повесив голову. Я сначала решил, что он просто без сознания, но стоило неосторожно задеть ногой табуретку, как тело завалилось набок.

Душная желтая кухня снова погрузилась в тишину. Я не знал, сколько прошло времени.

Дрожь не отпускала. В голове кружилось новое знание, но дрожь была не от этого. Я был напуган.

Напуган даже не странными образами, которые я видел в бездне — Олег, Ольга, ее ученица, Юра, еще какие-то люди и калигаты, ночной вокзал и огромный костер. Эти образы, туманные, ускользающие, скорее всего просто были отголосками разных вероятностей — былое и грядущее, мать его.

Боялся я того, чье присутствие ощутил в бездне. Кто-то явно следил за мной в этом иррациональном водовороте многолетнего знания. Я даже мог почувствовать этот взгляд — именно взгляд, насмешливый и внимательный. Ну просто все по Ницше, слово в слово.

Если бы кто-то таращился на меня в обычном чистом знании, я бы даже не обратил на это внимания. Чистое знание — место общего пользования, «курение запрещено».

Но бездна — или как эту штуку правильно назвать? — существовала только в

разуме старика. Это были его знания, коллапсирующие в отмирающих нейронах. Только его.

Там не должен кто-то быть. Там *не может* кто-то быть.

Меня снова прошиб холодный пот.

Стоп.

Его знания.

Так при чем тут Олег и прочие?

Ладно, допустим, за столько лет старик просто-напросто насобирав множество всяческих знаний, среди которых попались и эти. В чистом знании можно отыскать бесчисленное множество вероятностей — еще не случившихся или, что более вероятно, никогда не случавшихся. Поэтому не стоит удивляться каким-то диким совпадениям. Знание парадоксально по своему определению.

Было еще одно объяснение. Но мне не хотелось о нем думать, хотя оно, в общем-то, смотрелось гораздо более правдоподобно. Тот, чей ехидный взгляд я почувствовал, мог подсунуть и увиденные мной образы.

Я не хотел принимать этот вариант еще и потому, что тогда я чувствовал себя полнейшим идиотом.

Но со всей этой чушью я все-таки разберусь потом. Пока что у меня чертов труп на кухне.

Что с ним делать — я не имел ни малейшего понятия. Как-то не доводилось избавляться от мертвых людей в замкнутом пространстве.

Похоже, я все-таки был полнейшим идиотом. Надо ж было согласиться на все это предприятие и совершенно не подумать о том, как потом избавляться от последствий.

Так что у меня была кухня — одна штука и труп — тоже одна штука. И надо было бы сделать так, чтобы труп кухню покинул.

Я выругался. Можно, конечно, позвонить Олегу, но я что-то не хотел получить порцию насмешек от пьяного наставника.

Еще был вариант с Юрой. Он, конечно, тоже наверняка был пьян сейчас — ну, я вообще считал, что это его нормальное состояние — но Юра мог приехать и у Юры были хирургические инструменты.

Представив, как мы весело тут пилим труп, я еще раз выругался. Все становилось похоже на какой-то фильм Тарантино.

Еще меня начинала волновать долгосрочная перспектива. Пропажу старика рано или поздно кто-нибудь да заметит, и вот хрен его знает, свяжут ли ее со мной. В любом случае, рисковать не хотелось.

Вообще-то, трупа быть не должно. Избавители не убивают — по крайней мере, обычно — и с такими проблемами не сталкиваются. Но вот лично моя проблема лежала где-то под столом.

Похоже, наступил тот самый момент, когда я должен выяснить, что обладаю обширными познаниями в области сокрытия особо тяжких преступлений и придумать гениальный план.

Вот дерьмо.

Все-таки самым логичным было сейчас по-тихому смыться, не привлекая внимания. *Абсолютно* никакого внимания.

В конце концов, любое вскрытие покажет, что старик умер в результате обширного инсульта. Для человека его возраста смерть вполне обычная. Так что можно будет вызывать скорую — потом, с какого-нибудь левого номера, когда я уже уберусь отсюда подальше.

Правда, меня могли видеть входящим в подъезд. Но — в этом я уверен точно — входящим в квартиру старика меня точно никто не видел. Следовательно, оставалось покинуть дом так, чтобы и выходящим из подъезда меня тоже никто увидеть не смог.

Но для начала пора бы уже было свалить из квартиры. Понимая, что изрядно тут наследил, я все же немного прибрался и даже уложил старика в более подобающее положение. Вроде как выходило, что пил старичок чай с бутербродами, пил, допил, шмякнулся затылком об пол да и помер. Безо всякой посторонней помощи.

Отпечатки, конечно, оставались, но вряд ли кто-то будет проверять квартиру, а если даже и проверят, то искать владельца при отсутствии криминала уж точно не станут. Риск, в общем-то, оставался, но процент его стремился к каким-то уж очень смешным цифрам.

Разобравшись с бардаком, я прихватил свой галстук и поспешно направился к выходу. Дверь оказалась захлопывающейся, что сильно облегчило мне задачу — не надо было проворачивать хитрые манипуляции с ключами.

Оказавшись вновь в подъезде, теперь уже почти полностью темном, я опять почувствовал себя идиотом. Вечер определенно складывался не в мою пользу.

Вниз мне спускаться было нельзя — я, правда, пока еще не до конца понимал, почему, но все-таки решил для себя, что нельзя. Поэтому оставалось идти только вверх.

Дверь, ведущая на крышу, представляла собой монструозную решетку с большим навесным замком. Сил, чтобы его сбить, у меня, разумеется, не хватило бы, но ведь «знание — сила».

Например, знание, как разогреть металл до температуры плавления одним прикосновением.

На первый взгляд, это какая-то магия, но вот ни черта. Магии не существует — по крайней мере, в том смысле, в каком она закрепилась в массовом сознании.

Чистое знание — воплощенная omnipotentность. *Вероятность*, пусть даже ничтожная, есть для *каждого* события, лишь бы оно не нарушало существующих законов устройства вселенной — или хотя бы *самых известных*.

Это замечательное свойство знания позволяет при должной удаче и ловкости найти очень полезные прикладные мелочи.

Открыв дверь, я вернул замок на место тем же способом. Теперь оставалось лишь подняться на крышу, а там можно было порассуждать над такой важной и насущной проблемой, как оттуда выбираться.

На крыше меня встретил темно-оранжевый закат, впившийся в город. Его разносили прохладные волны вечернего ветра, и свет колыхался, подобно доброй порции золотистого «Bacardi» в бокале.

Я стоял и смотрел на гудящий город где-то далеко вокруг, совершенно забыв, что поднялся сюда лишь для того, чтобы сбежать.

Город завораживал. Его цветные огни всегда говорили мне, что я сделал правильный выбор восемь лет назад.

Из созерцательного настроения меня вывели какие-то громкие звуки внизу.

Я осторожно подошел к самому краю крыши и выглянул. Мимо шла какая-то шумная пьяная компания — человек пять или шесть, вроде бы. Их громкие и малопонятные крики и нарушали идиллическую тишину августовского вечера.

Вокруг них разливалось равномерное переливчатое свечение. Разумеется, в буквальном смысле они не светились, это только мой мозг так воспринимал окружавшее их дармовое знание.

Пьяные люди — замечательный источник бессмысленной информации. Меня иногда поражало, сколько дурацких мыслей роится в людских головах — правда, обычно они тщательно их скрывают где-то на задворках сознания (получается, правда, плохо, но хоть стараются).

Стоит же им употребить немного жидкости с содержанием этанола, этого замечательного депрессанта из ряда одноатомных спиртов, как все эти маленькие, противные и зачастую по-настоящему отвратительные мыслишки выползают наружу и начинают светиться.

Вот, например, идет молодой человек. Я еще раз повнимательней к нему присмотрелся и с брезгливым любопытством прикоснулся к окружавшему его знанию.

Идет, значит, молодой человек. Прилично одетый молодой человек, студент, подрабатывает в какой-то фирме, иногда позволяет себе расслабиться таким вот образом. Достаточно типично все.

Молодого человека очень раздражает соседка. Молодой человек очень хочет ее жестоко убить. У молодого человека даже есть кропотливо составленный

план. Молодой человек что-то слышал про Раскольникова, но «Преступление и наказание» так и не осилил, поэтому он очень хочет считать себя Родионом, но на Родиона не тянет. Откровенно говоря, молодой человек большой трус и в жизни ни на кого не поднимет руку. Молодого человека как-то раз напугала соседская такса. Но молодой человек по-прежнему лелеет мечту устроить бойню в отдельно взятой квартире.

Вот девушка — не молодого человека, но идет рядом. Девушка очень стесняется того, что ей нравится другая девушка. Поэтому девушка старательно делает вид, что ей очень нравится молодой человек, хотя одна мысль об этом заставляет ее испуганно морщиться.

Впереди возглавляет процессию мой ровесник. Он сидит на амфетамине, но всеми правдами и неправдами скрывает это — очень боится потерять работу менеджера в одной крупной компании. Работа, собственно, и вынудила его начать принимать наркоту — не повезло ему с врожденной коммуникабельностью и работоспособностью. Поэтому работу он ненавидит, но при этом она — единственное, что у него осталось. Его жена, узнав о зависимости, тут же ушла, а детей не случилось. Он пьет в тщетных попытках забыться, но получает лишь все быстрее и быстрее разрушающийся организм.

Наверное, что-то из этого заслуживало жалости. Но я никогда не жалел людей. Я к ним вообще ничего не чувствовал. Все их трагедии, маленькие и не очень, сводились лишь к их собственным ошибкам. А за ошибки нужно платить.

Когда я только стал калигатом, мне было это не совсем понятно. Иной раз пособираешь такого знания — и сам пьешь, пытаешься прийти в чувство.

А потом случается что-нибудь, после чего ты уже никого жалеть не будешь. Ты совершаешь ошибку.

И понимаешь, что за них нужно платить.

Мне было тогда где-то двадцать один, если я ничего не путаю. Я еще учился в университете и жил с матерью. Правда, я уже носил все время темные очки, мир был весь в приглушенных оттенках с яркими цветными пятнами, а по выходным Олег учил меня избавлению и знакомил с полезными калигатами.

Я уже толком не помню, как я познакомился с той девушкой. Наверное, она тоже была из университета — по крайней мере, это было бы логично. Я уже тогда слыл очень странным парнем. Меня сторонились, хотя я и сам не искал никакого общения. Большинство моих бывших друзей считали, что это «болезнь» на меня так повлияла. Олег придумал очень простой способ отвести от меня излишнее внимание.

В таком разрезе ее звонок поздним вечером слегка меня ошарашил. Мне вообще редко кто звонил, а уж незнакомые девушки — тем более. Ей что-то надо было по учебе — это тоже самое логичное объяснение. От меня вряд ли ко-

му-нибудь понадобилось бы что-то личного характера.

Так или иначе, но мы договорились о встрече у нее дома. Я долго и обстоятельно рассказывал ей о чем-то, связанном не то с высшей математикой, не то с программированием. Или вообще философией.

Увлечшись, я машинально снял очки. Кажется, она испугалась. И тогда я совершил ошибку. Вместо того, чтобы просто коротко и жестко напомнить о «болезни», я пустился в долгие объяснения о знании, каллигатах и всем прочем. Мне стало ее жалко, проще говоря.

Она испугалась еще сильнее. К испугу примешалась злость — закономерные, в общем-то, реакции на подобные заявления. Если бы она могла, то наверняка тут же начала бить меня тапком, как какого-нибудь мадагаскарского таракана.

Мне, похоже, повезло, что я не растерялся и не покинул квартиру под ее истошные истеричные вопли. Именно тогда я перестал испытывать к ней жалость. И тогда же я перестал жалеть себя.

За ошибки нужно платить.

Это был первый раз, когда я избавлял от всего знания. Даже самого базового — как работает сердце, к примеру. До этого подобные вещи я знал только в теории. А тут, глядишь, пригодилось.

Когда она окончательно затихла — ее организм уже буквально не знал, как жить — я спокойно позвонил Олегу и попросил его приехать.

Несмотря на то, что это был очень серьезный просчет с моей стороны, наставник меня сдержанно похвалил. Затем мы с ним тщательно поискали все знание об этой девушке и аккуратно стерли сам факт ее существования. У нас это знание осталось, но делиться с кем-либо ни он, ни я не собирались.

Но даже я помню этот эпизод лишь приблизительно. Чистое знание не очень любит, когда из него изымают целые сущности. Мои воспоминания об этом периоде похожи на исцарапанный диск.

Больше подобных ошибок я не совершал.

Я сделал неосторожное движение и чуть было не потерял равновесие. Все-таки стоять на краю крыши и при этом с одухотворенным выражением небритой морды предаваться ненужным воспоминаниям — не самая лучшая идея.

И у меня еще оставался нерешенным маленький такой, незначительный и ни к чему не обязывающий вопрос: как спуститься с гребаной крыши?

Вообще-то у меня было не так уж и много вариантов. Я уже начал было думать, что самому себе создавать дурацкие ситуации — мое кредо. И я все еще не мог понять, почему я, даже с учетом возможного риска, не вышел спокойно через нормальную дверь, а зачем-то поперся на крышу.

Впрочем, выбирать уже не приходилось. Разогретый за день битум начинал жечь ноги сквозь тонкую подошву туфель. Надо было что-то предпринимать,

в конце-то концов.

Я быстро обошел крышу по периметру и ожидаемо обнаружил водосточную трубу. Представив, как я буду по ней спускаться, я в очередной раз порадовался, что Олег никогда об этом не узнает.

Черт, дело приняло совершенно безумный оборот. Лезть вниз по водосточной трубе! «Надо быть незаметным», ага.

Впрочем, я за восемь лет привык доверять своим спонтанным решениям. Знание быстрее меня. Но все-таки не судьба была мне спуститься по трубе.

Дверь на крышу — внешняя, на ней замок давно был сломан — распахнулась аккурат в тот момент, когда я примеривался к символическому ограждению. Двое мужиков дачного вида лениво ввалились на крышу и с неподдельным удивлением уставились на меня.

— Ты, это, типа, кто такой и, это, сука, че тут делаешь?

Я, мягко говоря, охренел. Мужики смотрелись почти комично, но мне все-таки не хотелось получить трещину и на втором стекле. Хотя была бы симметрия, да.

— Оборудование проверяю, тут жалобы поступали, мы проверили — ничего не пингуется, вся сеть в доме легла, вот настраиваем все, — выпалил я на одном дыхании.

Для убедительности я даже пнул какую-то железную штуковину, более-менее похожую на короб для оборудования. Впрочем, сработал эффект неожиданности, и мужики замерли, пытаясь переварить поток выплеснутой на них информации. По-хорошему, надо было валить. Но мне не хотелось делать резких движений.

— Э-э-э-э, он же, типа, не лысый ни хера. Вон волосни скока. А Сулейман четко сказал: надо брать лысого, бородатого, в костюме. Ну его нах. Слышь, э, вали отсюда.

— Все-все, ухожу, — я примирительно поднял руки.

Несчастный замок был просто перепилен и валялся возле решетки. Основательно пацаны подготовились.

Я ж так и знал, что неспроста Олег вдруг подсунул мне эту «работу». Сулейман — а в миру простой парень Леха — был одним из наших проверенных торговцев инфой. Олег ему был должен неприлично много, поэтому от Сулеймана почти что скрывался. То-то он постоянно и просчитывал вероятности.

Сулейман был из барыг старой закалки, которые начали в девяностых, да так в них и остались. Поэтому для них вполне привычно было отправить выбивать долги вот таких вот замечательных господ в засаленных шортах и майках-алкашках. Специфика профессии-с.

Полагаю, за ближайший месяц, пока Олега не будет в городе, мне лучше бы

договориться с Лехой-Сулейманом, чтобы потом не стало хуже. Пацанчики пацанчиками, но вот если он начнет сливать инфу о нас — это уже точно будет полнейшее дерьмо. Вечно у Олега проблемы с долгами.

Мне, в общем-то, уже ничего не оставалось делать, кроме как с относительно спокойной душой отправиться к себе.

***

Я наконец перебрался на другой берег, а закат уже окончательно потух. Помогли ему в этом надвигающиеся тучи. Пару раз сверкнула молния.

Гроза началась в полную силу аккурат в тот момент, когда я подъезжал к дому. Даже несмотря на смешное расстояние от парковки до подъезда, я все равно вымок до нитки.

В квартире было темно хоть глаз выколи. С шумом барабанили капли по подоконникам. Время от времени окна озарялись слабыми всполохами неясного цвета — слишком далекими и тусклыми, чтобы дать какое-то подобие света.

Я стоял у большого зеркала в прихожей. Пиджак валялся бесформенной кучей где-то на полу. С меня капала вода. Поглощенное знание тяжелыми свинцовыми пластинами перемалывалось в мозгу, что не самым лучшим образом сказывалось на моем настроении и самочувствии. Что-то вроде бэд трипа, как сказали бы знающие люди.

Не включая света, я направился к бару — точнее, просто шкафчику, где я хранил выпивку. Кое-как нашел открытую бутылку вискаря и, усевшись на полу и прислонившись спиной к рифленому боку батареи, принялся пить из горла, прямо как какую-нибудь «Столичную». Мне нужно было сейчас чем-то приглушить сводящие с ума выверты подсознания. Надо было напиться в хлам.

Уже тот факт, что ты калигат, делает тебя потеряннным для жизни. Ты как-то сразу лишаешься всех целей и мечтаний, которые так долго лелеял до этого. За знание нужно платить — друзьями, семьей, любовью и душевным здоровьем.

Когда мир тускнеет и теряет всякий намек на иллюзорность, ты ужасаешься ему. Истина уродлива и безжалостна. Она протыкает тебя склизкими паучьими лапами насквозь и раздирает твоё тело и твой разум, не давая при этом умереть. И не дает ничего забыть.

Я не знаю ни одного калигата, кто бы не был — хотя бы чуть-чуть — алкоголиком или наркоманом. Попытка вытравить из разума мерзкий лик истины — безуспешная, как всегда.

Истина асфальтовым катком прошла по каждому из нас, сделав ее послушными рабами. Достаточно раз потерять иллюзии, чтобы почувствовать извращенный вкус к чистому знанию. Когда брезгливость сменяется любопытством.

И в отвратительных челюстях правды все придуманные тобой смыслы исчезают. Жить незачем. Есть только знание.

Копишь знание. Обмениваешь на другое знание. Ищешь новое знание.

Ничего больше. Только разноцветные огни в тусклом мире вокруг.

Поэтому нет ни одного калигата, кто бы жил счастливо. Казалось бы — можно же узнать все, что душе угодно, быть здоровым, красивым и успешным.

Но для этого нужно иметь желание быть здоровым. Красивым. Успешным.

Желания нет.

Отсюда и вся наша безумная жестокость. Нам плевать на собственные жизни. Почти всегда плевать и на чужие. *Cognitio est prima*, мать вашу.

Я почти не чувствовал, как пьянею, хотя количество виски существенно уменьшилось. Мне стало чуть лучше — знание медленно, но верно ассимилировалось. Надо будет потом хоть посмотреть, чего полезного там есть. Может быть, чем-нибудь из этого удастся расплатиться с Сулейманом.

Я не знал, зачем Олегу в Питер. И даже не хотел знать, если честно. Это его дело. Без него я займусь тем, что от меня требуется — выполнять функции своего аспекта.

Ха. Функции аспекта. Такая же пародия на смысл жизни, как и пресловутый поиск пути. Какая кому разница, избавитель ты или провидец. Оператор или толкователь. Всем плевать. Ты просто так же бессмысленно ищешь, копишь и отнимаешь знание. Просто называется все чуть-чуть покрасивее.

Я поднялся — меня ощутимо качнуло — и, облокотившись на подоконник, принялся изучать вид за окном. Дождь все так же бесперебойно шел — капли уже слились в единый поток и немолчно атаковали засыпающие дома.

Сквозь темно-оранжевую перспективу почти пустой бутылки виски, которую я многозначительно использовал в качестве подзорной трубы, все это принимало немного странный облик. Многие окна в соседних домах ярко горели. Там был уют, спокойствие и благополучие.

Брехня.

Гнусная ложь.

Видимо, я был уже достаточно нетрезв, чтобы открыть окно и закричать куда-то в дождь:

— Хотите, я дам вам правду, люди? Чтобы вы подавились и захлебнулись ей, чтобы она сожрала вас! Хватит прятаться за своей ничтожной ложью! Я вижу вас насквозь, будьте вы прокляты! Правду, я дам ее вам, всю, без остатка! Правду, суки, самую настоящую правду! И я тогда посмотрю, кто из нас сдохнет, трусливые мрази! Я готов признать себя ублюдком, а вы нет — тем я лучше вас!

Но окна домов по-прежнему горели теплым светом. По-прежнему шел дождь.

Я лежал на полу. Рядом валялась бутылка.

Я лучше их. Лучше тем, что хуже.

Будьте вы все прокляты.

***

Я проснулся от щебета птиц за окном. Комната вся была залита светом, из открытого окна веяло приятной утренней прохладой. Было слышно, как шумят росшие рядом с домом деревья. Я медленно заворочался и сел.

За проведенную на полу ночь ужасно затекла спина и шея. Судя по всему, высохшая рубашка была похожа — ну, насколько мне было видно — на скомканную бумагу, а хвост сбился куда-то на макушку.

Ужасно хотелось пить. Лучше бы холодной воды с лимончиком, но сгодился бы и горячий чай, но тоже с лимончиком. Зато в мозгу теперь была благодатная тишь, одобренная порцией легкого отвращения к самому себе. Когда я пью один, то становлюсь полным дерьмом, давно уже подмечено.

Приняв вертикальное положение, а спустя минут двадцать даже приведя себя в относительный порядок, я устроился на балконе, ярко освещенном и хорошо продуваемом, с вожделенной чашкой чая.

Едва доходило восемь часов. Во дворе бродили собачники и люди с колясками. Больше субботнее утро никого из дома не выгнало.

Олег, как я резонно рассудил, вряд ли проснулся, и даже не факт, что проснется он дома. Пожалуй что где-нибудь через пару часов можно позвонить Свете, извиниться за то, что не смог приехать, и поинтересоваться, как там Олег. Правда, забрать я его все равно не мог, уровень алкоголя в моей крови вряд ли бы обрадовал любого встречного постового. Надо будет попросить у Городецкого какое-нибудь хорошее знание на этот счет.

Кстати, о знании. Я бегло просмотрел рассортированную за ночь информацию. Ничего уникального или экстраординарного, но кое-что оказалось действительно стоящим. Проблему с долгами я как-нибудь решу. Уже плюс. И на кое-какие карманные расходы тоже появилось.

Только сейчас ко мне пришло осознание, что Олег как-то очень все втемную провернул касательно этой поездки в Питер. Скрывать — черт с ним, пускай скрывает, это в порядке вещей. Но слишком много пыли поднял вокруг — за чем-то подсунул ребятам Сулеймана меня, а мне, соответственно, их и разборки с этим Лехой.

Вдруг — ой, как не люблю я эти «вдруг» — зазвонил телефон. Нехотя покинув свое уютное место балконе, я нашел на полу прихожей свой пиджак.

Звонил, как выяснилось, Городецкий, интересовался, какого черта Олегу понадобилось звонить его наставнику где-то в районе пяти утра. Отделавшись от Юры, я вернулся на балкон. Ну, вот, теперь еще и наставник Городецкого каким-то образом впутан во всю эту многоходовку.

Но странные выходки Олега должны были волновать меня менее всего. И даже ситуация с долгами была вполне типичной для любого калигата. И то, и

другое имело очень прозаическое объяснение, поддавалось логическому анализу и вообще не выходило за рамки поведения пауков в банке, коими, с известной долей метафоричности, мы все и являлись.

Меня по-прежнему очень тревожил тот странный взгляд. Своей издевательской невозможностью. Я, правда, допускал одну кандидатуру, но от нее тоже лучше не становилось.

Снова зазвонил телефон. Какой-то картавящий парень «от Олега» деликатно спрашивал, не смогу ли я поспособствовать одному «дельцу». Не успел я положить трубку, как какая-то девица, тоже «от Олега», настойчиво просила избавить кого-то от чего-то. Мой замечательный наставник явно решил сделать так, чтобы я не заскучал без него.

Предстоящий месяц обещал выдаться очень веселым.

пох/ночь

Была поздняя ночь, когда я все-таки замерз и закрыл окно. Я решительно не умел отдыхать. Мой отпуск превращался в череду бессмысленно проведенных дней.

Приезд Олега должен был внести какое-то разнообразие в эту дурацкую череду тупого ничегонеделания, но, кажется, и это не поможет. Работа, которой меня наставник загрузил на месяц, кончилась где-то недели через полторы. Я слегка помахал кулаками с Сулейманом — эта жадная скотина редко когда соглашается с условиями сделки, пока не получит по морде. Нарочно искал информацию про возможность забраться в чужое знание — по нулям, как и ожидалось.

Но вот приехал Олег. Правда, скоро он обретет путь и вообще пропадет с горизонта. И я, собственно, займу его место. Буду торговаться за каждое новое знание, проворачивать какие-то одному мне понятные интриги, учить какого-нибудь очередного неудачника и искать путь.

Законопослушный калигат.

Еще придется налаживать контакты с «общиной», как ее любили называть наши старики. Хотя какая там к черту община — так, посиделки с пивом, старательно имитирующие светское общество калигатов. Одна мысль о необходимости совершать к ним визиты вежливости чаще раза в год портила мне настроение. Я не любил общество себе подобных.

Их нарочитая обособленность, подчеркнутая отрешенность от людей, претензии на превосходство перед человечеством поначалу казались мне странными, потом — смешными, а сейчас уже опротивели до полного безразличия. Но как они не навязывали мне своей позиции, так и я предпочитал вежливо отмалчиваться.

Мы лучше людей только в одном — мы не боимся признаться себе в том, что мы дерьмо еще похуже их.

Но дерьмо дерьма не учит.

Впрочем, я мог себя заставить понять их мотивы. Индивидуализм, быстро перерастающий в ярко выраженный эгоизм, который, в свою очередь, и приводил к наплевательскому отношению ко всем, кроме своей персоны, был свойственен всем калигатам — мне в том числе.

Многие из нас в начале своей новой жизни — в силу юности или глупости, кто как — считают, что их жизнь сейчас, сию же минуту, буквально-таки моментально в корне изменится. Что вот он, их звездный час: они ж теперь не такие как все! Они пойдут и всех спасут. Они ж теперь джедаи и супермены в одном лице, они ж семерых одним махом.

Но теперь, по прошествии восьми лет, я с полной ответственностью заявляю:

брехня! Вот он, дивный новый мир калигата: унылая работа, бездарная жизнь и совершенное отсутствие перспектив. И, конечно, совершенно эгоистичное видение бытия, искривленное депрессивными настроениями. Ей-богу, нам запросто всем можно ставить какой-нибудь хороший психический диагноз и кормить с ложечки в комнате с мягкими стенами.

Но так или иначе, цикл замыкался.

Нужды в этом последнем разговоре не было — точнее, он был больше данью традиции, чем реальной необходимостью. Ну, расскажет мне Олег, что нашел путь. Отдаст дарственную на квартиру, допустим. Скажет, какие дела с кем следует закончить. Пожелает удачи. Все это мало чем отличалось от ритуала передачи рабочего места, к примеру — что с виду, что по сути.

Я часто представлял себе этот последний разговор. И всегда думал, что буду чувствовать какую-то грызущую тоску. Пугающее одиночество.

Но вот он, последний разговор — стоит лишь подняться на пять этажей вверх и нажать на кнопку дверного звонка. И что я чувствую? Да ничего.

Я усмехнулся. А ведь еще несколько часов назад у Городецкого я всерьез думал, как же мне жить дальше один на один со всем этим. Вот так и жить. Ничего, в сущности, не изменится. Да и у Городецкого меня больше разозлила эта конспирация, которую Олег устроил вокруг своих поисков, нежели сам факт ухода моего наставника. Как калигат калигата я его прекрасно понимал.

Все-таки восемь лет прошло. Я впервые надел эти темные очки еще мальчишкой, по сути. Все мое становление как личности уже прошло за их холодными стеклами. Я ведь и не знал другой жизни.

Это как попасть на войну в восемнадцать, успешно ее пережить и вернуться домой. Ты с виду-то вроде прежний. Ну, может пара шрамов добавилась. Но ты уже привык видеть мир в его уродливой истине. Один раз потеряв иллюзии, ты уже никогда не сможешь спать спокойно. Правда страшна, кровава, червива, она гниет обезображенным трупом под твоими окнами — и тем вызывает у тебя нестерпимое любопытство.

Хотя, быть может, ты и не знаешь правды — а просто веришь во что-то, что ты правдой называешь.

Сейчас, впрочем, не модно бояться правды. Ницше уже убил Бога, Барт прикончил автора — в этом мире уже не осталось творцов. Истина, одна лишь истина — не так ли?

Черта с два. Чем больше истину ищут, тем меньше ее находят. Подсознательно люди ее все же страшатся — и готовы обозвать истиной все, что не похоже на ложь. Неправильный подход господ, ох неправильный.

Поэтому с уходом Олега я гордо встану во весь рост и взгляну в гнойные глаза правды, сойдясь с ней в поединке один на один. И однажды я узнаю ее всю — от и до. Увижу истину над истиной.

И посмотрим тогда, у кого морда страшнее.

***

— Холодная сегодня ночь, мистер Морган, чертовски холодная, — просипел Джек своими обветренными губами. — Октябрь нынче совсем распоясался. Так, глядишь, и Темза замерзнет.

— Твоя правда, Джек, твоя правда. Но ранняя зима не должна сказаться на сроках доставки, не так ли?

— Верно, верно, сэр, видит Господь, все корабли прибудут в Суррейские доки вовремя.

Мистер Морган достал свою счетную книжечку и еще раз проверил указанные в ней даты прибытия трех его кораблей из колоний.

— Ты отличный управляющий, Джек. Я не прогадал, когда взял тебя на работу. Вот, возьми этот соверен и выпей за успех нашего предприятия.

Морган протянул старому Джеку блестящую в фонарном свете золотую монету. Тот с благодарностью взял ее мозолистыми руками с узловатыми пальцами и вежливо поклонился.

— Да благословит вас Бог, мистер Морган.

— Ступай, Джек, и гуляй до утра.

Джек еще раз поклонился и направился прочь от набережной, где он и его работодатель — пароходчик мистер Морган — наблюдали за стремительно меняющейся лондонской погодой. Старый Джек любил своего работодателя — и за то, что тот увидел в пожилом боцмане толкового помощника, и за шотландские корни мистера Моргана. Шотландцу служить у английских чопорных недоумков претит по определению, поэтому Джек с удовольствием вслушивался в северный акцент Моргана, когда тот строгим голосом отдавал распоряжения.

Все-таки не жить тут настоящему горцу, подумал про себя Джек. Городской смог плохо влиял на его старые шотландские кости, равно как и на здоровье мистера Моргана, вынужденного носить диковинные желтоватые очки из-за своей болезни, вызванной переездом в Лондон.

Морган тем временем сверился с часами и неспешно прошелся туда-сюда. Он был одет в неброское серое пальто и аккуратный котелок — и даже не носил трости. Знающие его буржуа списывали такое вопиюще наплевательское отношение к моде на то, что Морган был родом из Глазго.

Но так или иначе, Морган был очень ловким и удачливым предпринимателем. Он очень чутко улавливал тенденции рынка и брал контракты именно на те товары, которые оказывались наиболее востребованы именно сейчас. Его компания, уже владевшая пятью судами, росла стремительными темпами, хотя и ее название никогда не звучало среди широкой публики. Морган делал свою работу тихо, эффективно и беспристрастно.

Это был достаточно высокий мужчина тридцати пяти лет, с чуть вздернутым носом и острыми скулами, глубокими темными глазами и столь же темными волосами, слегка щегольски отпущенными до плеч. Вероятно, той же цели служила и эспаньолка, за которой Морган тщательно следил. Последним значимым штрихом его портрета были очки в круглой оправе и с затемненными стеклами. Многие думали, что они сделаны из янтаря, хотя Морган неоднократно опровергал это весьма сомнительное утверждение.

В этот глухой и весьма небезопасный час Морган дожидался господина Монро — довольно-таки неприятного типа, содержавшего работный — а, по слухам, еще и публичный — дом. Честный пароходчик Морган, конечно, не имел ничего общего с пронырой Монро — но тот располагал кое-какой чрезвычайно необходимой информацией.

Когда сутулая фигура в цилиндре наконец показалась, Морган деловито еще раз посмотрел на часы и удовлетворенно поправил свои необычные очки.

— Опаздываешь, Монро, — брезгливо сказал Морган, когда тот подошел поближе.

— У меня, в отличие от некоторых, есть еще и работа, — оскалился в ответ Монро, показав свои желтые кривые зубы. — Выкладывай, чего тебе нужно?

— Все как всегда, Монро. Мне нужна информация. На сей раз — вот об этом судне, — Морган достал из внутреннего кармана аккуратно сложенный пополам листок и протянул его Монро. — Плачу, как это водится, весьма щедро.

— Эй-эй-эй, полегче! Одно дело добывать через моих шлюх сведения о наших лондонских толстосумах — и совсем другое узнавать маршрут испанского корабля. И, черт возьми, ты как себе это представляешь?

— Не прикидывайся дурачком, Монро. Если уж тебе так невмоготу, я могу даже указать на заведение в доках, где команда неплохо проводит время. Мне нужен маршрут этого корабля.

— Морган, я не чертов самоубийца!

— Не испытывай моего терпения. Ты получишь достаточно денег, чтобы компенсировать беспокойство. И радуйся, что я еще по-честному рассчитываюсь с таким гниlostным червем как ты.

Монро скорчил озлобленную гримасу, но большего он себе позволить не мог. Он боялся этого странного шотландца — особенно в свете недавних известий о том, как один лорд, отказавшийся выполнять условия контракта с Морганом, скоропостижно скончался.

Вокруг этого типа в желтых очках было слишком много совпадений, чтобы они были совпадениями. Поэтому трус и перестраховщик Монро хныкал, злобно кидал проклятия в спину Моргану, но послушно выполнял все просьбы пароходчика. Они оба прекрасно знали об этом, посему Морган и не стеснялся в выражениях.

— Так что, гнида, ты добудешь мне маршрут этих испанцев. И, поверь мне, заставить пьяного матроса сболтнуть лишнего шлюхе — не такая уж непосильная задача.

— Морган, шотландская твоя башка, они же испанцы! Мои девочки просто ничего не поймут из их пьяной болтовни!

— Поймут, Монро, поймут. Держи вот это, — Морган протянул четыре запаянных пробирки. — Пускай выльют им в пойло и подсунут морскую карту. Уж в десяток портов они своими кривыми пальцами ткнуть смогут. А наутро все воспоминания улетучатся как дым. И, да, я уже вычел стоимость этого из твоего вознаграждения.

Монро недовольно схватил пузырьки и сунул куда-то в карман.

— Морган, ты всегда на шаг впереди всех, зачем тебе мои услуги?

— А ты, Монро, разве подзаработать не хочешь? — резко ответил ему Морган. — Я тебе плачу в том числе и за то, чтобы ты не задавал лишних вопросов. Тебе неделя срока, они вряд ли пробудут тут дольше. Разговор окончен.

В подтверждение этого он развернулся и не оборачиваясь пошел прочь. Монро хотел что-то сказать ему вслед, но трусость взяла свое. Будь проклят этот шотландец, подумал он.

Впрочем, не он один боялся Моргана. Ни один из странных обитателей ночного Лондона не осмелился посягнуть на жизнь и здоровье богатого господина, чьи глаза даже в ночной темноте грязных улиц поблескивали недобрым светом.

Но ночь для Моргана еще только начиналась. Он свернул в неприметный переулок, спугнув пару пьяниц и какую-то шлюху, прошел его насквозь и оказался в маленьком закутке, стиснутом с трех сторон стенами домов. Привычно нащупав в темноте ручку старой двери, Морган потянул ее на себя.

Он спустился в полуподвальное помещение с низкими потолками, наполненное кислым въедливым запахом нечистот, исходящим от пропитанных потом, мочой и блевотиной матрасов и подушек, на которых в сонном бреду лежали или пытались полусидеть мужчины в потрепанных и грязных одеждах. Но стоило пройти чуть дальше, и кислятину перебивал сладковатый, липнущий к зубам и манящий в забытие аромат воскуряемого дурмана. Все помещение тонуло в этом тяжелом опиумном дыму, обволакивая здешних обитателей и растворяя их в призрачном тумане. Маленькие окна под самым потолком, похоже, были единственным источником свежего воздуха, не считая редко открываемой двери. Везде царил полумрак.

Морган переступил через какого-то курильщика, лежащего неподвижно и хрипло, с присвистом, дышавшего, и негромко откашлялся. Из дыма словно соткался китаец, чья кожа была желтой и сухой, будто старая бумага, а сам он был невысок и неимоверно худ, будто высушен. Он был обрит наголо, а лицо

его украшали длинные усы, чуть тронутые сединой.

— Здравствуйте, мудрый господин, — произнес он по-китайски.

Морган кивнул и ответил ему с едва заметным акцентом:

— Доброй ночи, Чэн. Ты все подготовил?

Чэн бегло глянул на лежащих вокруг и, подойдя ближе, тихим, свистящим шепотом произнес:

— Конечно, мудрый господин.

Морган обошел китайца, направляясь в дальнюю часть помещения, откуда вышел Чэн. Там, за грязной занавеской, была дверь в маленькую комнатку, где стояли реторты, перегонные кубы и прочие химические сосуды. Здесь Чэн готовил свой дурман. Морган взял одну пробирку и задумчиво повертел в руках.

— Скоро грядет еще одна война на далеком востоке, и много твоего дурмана впоследствии отправится на твою же родину.

Чэн, ступающий неслышно, прикрыл тонкую дверь за собой.

— Я уже привык, мудрый господин. Пока мой опиум покупают, я не особо беспокоюсь о бедах в мире. Ваши приготовления связаны с этой новой войной?

Морган поставил пробирку на место и отрицательно покачал головой.

— До нее еще около года, если я не ошибаюсь. Пока что мне нужно закончить еще одно дело.

Пароходчик постучал по столу длинным тонким пальцем с аккуратным ногтем. Чэн, догадавшийся, о чем речь, уточнил:

— Принести ли вам его сейчас?

Морган кивнул в знак согласия и деловито звякнул карманом.

— Да, Чэн. И я тотчас же заплачу тебе.

Китаец подошел к одному из шкафчиков и достал несколько пузырьков с красновато-коричневой жидкостью. С виду они ничем не отличались от обычной опиумной настойки.

— Вот, мудрый господин. Никто не догадается, что этот лауданум отравляет не только разум.

Морган удовлетворенно хмыкнул. Он ценил этого лысого смертельно больного китайца. Чэн был чертовски хорошим химиком.

— Твои честно заработанные соверены, Чэн. Надеюсь, ты сможешь обмануть время.

— Всенепременно, мудрый господин.

Морган пожал ему руку и направился к выходу. Вскоре он уже шел по темному Лондону и напевал старую шотландскую балладу о двух воронах.

*As I was walking all alane,
I heard twa corbies making a mane;
The tane unto the t'other say,
'Where sall we gang and dine to-day?'*

*'In behint yon auld fail dyke,
I wot there lies a new slain knight;
And naebody kens that he lies there,
But his hawk, his hound, and lady fair.*

*'His hound is to the hunting gane,
His hawk to fetch the wild-fowl hame,
His lady's ta'en another mate,
So we may mak our dinner sweet...*

***

*... 'Ye'll sit on his white hause-bane,
And I'll pike out his bonny blue een;
Wi ae lock o his gowden hair
We'll theek our nest when it grows bare.*

*'Mony a one for him makes mane,
But nane sall ken where he is gane;
Oer his white banes, when they are bare,
The wind sall blaw for evermair.'*

Вкрадчивый голос Берта Дженша постепенно затих под плавный перебор гитарных струн. Шотландские баллады правильно исполняются только шотландцами — тут я твердо стоял на своем и предпочитал в этом качестве именно старину Берта из Глазго.

Ночь постепенно превращалась в утро — по крайней мере, по часам, хотя небо еще только-только начало светлеть. Я пару раз зевнул, все-таки бессонные ночи уже были не по мне. Надо будет вздремнуть хотя бы пару часов, прежде чем что-то предпринимать. Но пока что я потянулся и задумчиво уселся в кресло.

На повестке дня сегодня стоял разговор с Олегом. Ради интереса я решил даже залезть в чистое знание и посмотреть вероятности. Каждый выбор с не-

которым количеством мало-мальски взаимоисключающих вариантов порождает замечательные гипотетические реальности, непременно существующие где-то в знании. Особенно разговор с наставником о пути.

Правда, если об этом всерьез задумываться, можно свихнуться в попытке понять — действительно ли реальна твоя реальность или же ты просто остался в какой-то нереализованной вероятности. Хотя, в общем-то, это было вполне проверяемо.

Олег учил, что реализованное знание не оставляет логических дыр. В реальности соблюдается причинно-следственный принцип. Пусть даже в неочевидных и подчас откровенно извращенных формах, но причина всегда предшествует следствию.

Вероятности же выстраиваются вокруг одного какого-то события, одной точки бифуркации, и чем дальше линия времени в вероятности удаляется от этой точки, тем больше логических неувязок возникает вокруг. И начинается это уже с первых мгновений.

Вероятность исчерпывает сама себя, когда уже элементарные законы физики начинают работать не так, как нужно.

Самое странное, что сейчас в знании не было ничего. Абсолютно ничего — даже каких-нибудь бытовых версий вроде «запнулся и сломал ногу в подъезде». Знание не знало исхода разговора. Такой вот невеселый каламбурчик получился.

Хотя беспокоиться было не о чем. Скорее всего, просто пока еще нет достаточного количества фактов, чтобы сформировать хоть какую-то вероятность. Такое бывало сплошь и рядом.

Признаться, мне уже хотелось провести эту беседу. Она, конечно, ничего толком не поменяет, это верно, но хоть какое-то разнообразие.

Еще наверняка придется повозиться с документами. Дарственную на квартиру, допустим, Олег уже сделал. Но надо будет как-то объяснить его отсутствие.

Я потянулся за телефоном и набрал Городецкого.

— Твою дивизию, Игорь, — раздался в трубке хриплый и угрюмый голос Юры. — Ты охренел в такое время звонить?

— Ты все равно не спишь, — лениво парировал я. — Сможешь помочь с документами?

— Какими еще документами? — буркнул Городецкий, явно не настроенный что-либо делать. — Ты где-то накосячил?

— Надо придумать будет, куда Олег делся. Пару билетиков до Мариуполя там оформить на его имя и все такое.

— Не-а, всякие бабушки в Мариуполях уже не котируются, плюс это легко

проверяется.

— Ну, и что тогда ты предлагаешь? Знаешь, я тут получаю дарственную и все имущество, а Олег куда-то исчезает. Мне проблем с ментами не нужно.

— Да что ты паришься, е-мое, — Городецкий шумно зевнул. — Заладил про дарственную, уже блевать от нее тянет. Возьмет и уедет у нас Олег в Индию, Непал или Тибет — куда уж получится. Вот все бросит и поедет просветления искать. И, что тут примечательно, мы почти не покривим душой.

— Звучит складно, да только откуда у меня такие деньги? — Деньги у меня, в общем-то, были, но тратить их не очень хотелось.

— Ой, не будь жмотом, это твой наставник все-таки. И тем более стоит это будет чуть дороже того же Мариуполя. Я ведь не просто так предлагаю, а через нужных людей.

Хотя Городецкий был старше всего на три года, количество различных полезных контактов у него просто зашкаливало. Впрочем, это легко объяснялось тем, что Юра — оператор по аспекту, да еще и с полезной профессией. Это тебе не избавитель, которого просто так пива попить не позовут. С другой стороны, благодаря моему с ним знакомству многие проблемы решать было достаточно легко — стоило только позвонить и выслушать хриплые чертыханья лентяя Городецкого, который поупрямится-поупрямится, но согласится.

— Ладно, уговорил. Ты завтра-послезавтра начни тогда тормозить этих «нужных людей». Тебе, понятное дело, тоже будет причитаться.

— Что, уже так скоро? Ну, прям чтобы завтра — не обещаю, но на неделе уж озадачу.

— Договорились. — Одной головной болью меньше. Отлично.

— Ты чего под утро над такими вещами-то думаешь? — спросил Городецкий.

— Так а что еще в отпуске-то делать? — безучастно ответил я. — Вот, занимаюсь делами насущными.

— Ой, найди себе девушку, — проворчал Юра. — Не будешь вон меня хрен знает когда вызванивать.

— Не, мне примера Ольги и Олега хватило, — решительно отмахнулся я.

— Вот что ты привязался, а? Не калигатку... черт, как-то глупо это звучит... в общем, найди себе обычную девушку. Не повернутую на знании. Самую обычную. Какую-нибудь студентку или аспирантку филфака. Или философского. Будете с ней о Канте разговаривать, например.

— Юра, не пори чушь. Какой филфак, какой Кант? После ухода Олега у меня будет дьявольски много работы, мне не до пространных бесед с какими-то бесполезными девицами.

— Ты самый калигатистый калигат из всех, кого я встречал, — устало сказал Городецкий. — Надеюсь, что это не закончится для тебя чем-то похуже пути. Я

позвоню тебе, как все будет готово.

— Договорились. Спокойной ночи, Юра, — ехидно бросил я напоследок.

— Да пошел ты, — не остался в долгу он.

Я посмотрел на часы. Было уже почти пять утра. Да, вздремнуть не помешало бы.

***

Я почти не помнил, когда я в последний раз видел сны. Постоянно находясь в потоке знания, постепенно теряешь способность отличать порождения твоего подсознания от причудливых форм информации.

Но сейчас я определенно видел сон. И он мне уже не нравился. Хотя бы тем, что я его осознавал.

Я шел по каким-то ржавым железнодорожным путям. Вокруг расстился молочно-белый туман — не Сайлент Хилл, но тоже вполне себе атмосферно.

По обе стороны от колеи стояли голые деревья. Приглядевшись, я понял, что это проволочные остовы деревьев, тоже порядочно изъеденные ржой. Выгибаясь под неестественными углами, они слепо тянули холодные металлические ветви куда-то вверх, в туман.

Ощущался холод. Ну, холода как такового здесь не могло быть, но мое подсознание все-таки поеживалось, ступая дальше и дальше в туман.

Еще была жуткая тишина. Абсолютная. Ни шагов, ни каких-то страшных звуков из тумана — ничего. Впрочем, это же сон.

На путях стоял человек. Его правая рука тоже была сделана из проволоки и заканчивалась тремя когтистыми пальцами.

Мы были теперь в пустом помещении, похожем на изнанку тора — стены плавно переходили в потолок и пол и были явно изогнуты. Мой проводник указал своей железной лапой куда-то в сторону, туда, где стена изгибалась и невозможно было разглядеть, что находится дальше.

Я пожал плечами и направился в ту сторону — не то чтобы по своему желанию или против оного, просто это же был сон, а значит, он шел по какому-то сценарию. Сценарий, конечно, был наверняка совершенно безумный, но он был.

Это точно был тор. Я намотал кругов двадцать или около того, прежде чем наткнулся на следующий верстовой камень.

Буквально.

Булыжник с криво нацарапанным на нем числом 1855 лежал прямо посреди дороги. Никаких стрелок, указателей или чего-то подобного — просто поросший мхом серый камень.

— Кто-нибудь скажет, какого черта он тут стоит? — спросил я пространство.

— Я поставил, — ответил мне мужчина в круглых очках с желтоватыми сте-

клами, вышедший из-за закругления стены. — Какие-то проблемы?

— Ну, отлично, порождение моего подсознания, ты решило со мной поговорить?

— Ты сам захотел с собой поговорить, иначе бы ни камня, ни меня тут не было.

— Так, давай я не буду ловить себя на своей же логике. Мы наверняка будем обсуждать разговор, который состоится сегодняшней ночью?

— Не совсем. Разговор ты и так досконально проработал. Тут главное, что будет после.

— Ты имеешь в виду общину?

— И снова не совсем. Община и так будет осведомлена — через того же наставника Городецкого или самого Городецкого. Я говорю о *нем*.

— А *он*-то тут при чем?

— Не прикидывайся дураком, когда говоришь со своим подсознанием. Мы оба знаем, что *он* требует каждого своего клиента предоставлять в случае чего преемника. Так что тебе придется навестить *его*. И весьма скоро.

— Я это и без тебя знаю. Или ты мне можешь дать полезный совет?

— Могу. Покажи ему эту надпись.

Мужчина взял мою руку и старинной перьевой ручкой вывел прямо на ладони:

«N.U.T..X..55»

Я понятия не имел, что это значит.

— Так, ты точно мое подсозна?..

Я резко проснулся.

На ладони темнела надпись.

Я окончательно продрал глаза и сел на кровати. Посмотрел на часы. Времени было без двадцати четыре. Я проспал почти весь день.

Ощущал я себя соответствующе. Голова была до омерзения тяжелая, во рту чувствовался какой-то кисловатый привкус, а в горле все пересохло. Нельзя так много спать.

Хотя организм можно было понять — бодрствовать почти сутки, поспав перед этим около трех часов, явно тянуло на издевательство. И, да, я в итоге все же выспался.

Олег, конечно, не обидится, но все-таки стоило бы привести себя в порядок. Умывшись и переодевшись, а также на всякий случай переписав странную надпись, насчет которой еще предстояло разобраться, я достал старую, уже порядком истрепавшуюся папку с документами.

Тут были какие-то бумажки с номерами телефонов, долговые расписки, до-

говоры — составленные от руки и напечатанные на специальных бланках. Олег терпеть не мог всю эту макулатуру, поэтому его документами с давних пор заведовал я. Я удивился, как много их накопилось за последние восемь лет.

Еще тут были фотографии. Вот я в первый раз пожимаю руку тогдашнему председателю общины — его все звали дядей Мишей, он носил окладистую рыжую бороду и был настоящим байкером, разъезжавшим на чертовски крутом чоппере.

Потом прошло совсем немного времени, и дядя Миша разбился на трассе (хотя говорили, что ему помогли). Вот как раз мы с Олегом стоим перед его погребальным костром. Да, калигаты прям как какие-то викинги сжигают своих мертвых. «Прах к праху, знание к знанию».

А вот еще пару лет спустя. Я уже отпустил бороду. Мы с Олегом на фоне моей первой машины. Мне ее бывает иногда жалко, ее какой-то урод-оператор буквально рассек напополам, когда мы выбивали из него знание.

Года полтора вперед. Я тут уже с длинными волосами. Еще одна наша ритуальная процедура, обряд инициации — я официально становлюсь полноправным калигатом Перми, который сам несет ответственность за свои дела и знание. Рядом с Константином — тогдашним и нынешним председателем — стоит гордый Олег.

Я еще поворошил ворох фотографий. Они заканчивались снимками, сделанными три-четыре года назад. Потом уже Олегу надоело печатать их с фотоаппарата.

Последняя фотография — Олег, в одном пиджаке стоящий на фоне замерзшей реки. Тогда было холодно, но он наотрез отказался надевать куртку, все равно до машины было недалеко.

На обороте убористым почерком выведено: «Игорю, моему ученику, в память о грехах моих, прошлых и будущих, и во избежание грехов твоих. Декабрь 2008». Я хорошо помню, что было после того, как мы сделали эту фотографию. И отчего там появилась эта подпись. Подумать только, без малого уже три года прошло.

Наконец я нашел, что искал — еще одну старую бумажку, еще одну условность, придуманную давным-давно. Это был длинный список калигатов, последним в нем пока что значился Олег. Но уже завтра там будет еще одно имя.

«Уходит один — на его место должен прийти следующий». Так было всегда.

Так будет и сейчас.

***

Оставшиеся часы вылились в тягостное ожидание — когда и начать чего-нибудь толком делать не можешь, и расслабиться тоже. Я вертел в руках ту самую фотографию, перебирал варианты расшифровки этой диковинной надписи, которая каким-то образом оказалась на моей ладони, считал оставшиеся дни

отпуска, просто смотрел в окно на облетающие с деревьев желтые листья. Сентябрь как-то незаметно подползал к своему финалу, с каждым днем все больше и больше походя на настоящую осень.

Когда уже начали сгущаться сумерки, я допил очередную чашку чая — когда-нибудь мне эта фраза точно надоест — и начал собираться. Ну, как собираться — просто переоделся. В прихожей подумал, что хорошо было бы одеться поприличней, но менять старые джинсы, футболку и тапки уже было крайне лениво.

Вот так и ходят на самые важные разговоры в жизни.

Подхватив папку с документами, я потянулся было за своими темными очками, но все-таки оставил их на месте. Никакого смысла в них не было сейчас.

В подъезде уже было темно, особенно у лифта. Но лифт я по привычке проигнорировал и пошел вверх по лестнице.

На восьмом этаже я уже не был кучу времени — месяца четыре или около того. Олег обычно сам спускался, если ему что-нибудь надо было, либо мы обсуждали дела в машине. Сейчас, в общем-то, он тоже мог бы зайти, но беседа намечалась специфическая.

Тут, как я уже успел неоднократно отметить про себя, важен был сам ритуал. Все эти бумажки, это медленное восхождение — черт, я чуть не рассмеялся, настолько все это было патетично.

Но все-таки не мне нарушать все эти условности.

Вот и большая металлическая дверь, которая преграждала путь в общий коридор для двух квартир — Олега и, соответственно, его соседа. Две маленькие кнопки звонков рядом терялись на ее фоне.

Я на всякий случай еще раз просмотрел папку с документами, положил список на самый верх — чтобы долго потом не рыться — и нажал кнопку звонка.

Олег долго шуршал, открывая дверь непосредственно в квартиру, потом еще возился с замком на этой, коридорной, двери, но в конце концов открыл и ее. Меня встретил привычный хмурый взгляд, тоже не скрытый темными стеклами. Олег пожал мне руку и коротко бросил:

— Проходи.

Олег тоже жил в трехкомнатной квартире, правда, жилой тут была только одна комната. Если я просто отсекал ненужное мне пространство закрытыми дверями, то мой наставник поступил более рационально.

В одной из комнат у него расположилось настоящее книгохранилище, причем наравне с вполне безобидной научной и художественной литературой, тут еще лежали всякие дикие вещи вроде «The Origin of Caligates» и «Das Wissen Verkörpert» — труды разной степени мистичности, в которых калигаты прошлого искали объяснение и оправдание нашему бытию.

Другая комната являла собой странный гибрид мастерской и кабинета. Здесь Олег хранил все, что нужно было ему для работы — как своей обычной, так и нашей, избавительской. В частности, на стене там висело несколько ружей и большая коллекция ножей с лезвиями из самых разных материалов. Олег уверял, что это досталось ему от его наставника, хотя лично я всегда считал, что и сам он изрядно коллекцию пополнил.

Третья, довольно небольшая комнатуха, где Олег и жил, ничего интересного из себя не представляла. Кровать, стол, компьютер, шкаф с одеждой, тумбочки — вот, в общем-то, и все.

Беседовать мы, разумеется, собрались на кухне. Универсальное место всей бытовой дипломатии, демилитаризованная зона гостеприимства. На кухнях с давних пор творилась история.

Олег достал нам с ним по рюмке вместе с бутылкой «Егермейстера». Выпили по одной «за встречу».

— Мм, ты уже и документы все сразу принес, — довольно хмыкнул Олег, укаывая на папку. — Отлично, два раза бегать не придется.

— А ты, я смотрю, даже не удивлен, что я все уже знаю.

— Игорь, я в тебе никогда не сомневался. Хотя на самом деле мне это Ольга сказала.

— Ну, вообще-то это мы на пару с Городецким доперли. Ты ездил к Ольге?

— Юра у нас тоже не дурак, особенно что касается выпить. Да, заезжал сегодня днем, надо было все-таки попрощаться. Ты эту ее девчонку видел? Совершенная дикарка, аж жуть.

— Ты все дела уладил?

— Да вроде да. Долгов я тебе совсем мало оставляю.

— Я уже посмотрел, да, мне с ними расплатиться где-то за месяц получится. Терпимо. А правда, что мне еще к *нему* надо будет?

— Да, хреново это, но правда. Но тебе просто отметить, никаких обязательств не будет. Я обещаю, долгов у меня по этой части нет.

— Верю, — кивнул я. — Давай уж сразу покончим с этой дурацкой формальностью?

— Без проблем, давай ручку.

Я протянул ему список и ручку. Олег размашисто зачеркнул свое имя и вписал под ним мое.

— Все, теперь ты официально занял мое место, с чем тебя и поздравляю. За это надо выпить.

Мы опрокинули еще по рюмке, и Олег, извлекший из холодильника нарезанный апельсинчик, сказал:

— Вот теперь можно и нормально поговорить.

У нас с наставником отношения всегда были примерно как у средних лет отца и взрослого сына. Это, на самом деле, большая редкость среди калигатов. Тот же Юра и его наставник были больше собутыльниками, чем друзьями.

Олег с самого начала меня всячески поддерживал — хотя, как потом выяснилось, тоже по своим причинам, но все же. Избавителям вообще сложно адаптироваться в существующую экосистему городских калигатов, а я еще тогда был довольно-таки юн и неопытен. Именно Олег научил меня всем тонкостям нашего существования.

Еще одной заслугой моего наставника я всегда буду считать его прямоту и честность. Олег не стал мне вешать лапшу на уши или пытаться обходить острые углы. Он мне сразу пояснил, насколько поганой является жизнь калигата и как сложно порой не подохнуть во всем этом чертовом беспорядке.

— Для начала я тебе расскажу, зачем вообще путь нужен. В общем-то это рассказывать необязательно, по мой наставник рассказал это мне, и не стоит нарушать такую своеобразную традицию. Давай еще по рюмке и начнем.

Опрокинув очередную порцию, Олег крикнул, съел еще дольку апельсина, и продолжил:

— Вот ты как считаешь?

— Я всегда думал, что это либо ловкий способ избавиться от необходимости опекать молодежь, либо действительно какое-то очень крутое знание, сродни просветлению у буддистов. Чтобы не свихнуться окончательно со скуки и пошлости этого мелочного людского знания.

— Ты, конечно, прав, причем прав и в том, и в другом случае. Однако по факту, путь — штука немного другого назначения. Видишь ли, Игорь, знание не просто выворачивает нам всем мозги. Знание еще и разрушает нас.

— Я об этом и говорю. Я понимаю деструктивное воздействие знания на разум.

— Нет, нет, сводить с ума — это одно. Знание убивает нас буквально, оно разрушает наш организм. Человек по природе своей не предназначен быть банкой для информации. Точнее, даже не банкой, а батареей, которая информацию еще и отдает. И чем знание значительней, чем оно сильнее может или уже влияет на существующий порядок вещей, тем сильнее оно сокращает срок службы наших бранных тушек. Я отправил тебя к тому старику...

— Чтобы не получить по морде от молодчиков Сулеймана, ага.

— Не только, хотя и за этим тоже. Так вот, — Олег еще выпил, — я хотел тебе показать, что такое быть калигатом не десять, не двадцать лет, а все шестьдесят. Ты видел, во что превращается знание. Этот старик умер бы через пару месяцев в мучительной агонии.

— Но шестьдесят лет — приличный срок. Зачем искать путь, если у тебя в запасе есть полвека с лишним?

— Путь — это лекарство, понимаешь? Лекарство от неизбежной смерти.

— Все мы когда-нибудь умрем.

— Игорь, послушай. Быть калигатом — обречь себя не просто на смерть, а на смерть мучительную и неизбежную. Ты вряд ли дотянешь до шестидесяти. И тебе не удастся тихо скончаться во сне.

— Однако ты мне тут приводишь в пример старика, которому явно уж за шестьдесят, и одновременно с этим утверждаешь, что до шестидесяти не доживают. Противоречие же, — я тоже опрокинул в себя еще порцию.

— Ты забываешь, что старик жил в полной изоляции от людского знания. Если правильно питаться и жить в нормальной экологии, тоже будешь долгожителем. Мне вот осталось в лучшем случае лет пять-семь.

— И поэтому ты решил искать путь?

— Ты уже достаточно самостоятелен. И я в тебе полностью уверен. Поэтому, да, я решил найти путь.

— И исчезнуть.

— Игорь, я не знаю, как он работает. Никто не знает принципов действия пути. Но я готов заплатить такую цену. Я видел, как умирали калигаты, не сумевшие путь найти. Это страшно.

— Черт, Олег. Получается, что каждый наставник обрекает ученика на это? Калигат — это же больной человек, по сути. Причем болен он чем-то похуже СПИДа или гепатита В. И смысл нашего существования сводится к тому, чтобы найти того, кому передать свою заразу — а самим попытаться спасти свою задницу.

— Да, я тоже охренел, когда это узнал. Но, да, по сути, так оно и есть.

— Знаешь, а я ведь все понимаю. И я сделаю точно так же.

— В этом и есть весь ужас, Игорь. Калигаты принимают это как просто закон природы. Как закон выживания.

— Все мы живем по первому принципу.

— Иногда даже слишком.

— Но ведь ты говоришь, что не каждый калигат узнает все это о знании. Значит, нельзя окончательно обобщать. Зачем мы тогда существуем? У тебя вон куча книжек на эту тему.

— Да ответ, в общем-то, весьма простой. Мы поддерживаем знание. Каждый калигат держит свое знание, а все вместе получается знание вообще. Аспекты помогают придавать системе динамику. Вот, в принципе, и все.

Мы замолчали. Еще выпили. Я начал чувствовать, как слегка пьянею. Олег

тем временем достал сигарету и неторопливо закурил.

— Олег, вот еще вопрос на повестке заседания. Как с твоим имуществом и прочим? Я подсуетился, Городецкий мне поможет тебя якобы в сторону Гималаев отправить, мол, просветления искать. А документы как?

— Ух ты, прям просветления, хе-хе. Да чего документы, я все на тебя оформил давным-давно. Никаких проблем быть не должно, а если что, позвони Косте, он тебе поможет. Кстати, да, я объяснил ему ситуацию, так что не стесняйся, обращай к нему. Он мужик адекватный, хотя община у нас, конечно, та еще.

Мы снова замолчали на несколько минут.

— А ведь и не скажешь, что это последняя наша встреча, — нарушил тишину Олег, задумчиво почесав бороду. — Я по-другому ее представлял.

— Я тоже, — отозвался я. — Думал, будет больше пафоса и драматичности, красивых слов и строгих костюмов. Но мы как обычно сидим и выпиваем на кухне, в мятых футболках и в тапочках.

— Пожалуй, это даже хорошо.

— Думаешь?

— Я никогда не хотел делать из своего пути какую-то трагедию или что-то подобное. Ладно бы что-то менялось по существу. А так — завтра все будет абсолютно так же.

— Ага, я, когда только обо всем задумался, тоже стал париться. Но посидел ночь, обмозговал и пришел к аналогичному выводу — ничего не изменится по большей-то части. Разве что теперь у меня будет ученик.

— Его еще предстоит найти. И ты же прекрасно знал, что Ольга откажется — зачем тогда у нее спрашивал?

— Да я и не надеялся, что она мне поможет. Так, обозначил текущий расклад дел.

— Мм, этакий намек, что теперь во всех аморальных с ее точки зрения деяниях нужно винить только тебя?

— В точку. Она иначе не стала бы воспринимать меня всерьез.

— Она и сейчас не станет. Ты поаккуратней с Ольгой. Не надо ее злить. Она хоть и провидица, но при случае не оставит от тебя и мокрого места.

— Я и не собираюсь, — ухмыльнулся я. — Если не Ольга, так эта ее девчонка уж точно кого хочешь на кусочки порвет.

— Судя по всему, у них там тоже не все гладко. Когда я приехал, они весьма оживленно ругались.

— Да брось ты, с кем не бывает. Ей всего лет девятнадцать, если не меньше, еще бы она с Ольгой не ссорилась.

— Ты прав, наверное. Давай уже допивать.

Пропустив еще по паре рюмок, я понял, что разговор начал выдыхаться. Вроде бы и последняя встреча, вроде бы и срыв покровов — но говорить уже становилось не о чем. Можно было бы спросить Олега о поездке в Питер, но я и сам прекрасно знал, чем он там занимался. Надо было бы уже прощаться.

Я снял свои очки — те, обычные, которые я всегда ношу. Потер переносицу.

— Надо закругляться, — опередил меня Олег. — Наверное, много еще о чем стоило бы поговорить, но как обычно бывает, в нужный момент ничего дельного на ум не приходит. А раз не приходит — значит и не нужно.

Я поднял глаза на него.

— Но надо же как-то попрощаться.

— Я никогда не был в этом силен, — пожал плечами Олег.

Снова воцарилась тишина. Но потом мой наставник все-таки продолжил:

— Хотя... не будь мной, Игорь. Вот что я тебе говорю на прощание. Не будь мной.

— Постараюсь, — ответил я.

— Все закончилось там же, где и началось, — вдруг сказал Олег.

— Восемь лет, а стол все тот же, — кивнул я.

Еще одна заминка — мы последний раз чокнулись и выпили.

— Прощай, Игорь.

— Прощай, Олег.

Время приближалось к половине первого. Едва я забрался обратно в свою темную квартиру, то сразу же разделся и лег — меня сильно клонило в сон после выпитого.

***

Дребезжание.

Дребезжание. Мерзкое дребезжание.

Где-то на окраине восприятия.

Прочь.

Прочь.

Но дребезжание не прекращается.

Мерзкое дребезжание.

Я открываю глаза.

Я медленно отрываю голову от подушки.

Очень хочется спать.

Дребезжание не прекращается.

Я поднимаюсь с постели.

Дребезжание исходит из прихожей.
Дребезжит звонок.
Я хочу вырвать его с корнем.
Но не могу.
Тогда я решаю открыть дверь.
На пороге стоит кто-то.
Я не различаю его лица, только странный черно-белый силуэт.
«Игорь! Игорь!»
Я слышу свое имя.
«Игорь! Со мной, скорее!»
Это сосед Олега.
Он зовет меня куда-то.
Я иду.
Дверь в квартиру Олега.
Она распахнута.
В квартире горит свет.
Я щурюсь, он слишком яркий.
Сосед говорит еще что-то.
Но я не слышу.
Я иду в квартиру.
Везде горит свет.
Зачем так много света?
Я хочу найти Олега.
Но его нигде нет.
В библиотеке раскиданы книги.
В кабинете все бумаги смяты и разорваны. Ножи валяются в беспорядке.
На кухне битая посуда.
Олег лежит на полу, рядом со своей кроватью.
Я присаживаюсь рядом.
Его глаза закрыты.
Я машинально проверяю пульс.
Его нет.
«Он мертв».
Это снова сосед. Что за чушь он говорит?
Я снова проверяю пульс.

Его нет.

Дыхания нет тоже.

Только сейчас я понимаю, что кожа холодная.

Слишком холодная.

Одна рука сжата в кулак.

Я аккуратно разжимаю холодные пальцы.

Это записка.

Я разворачиваю ее и читаю написанное неровным почерком.

Там два слова.

«Я ошибся».

veritas/правда

Огонь медленно начал ползти по сухим веткам. Они негромко потрескивали, подпитывая разгорающееся пламя. Костер постепенно разгорался.

Эти несколько дней прошли ужасающе бесполезно. Сначала приехал Константин вместе с Егором — нашим верным стражем порядка. Еще я вызвонил Городецкого. Естественно, никакого вмешательства людей мы не допустили. Егор через свои связи в милиции быстро оформил все необходимые бумаги по этой части, а Городецкий напруг наставника и своих коллег с работы и организовал должное медицинское освидетельствование, которое выявило причину смерти — обширный инсульт. Так и записали.

Беспорядок в квартире вызвал кое-какие подозрения, но судя по показаниям соседа, Олег сам долго чем-то гремел, словно искал что-то. Раз уж смерть была ненасильственная (даже следов инъекций не обнаружили), а из квартиры ничего не пропало, то на кавардак решили закрыть глаза — по моему настоянию. Ни к чему было привлекать лишнее внимание и вмешивать посторонних.

Меня, конечно, тоже допросили — я позволил Егору проверить мои знания за тот вечер, что окончательно подтвердило мою полную непричастность.

Но инсульт сгодится только для людей. Мне не было оснований не доверять Городецкому, и с точки зрения сухих фактов, это наверняка был инсульт. Но Олег не мог просто так получить кровоизлияние в мозг — уж чего-чего, а против типичных болезней знания у него были. К тому же, бардак в квартире тоже заставлял задуматься — если его действительно устроил сам Олег, то что же он такое важное искал?

И эта совершенно неожиданная смерть по совершенно нелепой и невозможной причине при странных обстоятельствах сама по себе вызывала много вопросов — а если говорить откровенно, то подозрений. Дело тут явно было нечистое.

Вполне в духе калигатов.

Еще эта записка, которая ныне лежала в моем кармане. Как будто мне предыдущего непонятого послания не хватало, тьфу. Ее никто не видел, и показывать этот клочок бумаги я не собирался. Если к смерти Олега кто-то причастен, то я не могу никому доверять.

Община предлагала мне помощь, от которой я вежливо отказался. Впрочем, за дрова им можно сказать спасибо. Я бы их сам не дотащил.

Ночь была сегодня весьма прохладная, но рядом с уже разгоревшимся костром мне становилось даже жарко. Я расстегнул плащ.

Рядом стоял Городецкий — одному мне все равно было не управиться. Стоял он так тихо, что время от времени я забывал о его присутствии и невольно вздрагивал, когда отсветы пламени выхватывали его из темноты. Городецкий,

кажется, смотрелся еще хуже меня — весь какой-то осунувшийся, черты лица заострились, под глазами круги. Это могли быть как последствия очередного запоя, так и что-то серьезное — но он молчал, а расспрашивать у нас не принято.

Когда пламя поднялось выше человеческого роста, я кинул туда выданную мне Константином склянку с каким-то химическим соединением, вроде термита, но куда круче — возможно, смесь в этой склянке даже нарушала пару-тройку химических законов. Пламя на пару секунд стало ярко-синим.

Теперь после окончательного сгорания на месте не останется ничего — все превратится в легкий пепел, который тут же будет унесен ввысь с первым дуновением ветра, который осенней ночью то и дело гулял по лесу.

Уже было за полночь, наверное. Мы начали на закате, когда солнце только-только начало опускаться за деревья, и пробыли тут прилично времени. Ладно хоть стоять было не так холодно — у огня неприятный ветерок совсем не ощущался.

Я по-прежнему был чертовски деятельным. Подумать только, всего два дня прошло, а я уже сделал все необходимое — разобрался с долгами Олега, уладил все формальности с общиной, оформил все необходимые бумаги и организовал погребение. И всякую мелочевку привел в порядок.

Кажется, за эти двое суток я спал всего четыре или пять часов, но я по-прежнему не мог думать о чем-либо, кроме работы. Я не вылезал из своего черного — временно переименованного в «траурный» — свитера, даже дремал в нем. За два дня я сжег полтора бака бензина, а домой заезжал ровно на тридцать минут.

Такой бешеный темп меня почему-то успокаивал. Я был занят, что неплохо отвлекало от мысли о мертвом наставнике. Пусть даже Олег все равно бы ушел — его смерть отнюдь не вписывалась в нормальное течение бытия. Но все эти дела неплохо меня занимали. В конце концов, работа — все, что у меня теперь осталось в жизни.

Я смотрел в огонь — уже просто огонь.

— Что дальше? — спросил Городецкий, когда костер начал догорать.

— А что дальше? — пожал я плечами.

— Что ты собираешься теперь делать?

— Жить, работать. Собирать знание у этих идиотов. Все как всегда.

— И ничего не изменится?

— Разве что у всего этого будет цель.

— Цель?

— Найти чертову правду.

***

К утру ударили первые заморозки. Небо стало необычайно высоким и прозрачным, и сквозь этот хрустальный, почти звенящий воздух наше северное солнце скользило радиантом, вычерчивая едва уловимые грани пустоты.

Я стоял на пустой набережной, глядя на окутанный легкой дымкой мост. Мне не хотелось возвращаться домой, и после погребения я сначала отвез Городецкого, а потом долго колесил по спящему городу.

Пять-шесть часов утра в самом начале октября — благодатное время, когда света уже достаточно, чтобы не полагаться на искусственное мерцание фонарей, а люди в большинстве еще не проснулись. Город предоставлен сам себе, он свободен от тяжелых и серых мыслей его обитателей.

Пусть мои глаза не способны видеть всю полноту окружающего меня цвета, я все равно наслаждался этим утром. В нем было то самое холодное стеклянное спокойствие, преломляющееся в окнах домов, в не до конца еще высохших лужах, в речных водах и в высоком небе. Спокойствие мне было сейчас очень, очень необходимо.

Я специально выкроил себе это утро, чтобы немного абстрагироваться от всего произошедшего. Иначе возьмись я за дело в том же состоянии, в каком я пробыл эти несколько суток, ничего путного бы не вышло. Меньше эмоций, больше рационального мышления — вот что мне сейчас требовалось.

Я прошелся туда-сюда, пытаюсь собраться с мыслями. Сейчас, после погребения, все как-то слишком резко затормозилось — мне отчаянно хотелось продолжить жить в этом бешеном темпе.

Но мне действительно нужен был покой. Солнце постепенно поднималось все выше, я медленно брел по набережной, приближаясь к бетонной громаде моста, по которому уже сновали туда-сюда машины. Мост отбрасывал граненую тень и служил своего рода границей между утром и ночью.

Я остановился у ограды и закрыл глаза. Все оно должно быть не так. Я мог сколько угодно отмахиваться от Городецкого и говорить, что все в порядке, но внутри я был полностью опустошен. Впервые за долгое время я не знал, что будет дальше. И будет ли вообще что-то.

Черт возьми, я только что развеял прах единственного человека, которому мог доверять. Еще все эти гребаные загадки — записка эта, странная надпись якобы из моего же сна. И что самое отвратительное, мне все еще нужно было посетить его.

С другой стороны, если мне и мог кто-то помочь, то только *он*. Правда, обращаться к *нему* за помощью — совсем уж крайняя мера, но по вечной иронии бытия этот беспринципный ублюдок был единственным, кто меня не предаст — *он* всех нас презирает одинаково и не видит совершенно никакого смысла делиться информацией бесплатно.

Так что если все пойдет совсем уже хреново, то я знаю, к кому обратиться.

Только я еще серьезно подумаю, а не ли вышибить себе мозги вместо этого — дешевле отделаюсь.

Ха. Успокоиться я решил, мать вашу.

Хотя мне действительно стало легче. Вернулось чувство реальности.

Это было прекрасное утро.

***

Когда в дверь позвонили, Ольга собиралась на работу. Естественно, в восемь утра она никого не ждала, и звонок ее порядочно удивил. Она накинула халат и посмотрела в глазок.

За дверью стоял аккуратно одетый юноша лет двадцати, со скучающим выражением лица, в темных очках и с конвертом в руках. Калигат.

— Вы к кому, молодой человек? — как можно грознее спросила через дверь Ольга.

— Меня попросили передать письмо. Я только адрес знаю, — ответил парень с плохо скрываемой скукой в голосе. — Брать будете?

Ольга с опаской приоткрыла дверь. Молодой человек с облечением всучил ей конверт и поспешно ретировался, что-то раздраженно бормоча себе под нос.

Ольга повертела письмо в руках — ни марок, ни штемпелей, ни имени отправителя. Знание о письме тоже молчало. Просто кусок бумаги.

Она распечатала конверт. Письмо оказалось напечатанным и очень коротким, больше похожим на телеграмму.

«Олег мертв. Обширный инсульт. По всем вопросам касательно его имущества и документов можешь обращаться ко мне как к правопреемнику. Игорь».

Не сказать, что весть о кончине бывшего мужа сильно расстроила Ольгу. Наверное, будь она моложе и сентиментальней, она бы с грустью вспомнила множество трогательных моментов их совместной жизни, но эта сволочь достаточно ее попользовала в своих целях, чтобы сейчас о нем горевать. Да и не бывает у калигатов трогательных моментов.

Теперь еще этот мальчишка, такой же, как Олег. Правопреемник нашелся, черт бы его побрал. Впрочем, само по себе содержание письма не значило ровным счетом ничего. Ольга была уверена, что подобные послания получили все более-менее крупные деловые партнеры Олега. И, разумеется, те, у кого был зуб на него. Таковы были правила игры, которые Игорь прекрасно знал.

Несмотря на довольно прозрачную внешнюю структуру, община изнутри представляла собой хрупкую конструкцию из интриг, временных союзов, старых обид, соперничества, предательств, подлогов и тому подобных высоких отношений. Поэтому Игорь всего лишь показывал бывших друзьям и недругам Олега, с кем теперь нужно считаться, сохраняя тем самым весь кавардак в относительно стабильном состоянии.

Самой Ольге уже давно было все равно. С общиной она не поддерживала никаких контактов, и закулисная кухня ее мало интересовала. Игорь в ее случае перестраховался — наверняка Олег надоумил. Или это действительно был простой акт вежливости.

Посмотрев на часы, Ольга выругалась — из-за этого дурацкого письма она уже опаздывала на работу. Быстро закончив собираться, Ольга перед уходом несколько раз сильно постучала в дверь комнаты Кати, чтобы та не проспала.

Они опять вчера поругались и с вечера не разговаривали. Ольга это все списывала на детдом и возраст, поэтому большого значения ссорам не придавала. Она остыла уже через пару часов, но Катю решила лишний раз не трогать.

Но обиды обидами, а в университет она ей опоздать не позволит. Еще раз постучав, Ольга еще раз глянула на часы, опять выругалась и поспешно ушла.

Дождавшись торопливых поворотов ключа в замке, из своей комнаты вышла Катя.

***

Мне не везло на осень. Причем капитально. Осенью умер отец, осенью же уехала мать, теперь вот Олег умер — и тоже осенью.

Последние несколько дней стояла ясная и прохладная погода. Моя квартира была залита ярким светом. Я сначала открыл окна на кухне и у себя в комнате, а потом подумал и решил проделать то же самое в двух оставшихся комнатах. Меня встретил застоявшийся воздух и пыль, поднятая моим вмешательством и кружащаяся в столбиках света. Я даже закашлялся. Черт, как же давно я здесь не был. Надо было бы прибраться, но на это меня сейчас все равно бы не хватило.

Квартира стала необычайно светлой, а свежий воздух привнес какое-то чувство обновления. Все-таки прогулка по набережной оказала действительно благотворное влияние — мне дико хотелось жить, причем жить по-новому.

Я позвонил на работу. Мой отпуск должен был закончиться через пару дней, но с новыми обязанностями торчать в офисе вряд ли получится. Посему я очень вежливо попросил своего начальника позволить мне работать на дому. В конторе я был одним из ведущих специалистов и уже отказывался от двух повышений, так что моя просьба была удовлетворена без каких-либо возражений.

Еще надо было сообщить на работу Олега о его смерти. Я совсем забыл про это. Олег работал в небольшой фирме юридическим консультантом с очень, очень гибким графиком. Трубку взяла какая-то томная барышня, которая долго не могла понять, о каком именно Олеге идет речь, а потом принявшаяся причитать и поминутно выражать свои соболезнования. В итоге я смог ее успокоить только минут через пятнадцать и наконец-то спросить, могу ли подъехать прямо сейчас и уладить все формальности. И забрать его вещи, конечно — хотя сомневался, что у Олега там валялось что-то ценное.

Контора, где числился Олег, расположилась на первом этаже хрущевки по соседству с какими-то ноутбуками, компьютерами, оргтехникой и спортивной одеждой. Никогда не понимал эту погоню за дешевой площадью, которая в итоге превращала все в нагромождение лестниц и вывесок, а стену дома — в пестрое и довольно-таки аляповатое полотно супрематиста. С названием вроде «Черный квадрат, желтый прямоугольник, розовая трапеция и фирменный стиль одного крупного оператора сотовой связи».

Меня встретила та самая девушка, с которой я разговаривал по телефону — невысокая брюнетка, на пару лет моложе меня. Я поздоровался и машинально собрал какое-то знание — кажется, что-то про ее парня. За время этой кутерьмы я толком-то людей не видел, поэтому испытывал легкий информационный голод. Так что сгодилось и это.

У Олега, как выяснилось, даже своего кабинета не было, а все его рабочие материалы умещались в двух папках. Я бегло их просмотрел, но ничего интересного там не обнаружилось — только сплошная юриспруденция. Впрочем, с Олега стало бы спрятать какую-нибудь жутко важную штучковину среди этой скукотищи. Поэтому папки я забрал — на долгую память и в назидание потомкам.

Меня уговорили остаться выпить чаю — всего в конторе обнаружилось еще четыре скучающих женщины бальзаковского возраста, которые не преминули обрушить на меня шквал соболезнований. Вперемешку с конфетами и печеньем они без устали рассказывали, какой Олег был замечательный специалист, как он на мах решал все дела и как им будет теперь без него трудно. И как Олег их терпел?

В итоге у меня все это затянулось до двух часов и, вероятно, могло длиться до самого конца рабочего дня, но к дамам зашел посетитель. Я быстро этим воспользовался и деликатно откланялся.

Уже на выходе я мельком бросил взгляд на моего спасителя. И у меня появилось стойкое ощущение, что я где-то уже видел этого странного мужчину в коротком светлом плаще. Только я никак не мог вспомнить, где же я с ним мог пересечься.

Ну да черт с ним. Я пожал плечами и с чувством выполненного долга вышел на улицу.

***

Катя, умывшись и позавтракав, решила выяснить, что же так задержало Ольгу. Ее опекуна — Катя всегда называла ее именно так, когда была чем-то на нее обижена — никогда не позволяла себе даже на минуту опоздать, а сегодня Ольга разбудила ее на целых двадцать минут позже. Здесь явно что-то было не то.

Катя слышала сквозь сон, как кто-то звонил в дверь и как Ольга с кем-то го-

ворила, но не могла ручаться, что это ей не приснилось. Она вчера опять поздно легла, поэтому до сих пор дьявольски хотела спать. Катя широко зевнула.

Это все из-за Ольги. Какого черта она так далеко живет? Из-за этого Кате каждый день приходилось ждать сорок второй, вечно полный, а потом пересаживаться на Гознаке. И в итоге на дорогу до университета уходил час с лишним, если не все полтора. Ладно хоть училась Катя во вторую смену.

Тут надо было бы заметить, что не будь Ольги, Катя жила бы сейчас неизвестно где. Но Катя была слишком зла на свою опекуницу, чтобы об этом вспоминать.

Она вернулась к выяснению причины утренней заминки. Беглый взгляд на обстановку в квартире никаких изменений не выявил. Все как всегда, до обращения опрятно и аккуратно. Ольга проявляла болезненный перфекционизм во все, что касалось порядка в доме. Это тоже была одна из причин ссор с Катей, которая абсолютно индифферентно относилась ко всей хитрой системе ее правил.

Однако Катя достаточно быстро нашла оставленный в прихожей конверт и лежащее рядом письмо. Прочитав короткое послание Игоря, она вернула его на место и задумалась.

Она знала, пусть и весьма эпизодически, всю эту историю с Ольгой и Олегом — та частенько костерила бывшего мужа, хотя Катя и не могла никак взять в толк, что же между ними такого произошло. Известие о его смерти, естественно, несколько не задело Катю, которая даже не представляла, как Олег выглядел.

А вот подпись ее заинтересовала. Она была не в курсе, кем Игорь приходился Олегу, но прекрасно помнила визит некоего Игоря несколько дней назад. Катя попыталась было расспросить Ольгу о нем подробнее, но та резко пресекла все вопросы и запретила даже упоминать это имя в доме. Естественно, это еще больше подогрело интерес Кати к этому человеку.

Ольгу она никогда не любила. Она вообще с подозрением относилась к любым опекунам — начиная со своей родной матери, которая была запойной алкоголичкой.

Ее, конечно, лишили прав в конце концов. Кате тогда было лет двенадцать. Ее должна была взять на опеку сестра, которой как раз исполнилось двадцать один. Но сестра весьма неожиданно умерла — вроде что-то с сердцем, хотя одно время поговаривали, что ее изнасиловал и задушил какой-то придурок. Катя, к своему же удивлению, почти не помнила свою сестру — никто ее не помнил, что у самой Кати всегда вызывало смешанное чувство удивления и раздражения.

Так Катя оказалась в детском доме, где и прожила до семнадцати, пока ее не забрала Ольга. Причем Ольга изначально не думала делать ее калигатом —

она забрала ее не в поисках ученицы (Ольга вообще скептически относилась ко всем этим традициям), а из материнских чувств.

Катя, разумеется, была ей отчасти благодарна после пяти лет пребывания в не самых замечательных условиях — и это еще не вспоминая жизнь с матерью — но деспотичность Ольги и множество ее старых обид, страхов, тревог и опасений постепенно ухудшали отношения между ними.

Так что Катя решила во что бы то ни стало найти Игоря — и наплевать, что об этом подумает Ольга.

***

На следующий день мне ничего не оставалось, кроме как выполнить самую неприятную часть всей этой кутерьмы с правопреемством. Пора было нанести визит ему.

Но перед этим еще надо было найти небольшую аккуратную черную визитку с адресом, напечатанным на ней белыми буквами, по которому его можно было найти. Адрес этот менялся сам собой, если он куда-то переезжал, но запомнить его было невозможно, равно как и записать или сфотографировать. Такие визитки он давал всем своим клиентам — через них же он информировал о том, что пора платить по счетам.

Хотя я весь остаток вчерашнего дня потратил на разбор документов, часть из которых перекочевала из квартиры Олега в мою, визитки я так и не обнаружил. Олег никогда не говорил, где он ее хранил. Да мне и незачем было это знать — по доброй воле я все равно бы не сунулся к нему.

Однако раз Олег все равно готовился передать мне все дела, то черная визитка не могла быть спрятана очень далеко. Ее отсутствие среди документов меня озадачило. Когда я перебрал бумаги еще раз и вновь убедился, что визитки нигде нет, по спине пробежал неприятный холодок.

Со стороны могло показаться, что я нервничаю по пустякам. Но когда имеешь дело с *ним*, пустяков не бывает. С этим козлом всегда надо держать ухо востро — не успеешь оглянуться, как все обратится против тебя.

Я не знаю, чем уж Пермь его так привлекала, но жизнь пермских калигатов была неразрывно связана с *ним*. Хотя официально он не входил в общину и вряд ли даже считался калигатом, каждый из нас в один не очень прекрасный момент неизбежно приходил к нему.

И он всегда помогал. Для него не было неразрешимых проблем. Если ты пришел по адресу, указанному в черной визитке, то будь уверен, о прежних проблемах ты забудешь.

У тебя останется только одна-единственная головная боль. Это долг.

Он ничего не делал просто так. Для всего была цена. Порой совершенно неожиданная — но всегда очень и очень неприятная. Такая, какую платить очень, очень не захочется.

И если у вас хватит глупости решить, что вы сможете обвести *его* вокруг пальца, и вы проигнорируете долг, то тогда вы и узнаете, почему *его* боится весь город и предпочитает не называть лишний раз по имени. Любой договор, составленный *им*, предельно честен, точен и аккуратен — в нем можно найти все, вплоть до очередности пыток в случае неуплаты. И должнику не светила даже легкая смерть. Правда, все как обычно не читают написанное мелким шрифтом.

Если раньше *его* посчитали бы классической мефистофельской фигурой, предлагающей людям заведомо невыгодные сделки, то сейчас *он* был всего лишь очень умелым бизнесменом, услуги которого всегда можно было оплатить — если, конечно, вы готовы поступиться своими принципами, моралью и человечностью. И, как любой честный предприниматель, *он* предоставлял вам выбор — вместо оплаты всегда можно было стать должником и умереть страшной мучительной смертью, когда выше тело и разум — и даже составляющее вашу личность знание — очень профессионально и без всякой жалости режут на кусочки.

Именно поэтому я так переживал по поводу пропавшей визитки. Раз я должен был нанести ему визит, то тянуть явно не стоило. У меня, конечно, вроде был козырь в виде странной надписи — но что-то я сильно сомневался в его эффективности. Хотя на всякий случай его тоже надо бы взять.

Окончательно удостоверившись, что в принесенных мной вещах визитки нет, я решил снова подняться в квартиру Олега и поискать там. Одевшись, я полез в карман плаща за ключами.

Ключей там не было, я их, как оказалось, выложил. Вместо них лежал небольшой прямоугольник из черного картона. С белой надписью по центру.

Мне снова стало не по себе.

***

После пар Катя твердо решила не возвращаться домой. Во-первых, ей все еще не хотелось пересекаться с Ольгой. Во-вторых, она хотела что-нибудь разузнать об Игоре.

Договорившись с одноклассницей, что переночует у нее, Катя направилась в небольшой магазинчик, где торговали всякими футболками с логотипами групп, напульсниками и прочей атрибутикой. Там в основном работал пожилой мужчина, которого время от времени подменяла знакомая Кати — одна из немногих, с кем Ольга ей еще не запретила общаться. Впрочем, Кате были до лампочки эти дурацкие запреты.

Хотя общение ей тоже было до лампочки. Сейчас от знакомой Кате нужен был лишь контакт одного торговца информацией — если кто и мог располагать инфой об Игоре, то только всюду сующие свой нос трейдеры.

Получив пару заинтересованных взглядов от длинноволосых парнишек лет

шестнадцати, Катя многозначительным кивком позвала Лену. Та ответила ей таким же коротким покачиванием головы и предложила парням пока выбирать, а сама вышла из-за прилавка и отвела Катю в сторону.

— Привет, ты чего?

— Помнишь, ты как-то говорила, что у тебя есть адресок одного барыги?

— Ну, есть такое дело. Только берет он очень дорого.

— Но инфа качественная?

— На моей памяти никто не жаловался.

— Как насчет того, можно ли ему доверять?

— Ха, Кать, не будь такой наивной. Никому из нас доверять нельзя.

Лена мельком посмотрела в сторону все еще крутившихся в магазинчике подростков.

— Слушай, давай руку, — она достала ручку из кармана и неровно написала на протянутой ладони адрес. — Вот, его зовут Слава. Сомневаюсь, что вы сможете торговаться, конечно, но мое дело маленькое.

— Как-нибудь уж договоримся, — ответила Катя, несколько раз перечитав адрес и постаравшись его запомнить. — Спасибо тебе.

— Да не за что пока. Слушай, а зачем тебе вдруг понадобился трейдер? Ты что такое узнать захотела?

Катя покачала головой:

— Прости, это слишком личное.

Лена пожала плечами:

— Дело твое, — и направилась к покупателям.

Катя еще раз прочитала адрес и по пути к остановке прикинула, как до него добраться. Оказалось, что придется делать всего лишь одну пересадку, а ехать не так долго.

Где-то спустя минут двадцать пять она уже была у нужного ей дома, стоявшего в стороне от остановки. Едва она нажала на кнопку домофона, дверь открылась — видимо, Слава не особо был разборчив в визитерах.

Поднявшись в квартиру, Катя нашарила в темном подъезде звонок. Было слышно, как его трель раздалась в квартире, и из глубины ее донесся громкий крик:

— Открыто, проходите.

Катя сильно удивилась такой беспечности Славы. Все-таки торговцы информацией легко наживали себе врагов, и пускать кого угодно к себе в дом было весьма небезопасно.

Она повернула ручку и оказалась в просторной прихожей, в которой уже горел свет. Разувшись и повесив свою куртку на один из крючков, Катя неуверен-

но замерла, ожидая появления хозяина.

Слава не заставил себя ждать. Это был высокий молодой человек лет двадцати пяти, одетый в аккуратный серый пиджак, розовую рубашку и зауженные джинсы. Слава был из так называемого нового поколения продавцов информации, которое появилось в середине нулевых. Он и подобные ему работали хорошо оплачиваемыми менеджерами в различных фирмах или автосалонах, ездили на приличных авто гольф-класса, играли раз в неделю в боулинг или ходили в дорогие рестораны, а со своими клиентами — как людьми, так и калигатами — были предельно вежливы и обходительны. Правда, брали они очень и очень большие суммы, но зато ты мог не опасаться, что тебе устроят разборки или надуют. Проще говоря, Слава и его коллеги делали, что называется, бизнес.

— Пожалуйста, располагайтесь, — Слава вежливо указал рукой в сторону большой комнаты, где тоже уже горел свет, стоял невысокий стеклянный столик и несколько белых кресел.

***

Я уже подзабыл, каким красивым может быть город в сумерки, когда фонари еще не загорелись, а темнота уже начала подступать. Я ехал по растворявшимся в мягком вечернем пурпуре улицам, на которых алыми углями горели габариты бесчисленных авто, кровавыми тельцами разнося по городу жизнь.

Направлялся я в Мотовилиху. Визитка с точным адресом лежала рядом, но он тотчас же забывался, стоило мне только отвести от нее взгляд. Поэтому я предпочел просто наметить себе примерный маршрут. Точность мне потребуется только по прибытии, а пока нечего забивать себе голову.

Ехать к *нему* на ночь глядя было не самой лучшей идеей. Хотя начинать нужно было бы с того, что ехать к *нему* вообще было хреновой идеей, и время суток здесь особой роли не играло.

Та атмосфера иррационального страха, которая создавалась вокруг *его* личности, была совершенно необъяснима. Каждый из известных мне калигатов просто *знал*, что *его* следует бояться. Ты можешь ни разу не заключать с *ним* договора, но бояться *его* ты будешь в любом случае.

Этот страх доходил до того, что мы избегали лишней раз упоминать *его* имя. И всегда произносили все, относящееся к *нему*, с особой интонацией, представлявшей собой смесь отвращения, тревоги и животного страха. Хотя в *его* имени не было ничего такого. Абсолютно. Имя как имя, пусть и очень редкое для России.

Он даже не делал ничего противозаконного — если кто и заканчивал свою жизнь в мучениях после договора с *ним*, то только по собственной глупости. Или мягкосердечности.

Впрочем, принято было считать, что страх произрастает из ужасных слухов о

должниках, которых *он* настиг. Вполне разумное объяснение.

Но даже мне, едущему только лишь отметитья, было очень не по себе. Я сколько угодно мог взывать к своей логике и рациональной картине мира, но сводящий скулы страх перед *ним* побороть я был не в силах.

Хотя само *его* существование мало укладывалось в мое представление о мироустройстве. Для меня в мире всегда существовали люди. И калигаты — тоже люди, только с пристрастием к знанию. Первые были вполне себе обыденными существами, живущими весьма скучными жизнями. Вторые жили такими же скучными жизнями, только торчали от новой информации и умели показывать кое-какие фокусы.

Он же был чем-то совершенно другим. Такие, как *он*, были известны среди калигатов довольно давно, но настоящую их природу так никто и не постиг. *Он* словно насмехался над всеми законами мироздания.

Я уже свернул на нужную мне улицу и теперь искал дом, постоянно сверяясь с визиткой. Решив от греха подальше припарковаться у соседнего здания, я перешел дорогу и пересек небольшой двор, остановившись у самой обычной пятиэтажки. С замызганными лавочками у подъездов. И домофонами. И бело-рыжей кошкой, сидящей на подоконнике в какой-то квартире на первом этаже и с любопытством на меня таращащейся.

Такова была обитель самого жуткого существа, которых только знали калигаты. Я в очередной раз мысленно кивнул знанию, которое всегда ненавязчиво над нами посмеивалось.

Держа перед глазами визитку, я набрал номер квартиры. Дверь открылась практически сразу. Лифта, естественно, не было, поэтому я неторопливо начал свое восхождение на пятый этаж.

Надеяться на теплый прием не приходилось, но и козней тоже не предвиделось. Этакая лишенная сюрпризов бизнес-встреча, пусть и не совсем обычная. Наверное, стоило бы прийти в костюме, а не как обычно, в мятом плаще и таком же черном свитере.

Он ждал меня уже на лестничной клетке, как всегда в безукоризненном костюме, на этот раз бежевого оттенка. *Его* жутковатый взгляд сосредоточился на мне, и я, ощущая липкий комок страха где-то внутри и стараясь при этом выглядеть как можно спокойнее, произнес:

— Добрый вечер, господин Сальвадор.

***

Катя осторожно села в одно из кресел. Слава, принесший из кухни графин с водой, две чашки чая и небольшую вазочку с конфетами, присел в кресло напротив.

— Здравствуйте. Как я могу к вам обращаться?

— Катя.

— Катя, чем я могу быть вам полезен?

— Мне нужно найти одного человека... точнее, калигата.

— К сожалению, я занимаюсь только продажей информации. Поиск отдельных личностей не входит в сферу моей компетенции.

— Только адрес. Мне нужен только адрес. Адреса — это же информация?

Слава нахмурился на секунду, но тут же на лицо вернулась привычная улыбка.

— Да, вы правы, адресами я занимаюсь. Однако на это потребуется определенное время, и, конечно, значительные средства.

— Знание?

— Я с удовольствием приму и денежные средства, как вам будет удобнее. Возможна рассрочка платежа. Какой информацией вы уже располагаете?

— Его зовут Игорь, он пермский калигат и в его окружении недавно умер от обширного инсульта кто-то по имени Олег.

Слава что-то посчитал про себя и ответил:

— Адрес этого калигата будет стоить тридцать семь тысяч шестьсот пятьдесят рублей. Или же эквивалентное знание о калигате из другого региона.

Катю цена повергла в легкий шок. Она, конечно, предполагала, что услуги торговца информацией обойдутся ей недешево, но такая стоимость за единственный адрес ее ошарашила.

— Мне... мне нужно будет подумать... — смогла выдавить она. Слава, привыкший к подобным реакциям клиентов, ничуть не смутился и привычным движением извлек из внутреннего кармана визитку.

— Пожалуйста, мои контакты. Если надумаете воспользоваться моими услугами — звоните. Я могу вам чем-нибудь еще помочь?

Катя хотела уже извиниться за беспокойство и уйти, но зачем-то выпалила:

— Откуда вы знали, что я приду? У вас даже дверь была не заперта.

Слава улыбнулся еще шире — на этот раз, кажется, даже искренне.

— О, видите ли, я провидец, как и вы. Поэтому ваш приход был для меня достаточно очевиден.

Катя недоуменно на него посмотрела и, чувствуя себя маленькой девочкой на лекции какого-нибудь крутого профессора, спросила:

— Провидец? Это как экстрасенс или что-то такое? Если вы об этом, то я уж точно ничего подобного за собой не замечала.

В свою очередь, Слава тоже порядком удивился.

— Я говорю о вашем аспекте. Об особенностях вашей работы со знанием. Мы, провидцы, интуитивно понимаем, по каким законам события будут разви-

ваться в дальнейшем. Мы видим перспективу, яснее понимаем, какая из бесчисленных вероятностей реализуется. И — за что провидцев особенно ценят — мы видим в людях потенциальных калигатов, вплоть до аспекта. Я удивлен, что ваш наставник не посвятил вас в это.

Последнюю фразу Слава произнес с легким упреком, в котором угадывалась беззлобная усмешка. Катя же ощущала, как у нее горят от стыда уши и щеки. Сейчас она наверняка выглядела в глазах этого симпатичного молодого человека последней дурой. Ей в силу своей неопытности еще не могло прийти в голову, что молодому человеку все равно, и он давно уже думал о чем-то своем, выкинув из головы и эту последнюю фразу, и Катю в целом.

Но Катя всего этого, разумеется, не знала, и посему больше пересекаться со Славой ей не хотелось.

Катя сбивчиво и невпопад попрощалась, неуклюже — как ей показалось — оделась и пулей вылетела из квартиры. Такой опрометчивый поступок наверняка уничтожал последнюю надежду отыскать в городе калигата по имени Игорь, но девятнадцатилетней девушке, только что опозорившейся перед красивым парнем старше себя, было уже плевать.

На улице было сумрачно, начал накрапывать дождик. Она не знала, сколько сейчас точно времени, но дело определенно шло к вечеру. Спрятавшись от мороси под автобусной остановкой, Катя успокоилась и поняла, какую ошибку сейчас совершила. Хотя ей ничего не стоило на следующий день взять и позвонить Славе — при условии, конечно, что она найдет деньги — дурацкие подростковые комплексы, еще не выветрившиеся из Катиной головы, сделать это не дали бы при любом раскладе.

Расстроенная и злая на себя, Катя почувствовала внезапный прилив безумной энергии и решила уехать в центр города, несмотря на усиливающийся дождь, стылый осенний ветер и надвигающийся вечер.

***

Он сидел напротив и неотрывно смотрел на меня. Или просто не считал нужным куда-то переводить взгляд — по его глазам было сложно определить, куда именно он смотрит.

Глаза, в общем-то, были единственно по-настоящему жуткой деталью в его портрете. В остальном Сальвадор выглядел как интеллигентный мужчина лет сорока пяти. Он был очень худым, с величественным профилем и тонкими губами. Смуглая кожа туго обтягивала скулы, а гладко выбритые щеки казались немного впалыми. Темные волосы, едва тронутые сединой, аккуратной прической спускались до плеч и едва касались дорогого костюма. Сальвадор, насколько я помню, всегда ходил в костюмах — боюсь даже представить, сколько у него галстуков.

Странно, но встретившись с ним лицом к лицу, я перестал испытывать это

неподконтрольное чувство тревоги. Только глаза все еще заставляли слегка нервничать.

Глаза Сальвадора действительно были чем-то из ряда вон выходящим. Это не были глаза обычного человека, конечно. Но и глазами калигата они тоже не являлись.

В глазницах Сальвадора царила абсолютная темнота, будто сам свет поглощался этими бездонными колодцами. И в этой тьме вращались ослепительно белые спиральные галактики — я не знаю, как еще описать форму того, что заменяло Сальвадору зрачки.

Галактики были устремлены на меня. Я молчал. Наконец Сальвадор моргнул, тонкие губы сложились в усмешку, и он произнес приятным баритоном:

— В чем ваша трагедия?

Сальвадор всегда начинал любой разговор с посетителем с этого вопроса. И был, в общем-то, прав. Если к нему шли, то определенно с какой-то трагедией. Я выдохнул и ответил:

— Я здесь, чтобы заявить о правопреемственности.

— Приятно иметь дело с тем, кто знает, зачем он здесь, — в голосе Сальвадора всегда звучал сарказм. Он продолжил:

— Я ценю вашу пунктуальность и соболезную вашей утрате. Информировать вас о том, что я принимаю вас как правопреемника, а также о том, что ваш наставник никаких долгов передо мной не имел. Вы свободны, Игорь.

Сальвадор, разумеется, не спрашивал ни моего имени, ни что у меня случилось. Единственный вопрос, который он находил нужным задать, был тот самый, о трагедии. Всю прочую информацию Сальвадор получал более привычным способом. Границы возможностей его познания я даже не осмеливался предположить. Сальвадор, казалось, способен был знать абсолютно все.

Да, все оказалось до подозрительного просто. Я понимал, конечно, что раз долгов нет, то Сальвадору совершенно все равно, Олег я или Игорь.

Он перестал мной интересоваться и встал со своего кресла. Замерев у окна, Сальвадор, не глядя на меня, снова произнес, теперь уже с легким налетом раздраженности:

— Игорь, вы свободны. И можете удалиться.

Если бы я кому-то рассказал о том, как Сальвадор сам меня выгонял из своей квартиры, то меня сочли бы наглым лжецом. Но факт оставался фактом: он действительно хотел от меня избавиться.

Но уходить пока было не в моих планах.

— Я хочу заключить с вами договор.

Сальвадор обернулся. Его глаза хищно сощурились, а галактики засияли ярче.

— А с чего вы решили, что я хочу заключать с вами какой бы то ни было договор? Ничего, что представляло бы для меня хотя бы минимальный интерес, вы мне предоставить не сможете. Вы абсолютно бесполезны, Игорь. Не забивайте себе голову.

Сальвадор не хотел меня задеть — он вообще, кажется, не понимал всех этих глупых вещей вроде обид и тому подобного. Он просто констатировал факт, который, признаться, меня даже порадовал. Я думал, что он заключает договоры в любом случае, просто подыскивая самую неприятную цену для тебя. Но если ты бесполезен для Сальвадора, он не втянет тебя в какую-нибудь мерзкую авантюру. Все-таки Сальвадор в первую очередь руководствовался своими и только своими интересами.

Проблема заключалась в том, что мне действительно нужны были услуги Сальвадора. Настала пора воспользоваться моим последним козырем.

— Что вы скажете об этом? — я протянул ему лист с той странной надписью «N.U.T..X..55».

Сальвадор нехотя взял его и развернул.

Признаться, я никогда бы не подумал, что мне доведется увидеть господина Сальвадора ошеломленным.

***

На улице ночью молодой девушке оставаться было опасно, поэтому Катя все-таки вняла голосу разума и направилась в «Пустоту».

Несмотря на громкий адрес — шутка что ли, самый центр города — вход без подсказки найти было крайне сложно. Клуб выдавала только скромная неоновая вывеска «Void», в которой на самом деле был криптон, отчего она и мерцала сине-белым светом.

«Пустота» была так называемым общинным клубом калигатов. Такие существовали во многих городах, где есть более-менее развитые общины. Подобные клубы являлись своеобразной демилитаризованной зоной — здесь можно было не опасаться, что из тебя начнут выбивать долги или совершат еще какое непотребство. Калигаты приходили сюда с целью заключить новые сделки, беспрепятственно купить или продать информацию, узнать последние новости и просто расслабиться. За безопасностью в общинном клубе следили очень тщательно, посему пришедший сюда калигат мог забыть обо всех проблемах — хотя бы на пару часов.

Все это было и в пермской «Пустоте», которая на фоне многих других общинных клубов смотрелась очень презентабельно. Обширное подвальное помещение с непривычно высокими потолками, поддерживаемое богато расписанными колоннами, было освещено множеством ламп самых разных цветов, которые смешивались и порождали причудливые оттенки света. Стены украшали всякие абстрактные картины в одинаковых черных рамках. У дальней

стены расположилась барная стойка, ближайшая к ней часть зала была занята аккуратными круглыми столиками, за которыми пермские калигаты непринужденно беседовали, потягивая белый ром и односолодовый виски. Чуть дальше стояло еще несколько невысоких прямоугольных стеклянных столиков, щедро снабженных едой и выпивкой, и длинные кожаные диваны, на которых полулежали местные курильщики и просто желающие. Из колонок мягко разливался ненавязчивый трип-хоп.

Катя здесь бывала нечасто, и знакомых в общине у нее было не так много, посему она сразу прошла к бару. За стойкой сегодня стоял Илья — молодой парень с черно-белым ирокезом и удивительно индифферентным выражением лица. Наставник Ильи был владельцем «Пустоты», и клуб через какое-то время отошел бы ему. Пока же Илья работал барменом и обзаводился связями.

— Хей, какие люди, Кейт! — Илья быстро сделал ей мохито. — Я думал, твоя наставница не слишком радовалась твоим визитам в нашу скромную обитель.

— Она не в курсе, — Катя воспользовалась щедростью Ильи и сделала большой глоток. — А я тут дров наломала.

— Выкладывай, — поговорить Илья любил, особенно когда это могло дать ему какую-никакую инфу. — За хорошую историю могу предоставить еще пару-тройку бокалов за счет заведения.

— Я только что выставила себя полной дурой перед трейдером. Черт, я поверить не могу, что так опозорилась. Просто взяла и убежала. Хотя сначала я задала ужасно тупой вопрос, а потом уже убежала. В общем, капец полный.

Катя с горя еще отхлебнула. Илья заинтересованно поднял одну бровь.

— А на кой ляд тебе понадобился трейдер? Тебе что, инфу надо было купить?

— Ага, — кивнула Катя.

— Ну ни хера себе! — всплеснул руками Илья. — Ну и молодежь нынче пошла.

— Эй, ты ненамного меня старше, — надулась Катя. Илья примирительно сказал:

— Да ладно тебе, мне по статусу положено, я тут вроде как за хозяина. А если не секрет, то что за инфа такая?

— Ай, фигня, если уж смотреть объективно. Мне надо найти одного местного калигата, зовут Игорь, он к нам однажды заходил. Если я не ошибаюсь, он носит бороду и длинные волосы, убранные в хвост. У него еще кто-то умер недавно, по имени Олег.

Илья рассмеялся:

— Ну и ты балда, Кейт. Обратилась бы ко мне, я знаю большую часть пермских калигатов. Игорь, говоришь? Игорей у нас прилично, но вот тех, у кого недавно умер наставник по имени Олег — ровно один. Слухами земля полнится, буквально пару дней назад здесь был Егор, наш славный егермейстер, кото-

рый, кстати, любит пить «Егермейстер», так вот, он как раз говорил о странной смерти Олега. И еще об ученике его Игоре.

— И ты знаешь, где этого Игоря можно найти?

— Он здесь не был кучу времени, да и вообще не склонен к светской, мать ее, жизни, поэтому стопроцентно точного адреса, где его можно найти, подсказать не смогу. Но зато я знаю о кафешке, где он частенько бывал, по крайней мере, раньше. Во всяком случае, по всем вопросам оплаты своей работы его наставник — ну, и он, соответственно — назначал встречи именно там. Я даже пару раз с ним говорил там.

Илья быстро написал на салфетке адрес и название кафе.

— Только я бы не советовал с ним связываться, Кейт.

— Почему? — Кате после коктейлей было совсем не страшно, а только любопытно.

— Он избавитель, Кейт. Его работа — забирать у калигатов знания. И если ты не хочешь отдавать их добровольно, он может попросту тебя убить.

Но Катя не слушала. И ей, если честно, было плевать. Она уже по уши влюбилась. Ну, и три мохито на голодный желудок тоже нельзя было списывать со счетов.

***

Сальвадор был растерян и раздражен. Я невольно отодвинулся на пару шагов назад. Он медленно произнес, без привычной холодной вежливости:

— Тебе повезло, что я чту обязательства, принятые мной много лет назад. Посему у тебя есть право на одну услугу.

Я думал недолго.

— Мне нужна правда об обстоятельствах смерти моего наставника.

Сальвадор усмехнулся.

— Правда в том, что твой наставник ошибся. Ошибся он во многом, очень многом. Первой и самой главной его ошибкой было, разумеется, стать калигатом. Ну, а если об ошибках, приведших к его смерти, то здесь все еще проще. Олег стал жертвой собственной осторожности. Ты, скорее всего, подозревал, что его кто-то убил. Заверяю тебя, единственный виновный в смерти Олега — сам Олег.

— А как же записка? «Я ошибся». Зачем ему это было писать?

— Говорю же, Олег чересчур перестраховался и сделал в итоге все только хуже.

— Это не та правда, которую я хочу услышать, — сумрачно ответил я. Сальвадор говорил загадками, нисколько не проясняя ситуацию. Единственное, что я пока понял — мстить вроде как никому не нужно было.

— В этом деле вообще нет правды, которую ты бы захотел услышать, — ска-

зал Сальвадор. — И большую ее часть ты не хотел бы услышать от меня.

— Тогда от кого?

— Оставшуюся часть истории тебе поведает мятежник с Севера.

— Вас специально учили говорить загадками? — не удержался я. Сальвадор сделал вид, что не слышал, тогда я продолжил:

— Как мог мой наставник ошибиться настолько фатально? Ему уже давно не девятнадцать. Сомневаюсь, что он мог просчитаться на какой-нибудь мелочи.

Сальвадор неприятно поджал и без того тонкие губы.

— Я не хочу тебе снова говорить то же самое. Олег решил обмануть само знание — и это у него, разумеется, не вышло. Послушай одну легенду, Игорь.

Сальвадор приоткрыл окно, за которым собирались вольфрамовые облака, демонстративно откашлялся и начал:

— Там, где они обитали, было темно. Пахло прелыми шкурами и испражнениями. Прогорклый сальный чад горящего жира, исходящий от светильников, ел глаза. Шаман сидел напротив огромного черепа, расколотого наискось змеистой трещиной. Это был зверь-мамонт, земляной олень, убитый задолго до рождения шамана и с тех пор служивший домом для духов, к которым обращались шаманы многие зимы до него и к кому обращался он сам.

Зачерпнув ладонью охру, он стал вычерчивать на звере-мамонте знаки. Он готовил дом для странного духа, его редко приглашали, он не приносил хорошей добычи и не спасал от гнева отца-неба. Это был дух-шаман, самый мудрый из всех духов, но мудрость его была далека от понимания людей-шаманов. Но шаман хотел пригласить именно этого духа. Ему хотелось пленить духа-шамана, чтобы самому стать столь же мудрым.

Дочертив охранные знаки, шаман испил воду-путь и принялся ждать. Вода-путь действовала медленно, но дух пришел. Гулко отдавались в пустых глазницах зверя-мамонта слова духа-мудрости.

«Кто из плоти, что станет тленом, позвал меня в эту тесную клеть? Я не помощник тебе, тлен-до-тлена, как ты не помощник мне».

Но шаман сказал духу: «Отдай свою мудрость ради моей мудрости, как отдают звери кровь ради нашей крови».

На что дух возразил: «Как тлен-до-тлена может лишиться жизни духа?»

Тогда шаман без страха встал перед духом и отвечал: «Мой взор темен и полон огня, и потому я не боюсь духов, и духи для меня — пища, как звери, что мы добываем на охоте».

Так шаман поглотил мудрейшего духа, но прежде чем угаснуть, дух ответил шаману: «Высоко забравшись, тлен-до-тлена, ты не видишь подножия своих гор. Твоя плоть слаба, и мудрость, что зажгла огонь твоего взора, сильнее плоти. Скоро она пожрет твое тело изнутри, и тело любого, кто получит частицу

ее. Вы будете искать спасения от этого огня, но все будет напрасно».

Слова духа развеялись, подобно дыму светильников, но отныне они всегда звучали в сердцах тех, чей взор был темен и полон огня.

Сальвадор замолчал. Я почесал бороду и сказал:

— Я это уже где-то слышал или читал. В «Американских богах» было что-то похожее.

Из окна тем временем повеяло сырой свежестью. Скоро должен был начаться дождь. Сальвадор пожал плечами:

— Можешь считать это обычной легендой. Так или иначе, мое обязательство выполнено. Проваливай.

Насчет «выполненного обязательства» я бы поспорил, но дольше испытывать терпение Сальвадора мне не хотелось.

Я еще не решил, воспринимать ли слова о «мятежнике с Севера» всерьез, но не доверять Сальвадору у меня оснований не было. Раз уж мстить мне некому, следовало отойти от всего этого. Олега все равно уже нельзя вернуть.

Дождь наконец начался. Капли громко барабанили о подоконник.

Пора жить дальше.

***

Над городом царствовал темный дождливый вечер, плавно переходящий в такую же ночь. Улицы были покрыты амальгамой луж, вбиравших в себя свет фонарей и переливающихся странными ванадиевыми оттенками. Промокшие здания, деревья и прохожие сами постепенно становились частью этого дождя, пропадая в промокшей темноте. Листья хлопьями сбитой позолоты довершали картину меркнувшего мира.

В квартире было холодно. Отопление еще не включили. Темень разливалась по ее уголкам осторожными пауками, прячась от света небольшой настольной лампы, горевшей в моей комнате. Это был единственный источник света, бронзовым сиянием превращавший мрак в разводы темно-золотой и рыжей полутьмы.

Я сидел за компьютером, на автомате писал очередной шаблонный код и время от времени бесцельно смотрел что-нибудь в сети. Рядом стояла бутылка виски, к которой я регулярно прикладывался. Подле нее стояла чашка горячего чая, подогреваемого очень простеньким знанием, и лежали мои темные очки. На одном из стекол снова змеилась трещина, полученная еще в августе — все-таки мой аспект не позволял раз и навсегда их починить, а отнести их к тому же Городецкому все было недосуг. Еще был вариант с обычной оптикой, про который я вечно забывал.

Поймав себя на этой мысли и осознав, что уже давно по всяким мелочам пользуюсь исключительно знанием, я едва не поперхнулся виски.

Когда Олег мне говорил об этом в самом начале, я лишь посмеивался. Ну как можно прикуривать от огонька, порожденного знанием? Знание — это же ценность, сокровище, которое нужно беречь. К тому же все эти фокусы уж больно смахивали на какую-то площадную магию, а на волне популярности «Дозоров» и всякого другого городского фэнтези мне очень не хотелось выглядеть как какой-то долбаный волшебник, вкручивающий лампочки одним взглядом и уменьшающий показания электросчетчиков щелчком пальцев.

Поэтому я очень долго старался знанием не разбрасываться — даже когда мне начало перепадать что-то действительно стоящее, я не рисковал применять это в повседневной жизни. От меня никто и не требовал — я все еще был учеником, а с учеников взятки гладки.

А теперь — пожалуйста, сплошь и рядом. Использую и даже не задумываюсь. Права была Ольга. Мы стали калигатами до мозга костей.

Обдумывая эту идею, я поблуждал взглядом по полутемной комнате. Стеллаж с книгами, разложенный диван, на котором хаотично валялись подушка и одеяло, высокий и узкий шкаф, маленький журнальный столик, используемый в основном как склад для одежды. На нем сейчас помимо моего свитера и джинсов лежала аккуратная стопочка визиток — вернувшись от Сальвадора, я нашел их в почтовом ящике. На них гордо стояло мое имя, под которым было выведено: «Пермь. Избавитель». И номер телефона.

Похоже, я уже совсем официально стал заменой Олега. Я опустошил еще стакан и запил чаем. Не сказать, чтобы мне очень хотелось приступить к своим обязанностям, но не мне менять установленный порядок вещей.

Я пермский калигат. Я избавитель, как и мой наставник. И я должен изымать знание у тех, на кого укажет мне община. Не лучшая работа на свете, но работа же. И оплата по принципу «все, что утащил — твое» мне тоже нравилась. И наконец-то нормальные льготы во всех магазинах, принадлежащих калигатам. Этакie долгосрочные взятки — если избавитель сыт и доволен, то ты можешь рассчитывать, что тебя не сильно покалечат. И уж точно не убьют.

И, в конце концов, какая к черту разница, человек я или калигат. Лучше мне все равно не будет, хуже тоже вряд ли. Ощущение собственной ординарности и банальности неплохо избавляло от лишних переживаний.

Итак, новая жизнь началась, и она оказалась точно такой же, как и старая. Разве что выпивку мне теперь продавали со скидкой.

ignotus/незнакомец

В Ньюкасл промышленнику можно было ехать как на выставку достопримечательностей. Стремительная индустриализация страны здесь, казалось, достигла своего апогея. Даже в Лондоне бег прогресса не ощущался так сильно.

Впрочем, от города, где была создана знаменитая «Ракета», иного ожидать и не приходилось. И ведь если вы сейчас прошли бы по Южной улице, то увидели бы первые мастерские Стивенсона, в которых «Ракета» и была построена. Мир стал действительно безумно быстрым в наши удивительные времена, и история творилась прямо на наших глазах. С именем Стивенсона вообще много чего было связано здесь. Из его относительно недавних достижений можно было отметить великолепный Хай-Левел-Бридж через шумный Тайн.

Хотя сейчас у обывателей Ньюкасл был на слуху в связи с ужасным пожаром годичной давности, последствия которого все еще вносили в городской пейзаж толику тревожного запустения.

Морган сошел с паровоза на Центральном вокзале, который тоже был построен совсем недавно, в очень хорошем расположении духа. Все шло в точности так, как было запланировано.

В Ньюкасл он приехал по двум причинам. Одна из них была очень прозаичной и даже скучной: как прогрессивный судовладелец, Морган хотел осмотреть верфи Ньюкасла, которые внушали веру в светлое будущее технического развития.

Хотя Морган привел свои пароходы Клайда из родной Шотландии, судостроительство в Ньюкасле его сильно заинтересовало. К тому же, для расширения своих капиталов Моргану следовало бы сделать пару-тройку хороших вложений, и верфи на Тайне определенно смотрелись как выгодное предприятие.

Впрочем, прогрессивные взгляды Моргана, который именовал себя странным словосочетанием «steamship man», могли и не найти отклика в сердцах жителей Ньюкасла. В Лондоне его до сих пор за глаза называли безумным шотландцем. И все же «пароходный человек» Морган слишком уж хорошо чувствовал тенденции, чтобы тратить деньги зря — и сейчас многие из тех, кто смеялся над чудаковатым судовладельцем, кусали локти, глядя на прибыли. Посему в определенном успехе своего визита пароходчик не сомневался.

Однако самого Моргана гораздо сильнее интересовала вторая причина поездки — испанский корабль, недавно прибывший из Лондона сюда. Это, как он уже давно выяснил, был обычная грузовая шхуна, перевозившая имперский уголь в Европу.

Но Морган имел на это суденышко очень странные виды. Перед отъездом он навел справки о членах команды, абсолютно всех, до последнего матроса, и, видимо, остался доволен результатом. Имея в совокупности маршрут, полученный от Монро, и списки команды, Морган теперь знал о судне практически

все — владельца, капитана и цель рейса ему выяснить вообще не было проблемой.

Зачем Моргану понадобился какой-то фрахтовый корабль — этого вам бы не сказал никто, кроме самого судовладельца.

Но тот хранил бесстрастное молчание, лишь едва уловимая ухмылка пряталась в уголках губ, когда его темная трость гулко ударила в мостовую и Нью-касл-апон-Тайн отразился в желтоватых стеклах его очков.

***

Он бежал, поскользываясь на липкой осенней грязи, сильно шлепая когда-то лакированными ботинками по мутным лужам, оседавшим россыпью капель на его дорогих брюках. Он бежал по темным пермским дворам, пытаясь хоть на мгновение почувствовать себя в безопасности. Но ему это не удавалось.

Страх двигал им, страх, корни которого крылись во лжи и ненависти, о которых он знал и сам же их боялся. Подлый страх самого себя.

Поэтому он бежал — отчаянно, без надежды на избавление.

Хотя горькая ирония ситуации заключалась в том, что избавление ему все же было обеспечено. Не в том, конечно, смысле, которого ему хотелось, но все же.

Я преследовал его с некоторой ленцой, больше поддерживая видимость ожесточенной погони, чем действительно стремясь его догнать. За эти полторы недели работы у меня было более чем достаточно, поэтому очередной больно прыткий клиент лишь прибавил раздражения к моему рутинному рабочему настроению. В данный момент меня больше заботило то, что время уже было позднее, а до машины нужно было идти еще три квартала обратно. Пора все-таки притормозить этого ретивого мужика.

Горевшие фонари меня не особо смущали — большая часть населения либо таращится в экран чего-нибудь, либо спит, либо занята еще какими веселыми ночными занятиями. Да и какой резон смотреть на двор ночью?

Посему я решил не гнушаться парой позерских трюков и быстренько заставил несколько метров земли перед моим беглецом покрыться тоненьким слоем льда. Как избавителю мне не очень-то удавались все эти штуки с прямым воздействием на реальность, но на такой фокус даже я был способен. Удиравший от меня мужчина поскользнулся, но все же удержался.

Да, идея со льдом явно не была моим озарением сегодня. Плюнув на это, я решил действовать просто и привычно: вытянув из мужика знание о том, как дышать. Давно надо было так сделать, да все что-то его жалел. Вот если бы необходимое мне знание не было слишком сложным, чтобы с ним разобраться на ходу, то погони бы вообще не потребовалось.

Клиент свалился, задыхаясь, чего и следовало ожидать. Дав ему несколько секунд ощутить еще более дикий, животный страх, когда ты не можешь понять, почему ты не способен жить, я вернул ему способность дышать.

— Ну и зачем было устраивать весь этот цирк? — укоризненно спросил я, едва сдерживая зевоту — мне очень хотелось домой и спать. По-хорошему, надо было бы назвать его по имени, но имя я уже не мог вспомнить. — Только запачкались и создали себе отягчающие обстоятельства.

Да, он создал себе весьма отягчающие обстоятельства. Если сначала я хотел содрать с него знание для общины и себе что-нибудь по мелочи, то теперь он так просто не отделается. Экспроприирую для себя что-нибудь действительно стоящее.

Он что-то скулил, но я не слушал. Они все ноют об одном и том же. Ребят, мне плевать, у меня завтра выходной, я хочу домой выпить чаю с виски.

Я снял очки и произнес уже начавшую мне надоедать формулу:

— С дозволения калигатов Перми и в преумножение всеединого знания.

Мужик затих — его знание перетекало ко мне. Все-таки вкус калигатских знаний, образно выражаясь, был на порядок лучше всех тех дешевых людских мыслишек. Поэтому каждое избавление улучшало мое настроение — особенно подпорченное подобными заморочками.

Выполнив работу, я отзвонился Егору, в чьем ведении как городского егер-мейстера находились все избавители города, и неспешно побрел к машине. Обратный путь занял приличное время — я шел небыстрым прогулочным шагом, изучая свежеприобретенное знание.

Когда я сел в холодный салон авто и завел двигатель, в свете включившихся фар я на мгновение увидел полу чьего-то короткого светлого плаща, которая тут же скрылась где-то в темноте. Сочтя это игрой уставшего воображения, я нажал на педаль акселератора и направился домой.

***

Ольга ее все-таки выгнала. Хотя Катя, разумеется, предпочитала считать, что сама ушла. Впрочем, события развивались единственно возможным образом: после недельного Катиного отсутствия иного от Ольги ожидать не приходилось.

Ушла Катя, с другой стороны, с относительным комфортом, если он вообще возможен в подобной ситуации. Ольга позволила ей без особой спешки собрать вещи, скандалов не закатывала, нелестных эпитетов не говорила.

Разве что теперь она официально отказалась быть ее наставницей. Катя в силу своего нежного возраста и небольшого опыта еще не знала, что это означало в обществе калигатов.

Узы, связывающие наставника и ученика, гораздо сильнее любой привязанности. Наставник, выбирая себе ученика, фактически представляет всем того, кто заменит его спустя несколько лет. Поэтому ученикам выдается кредит доверия, соизмеримый с авторитетом их наставников.

Разумеется, выбор редко бывает идеальным, поэтому преемник часто оказывается весьма далек от идеалов его учителя, к вящему неудовольствию прочих калигатов. Но наставника в этом случае никто не винит — все-таки учеников выбирают за их способности, а не характер. Все матерятся какое-то время, но потом привыкают, и все возвращается на круги своя.

Иное дело, когда наставник сам отказывается от ученика, тем самым открыто признавая свою ошибку. Отказываясь продолжать обучение, наставник однозначно ставит общину перед фактом, что этот калигат никогда не сможет принести ей какую-то пользу и является бесполезной тратой времени, сил и знаний.

Нетрудно догадаться, какое отношение формируется к брошенным ученикам. Они становятся в общине кем-то вроде неприкасаемых. Пустым местом.

Впрочем, для этих парий оставался мизерный шанс, что их возьмет кто-то из калигатов общины в подмастерья — не в настоящие ученики, а так, «подай-принеси-пошел вон, не мешайся». Но быть подмастерьем значило вернуться в общину, поэтому если и выпадал отверженным такой шанс, они им непременно пользовались.

Катя, как уже было справедливо замечено, совершенно не представляла всех последствий этой последней фразы Ольги касательно прекращения обучения.

Покинув дом бывшей наставницы, Катя закинула вещи к подруге, у которой и жила все это время и которой успела изрядно надоесть, и направилась в «Пустоту», где последнее время проводила большую часть вечеров.

Илья на этот раз встретил ее непривычно сухо и даже не предложил выпить. Если Катя додумалась бы обернуться и оглядеть зал, то увидела всю плеяду способов выражения презрения. Калигаты усмехались, хмурились, кривились, отворачивались и перешептывались. Даже Илья плохо скрывал свое неприятие.

— У нас вести расходятся быстро, Екатерина, — сказал он бесстрастным канцелярским тоном. — Вон. И чтоб ноги твоей здесь не было. Это приличное заведение, в которое такая шваль заходить права не имеет. Пошла прочь.

Он недвусмысленно указал ей на дверь под одобрительные кивки посетителей. Катя, испуганная и ничего не понимающая, с трудом сдерживая слезы, вылетела из «Пустоты» совершенно опустошенная.

Она медленно брела по улицам, переходя с одной на другую и практически не запоминая дороги. Мимо проносились машины, разбрызгивая сумрачный асфальт острыми осколками льдистых искр. Машинально она надела наушники.

Будто в сказке ночь тиха.

Эх, обидно подыхать.

Вот и бьется в ворота,

Падший ангел — сирота.

Оптимизма ей это не прибавило.

Придя поздно ночью в свое временное пристанище, уставшая и озлобленная, Катя без сил рухнула на кровать. Ей уже начинало казаться, что зря она устроила все это — и, если говорить откровенно, впервые оказалась абсолютно права.

Однако даже презрение калигатов, которого ей теперь еще предстояло вкусить сполна, не заставило ее отказаться от идеи найти Игоря.

***

На следующий день я торчал в офисе Егора — натуральном офисе фирмы, где он занимал должность главного инженера — и писал отчет. Отчет, впрочем, был сугубо калигатский. Да, у меня был выходной, но нашему скрупулезному егермейстеру все равно нужен был отчет. Сам Егор минут десять назад унесся в Березники, разбираться с тамошними калигатами, которые по пьяни напали на приезжих пермских.

Методично переходя от одного стандартного пункта к другому, я параллельно думал, чем заняться, раз все равно вытащился в центр. С этим у меня всегда проблемы. Я ни черта не умею отдыхать. Посему, закончив с отчетом, я решил оставить машину у офиса и для начала просто немного прогуляться.

Погода стояла весьма прохладная, хотя и солнечная. Осень потихоньку начинала намекать, что на Урале она скоро плавно перейдет в зиму. Народу на улицах было относительно немного — первая половина выходного дня, в конце концов.

Методично меряя шагами улицы, я неспешно приближался к Эспланаде. Здесь уже было довольнолюдно. Навстречу мне попадались какие-то молодые мамы с огромными колясками, стайки вынужденных учиться в субботу школьников, равно как и сонные студенты второй смены пополам с еще более сонными первой, а также редкие импозантные бизнесмены с аккуратно подстриженными седыми висками и нередкие типы в мятых спортивных штанах. Город жил, городу было хорошо, город радовался еще одному дню.

Я бы мог сказать, что рад за него и его жителей, но на деле люди меня мало занимали. Мне было все равно. Я просто шел, спрятавшись в свое пальто, заслонившись темными стеклами очков. Мне было комфортно в своей молчаливой отчужденности. Чертовски приятно, когда тебе не задают вопросов. Никаких.

Толпа все же благодатно принимала меня, позволяя раствориться в себе, влиться в паутину улиц. И хотя на меня то и дело бросали косые взгляды, я чувствовал себя своим в городе.

Наверное, я даже любил Пермь. По меньшей мере, относился к ней гораздо лучше шумно-пыльной Москвы и промозгло-музейного Питера. Я здесь рос, я здесь учился, здесь я работаю и здесь же я стал калигатом. Последний факт, собственно, и стал определяющим в выборе места проживания. У меня были

мысли уехать отсюда... но они остались по ту сторону темных линз.

И хотя правило «калигат — часть своего города» не запрещает смену места жительства, калигаты все равно редко переезжают. Сначала потому что зависят от наставников, потом — потому что вливаются в общину, обзаводятся связями. А под конец им становится просто все равно. Во всех городах людское знание одинаково скучно, серо и банально. Так зачем куда-то метаться, беспричинно суесться, бегать с места на место, раз никакой разницы все равно нет. Я по своим ощущениям застрял где-то между второй и третьей стадией.

Прогулка определенно улучшила мое настроение. Я немного еще покрутился в районе Эспланады, побродил по торговым центрам — мне стоило подыскать себе несколько новых рубашек и галстуков. Когда и это мне надоело, то я ленивым прогулочным шагом отправился в сторону своего любимого кафе.

***

Закончив свои деловые встречи, Морган направился не к дому, в котором остановился, но в один из дешевых кабаков недалеко от пристани. Хорошо одетый, явно обеспеченный господин смотрелся в этом рассаднике крыс и воров весьма лакомым куском, но, как уже было усвоено лондонским сбродом, с мистером Морганом шутить было себе дороже. Впрочем, в Ньюкасле этого еще не знали.

Перед ним вырос здоровенный детина и, обдав Моргана запахом гниющих зубов и дешевого эля, громко поинтересовался:

— Мистер заблудился?

Из-за щербатого стола встали еще двое. Многие другие посетители, кто еще держался на ногах, теперь с любопытством смотрели на Моргана.

Он неторопливо снял очки и убрал их во внутренний карман. Затем отложив в сторону цилиндр, к которому сразу же потянулись какие-то оборванцы. Раздраженный невозмутимостью Моргана, громила надвинулся на него. Толпа оживилась, все больше народу окружало парходчика. Кто-то начал хватать Моргана за пальто и попытался отнять у него трость. Морган же по-прежнему хранил молчание и даже не шелохнулся. Со стороны могло показаться, что парходчик просто застыл в ужасе, ибо ситуация разворачивалась явно не в его пользу.

Движение трости никто не успел заметить, но его догнал истошный вопль хозяина переломленной ноги. Морган резким движением влево вырвался из окружающей его толпы, на ходу раздавая удары тростью. Громила попытался его остановить, но Морган увернулся и успел в лучших традициях драк в кабаках врезать тому кружкой по лысому черепу. Кто-то все-таки рванул пальто, и пуговицы разлетелись в общей неразберихе. Морган выскользнул из него и, пользуясь моментом, с силой ударил ребром ладони в кадык все еще дезориентированного громилы. Избавившись от самого опасного противника, шот-

ландец нанес двоим удары тростью под колени, а затем с силой обрушил ее на голову еще одного охотника до легкой наживы.

Трость все-таки выбили из рук пароходчика, но Морган не растерялся и тут же нанес пару апперкотов. Но когда на него навалились всем скопом, шотландец ушел в глухую оборону и медленно отступал к одному из углов помещения — дверь, разумеется, была заботливо блокирована несколькими голодранцами. Несмотря на неожиданно великолепную физическую форму Моргана, становилось очевидно, что ход драки теперь был не в его пользу. И если сначала он попросту остался бы без ценностей, то сейчас изрядно получившее отребье вряд ли выпустило бы шотландца живым.

Но Морган не отличался особенным человеколюбием и уверенно извлек из-за пояса бритву. Случайный наблюдатель резонно бы заметил, что подобный ход смотрелся вопиюще удачным стечением обстоятельств, если бы хоть кто-то до конца знал все, на что способен был этот чертов шотландец.

Коротким взмахом Морган раскроил щеку ближайшего к нему противника, вызвав очередную волну броуновского движения в этом чадном хаосе. Попав еще кому-то по глазам, пароходчик перехватил инициативу и вырвался из окружения. Все это явно напоминало дешевую бульварную прозу, но такому выдающемуся джентльмену как мистер Морган было вполне позволительно немного побыть в шкуре авантюрного героя.

Толпа притихла, многие в ней носили на себе следы недавней потасовки. Вокруг Моргана образовалось пустое пространство, и шотландец, покрытый ссадинами и ушибами, с окровавленным лезвием открытой бритвы в руках, громко сказал по-испански:

— А теперь мне нужен весь сброд, еще способный передвигаться, с той разбитой посуды, что торчит в доках.

***

Я устроился за своим любимым столиком у большого окна, выходящего на улицу, и заказал чашку зеленого чая. Посетителей в кафе было немного — за это я и любил это место.

Глядя на прохожих сквозь стекло, я по привычке наблюдал за ними и за их знанием. Привычка, замечу, совершенно дурацкая.

Из Ижевска приехала тетя.

Теща снова впала в маразм.

Не сын, а дебил какой-то.

Опять отопление не включают вовремя.

Дожили, наркоманов пускают в приличные места.

Это какая-то сердобольная старушка, неторопливо бредущая мимо кафе, так сообразила про меня. Я расхохотался.

Вообще-то, все это, если прям уж по гамбургскому счету, на знание тянуло с большой натяжкой. Какое же это знание — так, сиюминутные мыслишки, шелуха всякая. Но что панацея, что прыщ в ухе — и то информация, и это информация. И на каждое великое открытие — миллионы подобных заурядностей. В этом и есть суть всей истории с калигатами, если посмотреть на все с другого ракурса. Мы, подобно золотоискателям, перебираем тонны грязи в поисках крупниц по-настоящему ценной инфы. Да и то, все мало-мальски стоящее я за все восемь с лишним лет получил только от других калигатов.

Иногда создавалось впечатление, что в людском знании нет абсолютно никакого толка. Мы можем существовать только на информации, получаемой в чистом знании — тот же старик, которого я убил в августе, был прекрасным подтверждением сего факта. И смысл в сборе мусора из голов этих обывателей тает на глазах.

И одиночество — единственно верный выход в сложившейся ситуации. Только дистанцировавшись от балласта людского знания, калигаты способны вырваться из порочного круга никчемной жизни. Если я не хочу остаток своей жизни пробыть информационной батареей, накапливая бесполезное знание, то следовало что-то менять.

Но мне было страшно — страшно, как тому старику и как всем иным калигатам. Моя человеческая натура рождала этот животный страх отринуть знание бабушек на скамейках и бомжей на вокзалах. Ты идешь и все равно его собираешь или хотя бы бегло просматриваешь — говорю же, совершенно дурацкая привычка.

Я закрыл глаза. Все эти мысли хаотично кружились в моей голове, возникая и вновь уходя куда-то в глубину подсознания, уже долгое время. Я искренне посочувствовал бы тому, кто попытался бы их записать. Получился бы тот еще поток сознания. Не удивлюсь, если они еще и противоречили друг другу.

Это была моя основа проблема. Мои старые желания и стремления наслаивались на текущие заботы и калигатское существование, создавая в и так нездоровой черепушке форменный кавардак. Временами я чувствовал, как безумие вьется где-то рядом, готовое впитаться в истерзанный разум и утащить его в благодатную мягкость небытия.

К черту, надо позвонить Городецкому и напиться. Больно умные мысли в башку лезут.

Коротко пиликнул телефон. Пришла смска от Константина — он нашел еще какие-то документы Олега в одном из старых архивов общины. Отлично, на днях съезжу.

Я убрал телефон в карман, одним глотком допил чай и поднял глаза, выискивая официантку и собираясь попросить счет.

Глаза отчего-то не остановились на положенном месте и поползли дальше,

на лоб.

Напротив стояла ученица Ольги.

Пока я пытался осознать ситуацию во всей ее абсурдности, Катя деловито устроилась за моим столиком. Подошедшая наконец официантка протянула ей меню раньше, чем я успел попросить счет. Катя, одетая в легкий плащ явно по моде, а не по погоде, повесила его рядом с моим пальто и торжествующе на меня посмотрела, кокетливо сдвинув на нос свои аккуратные овальные очки с легкой тонировкой, и заказала себе чашку кофе. Я, матерясь про себя, дополнил заказ зеленым чаем.

Бежать было поздно, посему следовало хотя бы выяснить, что ей от меня понадобилось. Я нахмурился и бросил короткий взгляд поверх своих очков.

— Ну, здравствуйте, Екатерина — начал я издалека. — Чем могу быть полезен?

Вопрос был нарочито дежурный, ни к чему не обязывающий и сугубо нейтральный, но Катя все равно как-то нервно улыбнулась и только лишь сказала:

— Я вас искала.

Она сделала паузу и добавила:

— Вы же Игорь?

Я кивнул, одновременно в темпе перебирая возможные варианты. Девчонка здесь не просто так, осталось понять, какого хрена она меня искала. И кто вел ей меня найти.

Ольгу я отбросил сразу. Если бы Ольге я зачем-то понадобился, то она запросто могла навеститься ко мне домой — или послать кого-нибудь. У Ольги и так были на руках все карты, ей не требовалось меня *искать*.

Община здесь тоже была не при делах. Даже если бы я вызывал какие-то подозрения у Константина или Егора, они придумали бы гораздо более эффективный способ за мной проследить или узнать у меня интересующую их информацию.

Всякая иная кодла, вроде барыг и прочей сомнительной калигатской публики, скорее бы неплохо провела время с самой Катей, чем стала бы заморачиваться такими интригами.

И во всей ситуации меня напрягало то, что любой из тех, кто мог послать Катю, должен был понимать, против кого они ее посылают. Действующий избавитель общины без колебаний убьет любого, кто будет представлять угрозу его жизни. Девчонка в любом случае — расходный материал.

Осталось лишь понять, от чего меня отвлекают. Хорошо, продолжим играть в эту незатейливую игру.

— Как видите, вы меня нашли. И мне очень хотелось бы знать, с какой целью. На лице Кати появилась растерянность и какая-то смущенность.

— Ну... мне, кхм, хотелось вас найти... Вы заглядывали к нам не так давно...

Просто я никого особо не знала, кроме моей бывшей наставницы, поэтому решила найти вас, — под конец Катя, похоже, собралась с мыслями и говорила уверенно.

Ха. *Бывшей наставницы*. Вот теперь все вставало на свои места. Эта юная особа нарвалась на отказ Ольги. И сейчас, чтобы перестать быть грязью под ногами и снова получить право стать частью общины, ей необходимо найти того, кто согласится взять ее в подмастерья. Приемные ученики, всегда нелюбимые и зачастую навязанные, которых держат чаще всего как дармовую рабочую силу.

Признаться, я не ожидал от Ольги подобного шага. Я думал, что в этой женщине еще осталась хотя бы капля элементарной жалости — особенно после моего визита. Но Ольга никогда не умела идти на компромиссы. И никогда не считала Катю кем-то большим, чем просто ученицей. Не знаю, насколько мои сентенции были правдивы, но впечатление о бывшей жене Олега было определенно подпорчено. Я скривил губы и почесал бороду. К делу, господа. Официантка меж тем как раз принесла наш заказ — порцию зеленого чая для меня и кофе для нее.

— Значит так, давай начистоту, тебе нужен калигат, который возьмет тебя в подмастерья, чтобы ты перестала считаться дерьмом в общине. Не знаю, с какого перепуга ты решила, что я на это соглашусь, и не знаю, как тебе удалось меня найти, но я готов тебя выслушать. Если убедишь, что ты чего-то стоишь, будешь у меня подмастерьем. Хоть квартиру будет кому убрать. Но мое терпение не безгранично, равно как и мое время. Так что начинай свой душещипательный рассказ.

Я сделал хороший глоток, откинулся на спинку стула и приготовился слушать.

***

Морган не прогадал, в кабаке действительно нашлась пара матросов с интересующего его корабля. Поглядывая на пароходчика с опаской, они все же согласились отвести его на судно.

Это была аккуратная шхуна с хорошей грузоподъемностью и небольшой осадкой, что позволяло ей быть рентабельной даже в условиях конкуренции с пароходами.

Боцман, смуглый мужчина с седой щетиной и обветренным лицом, выбрался на палубу, услышав шаги Моргана и его проводников.

— Кого это вы притащили, голодранцы? — зычным голосом с легкой хрипотцой спросил он на грубом испанском.

— Этот человек хочет видеть капитана, — ответил ему один из матросов, с которыми пришел Морган.

— Мало ли кто чего хочет, я ради этого английского дьявола будить его не собираюсь.

Морган нахмурился и подошел к боцману. Холодные глаза за желтоватыми стеклами недобро блеснули.

— Я шотландец, испанская тварь. И если ты сейчас же не разбудишь вашего капитана, этому судну потребуется новый боцман, — вкрадчиво сказал он на чистом испанском.

Переглянувшись с матросами, боцман все-таки пошел за капитаном. Минут через двадцать они вернулись. Капитан, полноватый, заспанный, с кудрявыми темными волосами и, в отличие от боцмана, относительно гладко выбритый, недовольно посмотрел на этого островного наглеца.

— Вы узнали, чего он приперся? — полушепотом спросил он у стоящего рядом боцмана так, чтобы слышали и матросы. Все отрицательно покачали головой.

— Полагаю, я и сам могу сказать о цели своего визита, — вмешался Морган. — Я собираюсь предложить вам одну выгодную сделку.

В глазах капитана проснулось любопытство и промелькнула искорка алчности. Он перешел на английский и сказал с ощутимым акцентом:

— Прошу простить грубость моих подчиненных. Приятно иметь дело с деловым человеком.

Морган в ответ благосклонно улыбнулся. Даже с синяками и ссадинами, в пальто без половины пуговиц и с треснувшей тростью шотландец производил впечатление хозяина положения.

— Изволите ли вы завтра отобедать со мной? — продолжил капитан, мысленно уже пересчитывая деньги Моргана. Пароходчик скривил губы в едва уловимом ехидстве, глядя на этого толстого потного испанца, ведущего себя как продажная девка, но сказал совершенно бесстрастно:

— Разумеется, нам есть что обсудить. Если вы не возражаете, я бы предпочел встретиться здесь, на вашем корабле. Кроме того, в качестве извинения за визит в столь неподходящее время я также завтра хотел бы презентовать вам и вашей команде несколько бутылок «Гленфарклас». Добрый виски, прямо из родной Шотландии.

— Вы окажете мне честь, мистер?..

— Морган. В таком случае, до встречи, я полагаю.

— Всего вам наилучшего, мистер Морган.

Они пожали друг другу руки, и каждый из них думал, насколько ловко он обдурил другого.

***

История Кати была пропитана каким-то неприятным, тягостно-желчным сиропом, и слушать ее приходилось через собственное отвращение и стыд.

Она родилась в семье среднего достатка, у родителей среднего ума и средних амбиций девятнадцать лет назад. То бишь в первой половине девяностых, ког-

да я еще был пацаном и ходил в начальную школу.

Была она поздним ребенком, не особенно желанным, но и не особенно нелюбимым. У нее была сестра, старше ее на восемь лет, которая в детстве устраивала дикие истерики по поводу испорченных игрушек, а когда они стали старше, то истерики устраивались по поводу испорченной косметики и шмоток. Сестру Катя помнила очень-очень смутно, что для нее самой было загадкой.

В один не очень прекрасный момент их совместного существования, случившийся на рубеже тысячелетий, отец умер от инфаркта. Мать же вскоре после этого начала пить, а семья — бедствовать.

Сестра меж тем окончила школу (или должна была закончить — Катя постоянно путалась во всем, что касалось нее), нашла какую-то подработку и даже умудрилась снять квартиру, совершенно убитую и загаженную, но зато по цене, которая была подъемной. Про квартиру Катя помнила довольно хорошо, поскольку часто сбегала к сестре во время очередных пьянок матери.

Мать опускалась все ниже, начала водить каких-то хахалей-собутыльников, которые превратили уютную когда-то квартиру в зловонное болото, наполненное запахами перегара и блевотины.

Тогда сестра все же решила взять дело в свои руки и вызволить Катю из всего этого. Катя помнила, как они спорили с матерью, как таскались по судам. В итоге родительских прав мать все-таки лишили. Опекун на себя оформляла сестра, которой к тому времени исполнился двадцать один год. Жизнь вроде бы налаживалась.

И тут у сестры случается инфаркт. Да, прямо как у отца, но в двадцать с небольшим. Катя в это во все верила с трудом. Какой, черт возьми, инфаркт у молодой девушки, причем безо всяких предпосылок к этому. Хотя после всего, что пришлось ей пережить, мог и инфаркт быть. Да все могло быть, в конце-то концов.

С мертвой сестрой по одну сторону и лишенной родительских прав матерью-алкоголичкой по другую, Катя осталась без опекунов. И угодила прямо в детский дом.

Там ей довелось прожить менее пяти лет, пока ее совершенно случайно не обнаружила Ольга. Она не хотела делать из нее калигатку, а просто проявила сочувствие и, как ей казалось, материнские чувства.

И два года Катя провела у Ольги, то ладя с ней, то ссорясь, уладила дела с учебой, поступила в университет, начала втягиваться в калигатское общество, но тут выкинула очередной финт ушами, смылась из дома и нарвалась на отказ Ольги продолжать обучение.

Что и привело ее в итоге сюда, в эту кафешку, в поисках меня.

Катя замолчала, молчал и я. Мне было крайне паршиво. И даже не из понимания того, что довелось пережить этой девчонке, ее жизнь была несладкой,

но таких историй я знал достаточно.

Я был виноват в том, что она сидела сейчас здесь. Это я убил ее сестру.

Да, это была та самая девчонка, перед которой я случайно снял очки и раскрыл свое калигатство. Мы с Олегом вытравили все знание, до какого смогли дотянуться, об этой несчастной, которой не повезло напороться на неопытного идиота вроде меня. До знания Кати дотянулись, похоже, весьма поверхностно.

Помнится, не так давно я жаловался, что знание надо мной издевается, подсовывая скучные терзания проводниц и серые мыслишки прохожих.

Теперь оно вело себя как циничный садист, нос к носу сталкивая меня с моими же ошибками и заставляя осознавать всю цепь их последствий.

Казалось бы, что тут такого, просто несколько неудачных совпадений. Но я в совпадения не верил. Понять, как работает знание, практически невозможно, но это не отменяет существование его квазипространственных и вневременных законов.

Но я обязательно выясню, зачем знанию понадобилась эта девчонка.

— Пойдем, — коротко бросил я Кате.

Я наконец расплатился и даже оставил чаевых чуть больше минимальной дозы вежливости. Мы вышли из кафе и направились в сторону офиса Егора, забирать машину.

На улице поднялся ветер, несильный, но по-осеннему пробирающий. Я, надевший сегодня пальто вместо плаща, которые чередовал в зависимости от настроения и погоды, чувствовал себя вполне комфортно, а вот Катя мерзла и от этого нахохлилась, став похожей на воробья-переростка в очках. Подивившись своей крайне абсурдистской аналогии, я прибавил шаг и услышал, как Катя сматерилась, отчаянно стуча зубами.

Череду улиц и пару дворов спустя мы все же дошли до офиса. Я уж понадеялся, что никто из калигатов меня с ней не увидит, но стоило мне только подойти к своему авто, как на парковку завернул Егор.

Он запарковался рядом со мной и вышел из машины, продолжая кому-то оживленно втолковывать по гарнитуре, торчавшей в правом ухе:

— Да мне все равно, что они затирают, это бред сивой кобылы в лунную ночь! Наши не идиоты, чтобы рыпаться на местных, черт бы их побрал. И что они мне лапшу-то на уши вешают, мол, те сами набычили. Сами в хламину бухие были, а сейчас еще выкобениваются. Нет, вот не надо мне тут «забей». Я тебе гвоздь в жопу забью! Я егермейстер или хер с горы? Вот то-то и оно! Давайте, работайте. Отзвонитесь потом.

Егор подошел ко мне, окинув Катю взглядом. Знание о ней уже было, поэтому на лице промелькнула тень брезгливости. Мы пожали друг другу руки.

— Привет, ты как, отчет сделал?

— Ага, — кивнул я. — На столе у тебя лежит. Только в толк не возьму, почему твоя контора по субботам работает.

— Да это я парней своих из отдела нагнал для массовки. На два отгула за одну субботу клюнули. А у нас просто сегодня собрание наших доблестных стражей порядка вечером, я чего и вернулся.

— Придумайте себе уже другое официальное название вместо этих «егерей», — подколот его я.

— Да пошел ты, — вяло отмахнулся Егор. — Лучше скажи, чего эта натворила?

— Не-не-не, я ее не сдавать привел. Решил вот посмотреть, что из нее может получиться, девчонка-то вроде не дура, просто с наставницей все сложно, сам понимаешь.

Егор понимающе кивнул. С Ольгой он, разумеется, был знаком. Я понизил голос, чтобы Катя не слышала, и продолжил:

— Плюс мне ручная провидица, пусть и неопытная, пригодилась бы. Я девку подержу пока на иждивении, погляжу, как у нее со знанием, а там может и в подмастерья оформлю.

Егор похлопал меня по плечу:

— Ну, удачи, что я тебе еще могу сказать. Девчонка с характером.

Егермейстер снова пожал мне руку — уже на прощание — и пошел в офис. Я открыл машину, Катя устроилась на пассажирском сидении, а я приятно упал в свое водительское.

Заведя авто, я включил по привычке музыку. На этот раз плейлист с включенным shuffle подкинул мне «Porcupine Tree». Прогрессивные британские рокеры переливчато вещали под тревожные клавиши и электронный перебор гитар:

*I don't really know
If I care what is normal
And I'm not really sure
If the pills I've been taking are helping*

*I'm wasting my life, hurting inside
I don't really know
And I'm not really sure*

*Sullen and bored the kids stay
And in this way they wish away each day
Stoned in the mall the kids play
And in this way they wish away each day*

Катя посмотрела на меня своими большими зелеными глазами поверх очков с легкой тонировкой и сказала:

— Красивая песня. Как называется?

— «Sentimental», — машинально ответил я, выруливая с парковки, и отметил каким-то краешком сознания, что в этом что-то есть.

Машина скользила по обрамленным октябрем улицам, временами уходя в то странное измерение, где есть только движение, отрешаясь от остального бытия. Мы выехали из центра и пересекли Каму, окунаясь в желто-зеленое море правобережья. Катя молчала, глядя на проносящийся мимо мир.

Я же, ощущая ее периферией зрения, едва слышно шептал: «Зачем, знание, зачем тебе она?». Но знание было как всегда безответно.

***

Морган вновь поднялся на борт шхуны на следующий день, когда вечер вступил в свои права. Ньюкасл заволокло сумрачным осенним туманом, а воды Тайна ровным обсидиановым зеркалом отражали темное небо, в котором облака смешивались с дымом городских труб.

Его встретил лично капитан, надевший по такому случаю лучший из имевшихся у него нарядов. Получилось весьма комично.

Сам пароходчик выглядел безупречно. Все свидетельства вчерашней потасовки исчезли бесследно, включая синяки и царапины. На немой вопрос капитана Морган лишь изогнул бровь и протянул ему два объемных саквояжа. В них оказалось обещанное вино.

— Мой подарок вашей команде. Пусть ни в чем себе не отказывают.

Капитанская каюта явно не предназначалась для званных ужинов, но испанцы действительно старались произвести положительное впечатление на Моргана. По крайней мере, там было чисто, стол покрывала почти целая скатерть, а позолота на подсвечниках еще оставалась в более-менее приличном состоянии. Поданные блюда тоже оказались весьма аппетитно выглядящими.

Впрочем, пароходчику было все равно, к еде он даже не притронулся. Он лишь поглядывал на часы и пил вино. Капитан из вежливости также опустошал бокал за бокалом, хотя на его взгляд, давно пора было приступить либо к обсуждению сделки, либо к непосредственно ужину.

Прошло где-то с четверть часа, и капитану стало трудно дышать. Он судорожно хватался руками за горло, что-то хрипел, пытался позвать на помощь, но его выпученные от ужаса глаза видели лишь довольного Моргана, допивающего последний бокал. Вскоре капитан затих и обмяк в кресле.

Морган еще раз мысленно отметил, что Ченгу можно платить и побольше. Поднявшись на палубу, он осмотрел мертвых матросов, лежащих в неестественных позах рядом с полупустыми бутылками. Шотландец, само собой, по-

нимал, что не все на корабле предавались пьянству, но трезвенники и спящие заботили его мало.

Можно было, наверное, обойтись и вовсе без этого спектакля, но здесь Морган проявлял некоторую гуманность. Смерть от яда была более быстрой и безболезненной, чем то, что Морган собирался сделать в завершение своего визита.

Он спустился вниз, в трюм. Там действительно оказалось несколько дрыхнувших матросов и несло чем-то кислым. Шхуна уже оказалась наполовину загруженной. Гореть будет знатно.

Прохаживаясь мимо храпящих потных тел, Морган то и дело вглядывался в лица, словно пытаясь кого-то найти. Но лица все были одинаково грязные, нужного среди них не попадалось, и парходчик уже собирался подниматься наверх, когда его взгляд уловил едва заметное движение в темноте корабельного нутра.

За одной из балок прятался парнишка лет пятнадцати, судя по всему, юнга. Он был одет в какое-то рваньё, явно слишком тонкое для промозглого британского октября, бос, длинные черные волосы спутанными космами закрывали смуглое лицо и темные глаза. Морган осторожно подошел к нему, и лицо шотландца озарилось радостью достигнутой цели. Он осторожно сказал по-испански:

— Не бойся. Как тебя зовут?

Парень поднял на него глаза и сказал:

— Сальвадор.

— Скажи, в чем твоя трагедия, Сальвадор?

***

Я открыл дверь квартиры Олега и пошарил рукой по стене в поисках выключателя. Зажегся свет.

После смерти моего наставника квартира пребывала в тревожном запустении. Когда улеглись все эти погребальные страсти, я разобрал его бумаги и личные вещи, большая часть которых перекочевала ко мне. Коллекция ножей и ружья пока что лежали в коробках в одной из моих пустых комнат. Библиотеку я частично сгрудил в другую свою комнату, а частично утащил на балкон.

Так что квартира была практически пустой — разве что нетронутым оставалась обстановка в комнате, где жил Олег, но ту комнату я давно закрыл на ключ.

В одной из освободившихся комнат теперь стоял потертый диван, долгое время пылившийся у меня, а теперь служащий здесь местом отдохновения. Рядом с ним стоял низенький журнальный столик и какая-то кособокая тумбочка.

— Жить будешь здесь, — сказал я Кате. — На кухне есть посудомойка, в ванной стоит стиралка. Холодильник, правда, пустой, но если что, еды я тебе при-

несу. Зато есть много чая в шкафчике и должны оставаться какие-то печеньки. Вода в канистрах есть, у нас тут родник недалеко. В твоём распоряжении две комнаты, туалет, ванная, кухня и балкон. Ещё одна комната заперта, и лезть туда не советую.

Катя оглядела предоставленную ей жилплощадь и кивнула. Потом нахмурилась и спросила:

— А мои вещи?

— Какие вещи? — не понял я.

— Ну, одежда там, кремчики всякие...

— Где я тебе их возьму? — развел я руками. — Это тебя выгнали, а не меня.

— Я имею в виду, что мои вещи сейчас у подруги лежат. У которой я живу... ну, жила.

Я про себя выматерился на эту девчонку, которая не могла сказать о шмотках прежде, чем мы доедем до дома. Я глянул на часы. Дело шло к вечеру, но было не так ещё поздно. Тьфу, только бензин жечь почему зря.

— Давай адрес и звони подруге, предупреди, что к ней скоро приедет злой бородатый мужик за собранным — я подчеркиваю, собранным — чемоданом с твоими вещами.

Катя испугано пискнула — видимо, вид у меня был и правда рассерженный — и начала искать в телефоне номер. Через пару минут у меня в руке была бумажка с адресом. Я сунул её в карман, в компанию аккуратного черного прямоугольника Сальвадора.

Жила её подруга не очень далеко, и мне оказалось даже удобно — на обратном пути можно было заскочить в упомянутый Константином архив, не делая крюк.

Я вышел во двор, где компания на лавочках громко распевала под гитару:

*...А при коммунизме все будет заебись,
Он наступит скоро — надо только подождать,
Там все будет бесплатно, там все будет в кайф,
Там, наверное, вообще не надо будет умирать.
Я проснулся среди ночи и понял, что —*

Что именно понял исполнитель, узнать не удалось — его прервали ещё более громким криком «Заебал, бля», который дополнили разлетевшимся об асфальт аргументом в виде бутылки.

Так и живём — в стране, где дикий капитализм положил на лопатки развитой социализм, в ожидании коммунизма, который наступит совсем скоро. Правда, по ощущениям на нас и так уже что-то наступило.

Дороги в сторону центра были пусты, и доехал я быстро. Невзрачная полно-

ватая ровесница Кати выкатила мне увесистый чемодан на колесиках. Мысленно я порадовался, что только один.

Закинув его в багажник, я проехал в архив. Архивы у нас были самыми обычными небольшими учреждениями, где ровными рядами стояли советского вида стеллажи с документами, пара-тройка компьютеров и сидел дедушка-сторож. Я не знаю, под какие заведения маскировали архивы — среди калигатов моего поколения ходил слухок, что под архивы и маскировали. Каких-нибудь ассенизаторских трестов.

Дедушка откозырял мне — уж не знаю, как он нас узнавал, подозреваю, что им передавали знание о каждом новом калигате города — и пропустил внутрь. Сторожа обычно не спрашивали, зачем тому или иному калигату нужно было в архив. Лишнего посетитель все равно бы не прочитал.

Дело в том, что все папки в архиве содержат совершенно пустые листы пожелтевшей от времени бумаги. На них нет ни единого символа, только на корешках папок указаны инвентарные номера.

Настоящий архив представляет спрессованное знание, заключенное в этих листочках. Чтобы его извлечь, нужно обладать знанием-ключом, дешифрующим содержимое той или иной папки. Олегов ключ у меня, понятное дело, имелся.

Найдя нужную мне папку, я быстро ее проглядел. Там что-то было указано про Питер, проверки со стороны главы общины, тогда еще дяди Миши, протокол допроса, несколько служебных записок. Несколько раз звучало имя Ольги.

Я почесал бороду в недоумении. О таком эпизоде из жизни Олега мне известно не было, и, похоже, это случилось еще до того, как я стал калигатом.

Сказав дедушке, что я изымаю папку, и расписавшись в толстой учетной книге, я покинул архив. Ночью нужно будет хорошенько изучить, что же именно было в этой старой папке.

Я вернулся в машину, привычно повернул ключ. Двигатель натужно заурчал, отзываясь на требования стартера, но завестись так и не смог. Удивившись, я проделал операцию еще раз. Результат остался тем же.

Из сгустившейся уже сизой осенней темноты вышел мужчина в светлом плаще — тот самый, чье присутствие, как я сейчас понимал, я часто ощущал на окраине восприятия. Я даже вспомнил, где первый раз его увидел — на Перми-второй, когда встречал Олега.

Машинально я еще раз попытался завестись.

— Не заведется, — негромко произнес он и похлопал по капоту. Это чтобы у меня сомнений не осталось, что передо мной оператор. — Давай, выходи. И папочку-то отдай.

Давным-давно, когда Олег растолковывал мне про аспекты, он действовал предельно просто, адекватно оценивая свои педагогические способности.

«Аспект — это твоя специализация, то, как знание в твоей башке лучше всего прилагается к остальному знанию. Аспект — штука постоянная, поэтому наставник всегда ищет ученика с таким же аспектом. Всего их шесть.

Первый — это избавители, то бишь мы с тобой. Избавители способны с легкостью вытащить знание из любой черепушки — легкость, конечно, зависит от опытности. Мы налоговики или там судебные приставы, мы обычно вытаскиваем нужное общине знание из голов всяких должников. Ну, и убираем всяких нежелательных личностей — как физически, так и из истории. В общем, привыкай, мы мокрушники, за это нас не любят и за это же боятся и уважают. При желании мы можем даже из калигата сделать человека. За то и ценимся.

Далее идут искатели — самые безобидные калигаты, более похожие на нариков в постоянном угаре. Они проводят большую часть жизни, зависая в чистом знании, где ищут новую информацию среди хитросплетений всей этой мозгоразрывающей канители. С них кормится вся община, поскольку если кто и способен добыть по-настоящему ценное знание, так это они.

Потом у нас скульпторы — пиарщики, политтехнологи, журналисты и прочие околomedийные личности, занимающиеся тасованием известной людям информации. Когда надо, они достают пару-тройку тузов из рукава, а когда надо, то и убирают со стола карты. Калигаты они хитрожопые, но с ними дела иметь вполне безопасно, поскольку все их трюки на калигатов не очень-то действуют. Они наш буфер, не дающий людям особо подобраться к общине.

Провидцы — калигаты крайне необходимые, поскольку они могут указать на потенциального калигата и его аспект. С ними проще всего находить учеников. Ну, кроме того, провидцы действительно способны предсказывать будущее — точнее, видеть наиболее осуществимые вероятности. Без них корректировать курс реальности было бы невозможно.

Толкователи — странный аспект. С одной стороны, они сильно похожи на провидцев, поскольку тоже могут оценивать вероятности. Самое, на мой взгляд, существенное отличие в том, что они делают это во все стороны сразу. Они умеют считывать историю мест, вещей, даже мертвецов. И даже пересекаться с другими, не осуществленными вероятностями. За счет этого толкователи становятся неплохой страховкой от ошибок — провидец видит лишь самое вероятное будущее, а вот толкователь такого будущего не видит, но может сказать, где нам точно дадут по башке.

И, наконец, операторы. Операторы напрямую воздействуют на знание материального мира. То бишь способны вызывать все эти фаерболы. Если остальные аспекты работают в основном с тонкими материями и чистым знанием, то операторы — ребята предельно простые и приземленные, они таким не заморачиваются. Зато способны заштопать разорванную в клочья печень, присобачить на место оторванную руку — или с тем же успехом проделать обратные операции. Запомни, Игорь, оператор — самый опасный пидарас, с которым

ты можешь вступить в конфликт. Поэтому держи знакомых операторов в поле зрения и поддерживай с ними по возможности приятельские отношения».

Опасность операторов конкретно для нас заключалась в том, что нам банально нечего было им противопоставить. Мы всегда были мастерами тонкой работы, извлекая хрупкие нити нужного нам знания и не тревожа при этом всего остального. Операторы же в своей сокрушительной грубости методов просто-напросто размазывали нас по стенке. Никакое мастерство не поможет, если твои мозги растекаются по асфальту.

Конечно, это не значит, что операторы — тупые громилы, взять хоть того же Городецкого. Но сам принцип прямого воздействия на окружающий мир является довольно варварским. Это примерно как из-за одного больного дерева выжигать весь лес. Быстро, эффективно, но чертовски много сопутствующих потерь.

Поэтому в открытом противостоянии он прикончит меня быстрее, чем я приготавливаю свой арсенал. Но подышать просто так я тоже не собирался.

Я вышел из машины, оставив папку внутри. Человек в светлом плаще едва заметно улыбнулся — выглядело это как какое-то нервное подергивание краями рта — и со скукой в голосе сказал:

— Хочешь по-плохому — будет тебе по-плохому.

Он сделал пару шагов вперед. Я слегка отодвинулся от машины, постепенно надеясь нырнуть в спасительную темноту неосвещенной части улицы. Архив находился недалеко от дворов, и если мне удалось бы до них добраться, я бы выиграл немного времени для маневров.

Но ход этот был слишком очевидным, и я не очень-то уповал на него. Пока мы еще не начали настоящую драку, необходимо было подготовиться к мясу. Первым делом я изготовил самые распространенные мои рабочие знания — как вытягивать дыхание, сердцебиение, парализовать и тому подобные фокусы. Для человека, никогда не ощущавшего знания в том смысле, в котором о нем говорим мы, это предложение несет мало смысла, ибо практически невозможно описать тот процесс в моем сознании, который отражал эту подготовку. В любом случае, сейчас я готов был применить этот типовой набор избавителя одним движением разума.

Но против очень опытного оператора такие штуки вряд ли помогут — способы противодействия избавителям тоже есть. Вдобавок операторы сами могут изменять свое тело, тем самым обходя отказавшие системы организма. Посему следующим оружием я избрал другой, менее известный прием избавителей — технику равновесия. Она считается довольно сложной, и мне удалось ее освоить не так давно. Суть этой техники в том, что я забираю знание — любое, хоть даже самое бестолковое — и одновременно замещаю его своим. Если проявить должное мастерство, я смогу перекинуть на моего противника мои же ранения, в которых я, разумеется, не сомневался.

Человек в светлом пока что приближался наигранно медленно. Я также медленно, без резких движений, сдвигался в намеченную сторону. Оператор попытается взять меня живым, ему нужен ключ для расшифровки.

Когда он резко сорвал дистанцию и в мгновение ока оказался у меня перед носом, а с его руки сорвалось тончайшее лезвие, сотканное из спрессованных под ирреальным давлением пылинок, песчинок и иного мусора, я едва успел среагировать, пропустив лезвие в сантиметрах от своей шеи, и ринуться во дворы. Над головой в лучших традициях боевиков просвистело еще несколько лезвий. Затем я услышал топот — меня все-таки стали преследовать.

В сумерках двора на лавочке сидела компания человек в десять, обычная такая молодежь. Я повернул к ним и, нырнув под руку одному парню, который явно охреневал от происходящего, продолжил бег. Мой оппонент просто раскидал их и даже вроде никого не убил, но даже эта секундная заминка позволила мне оторваться еще на пару живительных метров, открывая возможность контратаки.

Я сорвал свое самое эффективное вытягивающее знание, которое должно было напрочь выбить из оператора само понятие о дыхании и кровообращении. Но, как я и ожидал, он лишь отмахнулся от него. Со стороны это смотрелось довольно странно — мужик отмахивается от воздуха, но я видел тонкие цветные нити знания, ушедшие в сторону. Самое главное, что он слегка ослабил внимание — ведь я, по идее, уже использовал свой туз в рукаве.

Тузы тузами, а подстраховаться никогда не поздно. Пока мой противник готовил следующие лезвия, я выбросил вперед руки, вытягивая воздух вокруг него. Окружая оператора, создавался вакуум, в который тот час же ринулся окружающий воздух, подняв небольшой смерч. Пусть задушит таким образом я никого бы не задушил, но определенно дезориентировал противника.

Теперь у меня было время на подготовку моего безумного плана. Я позволю ему несколько раз себя ранить — не смертельно, разумеется. А потом, когда он уже не будет думать о защите, применю «равновесие». И поменяю какую-нибудь его тройку в пятом классе на свои сломанные ребра.

Область низкого давления исчезла, пыль постепенно улеглась. Лезвия у него были уже наготове. Ну что, поехали.

От первого я уклонился — оно летело мне прямо в башку. Второе и третье я пропустил, сжав зубы от резкой боли в левом плече и где-то у ключицы. У меня были кое-какие знания, чтобы не сдохнуть сразу. Больно — да, но я еще пока даже не шелохнулся. Главное, чтобы противник не расчухал, что дело здесь нечисто.

Пока все шло хорошо. Я еще несколько раз уходил с линии огня, маневрировал, но все же получал неприятные, хотя и не очень опасные ранения. Еще чуть-чуть, когда он решит, что я уже скоро свалюсь... и тогда нужно будет действовать, быстро и яростно, не давая ему опомниться и не обращая внимания

на боль.

И тут он в очередной раз вынырнул из полутьмы прямо передо мной и врезал мне здоровенным кулаком в солнечное сплетение, отчего я сам почувствовал, как из меня выбило весь воздух. Мое тело среагировало, и я, упав, перекувырнулся, уходя от добивающего удара.

Момент был упущен, я потерял инициативу. Пора было бить, иначе меня вынесут отсюда вперед ногами, стоит только моему противнику достать шифр. Даже не пытаюсь встать — удар был действительно нечеловеческой силы, оператор наверняка как-то себя усилил — и только лишь с трудом сфокусировав взгляд на своем противнике, я потянулся к нему знанием, тонкими темными нитями. Лишь бы успеть. Лишь бы успеть. Он готовил что-то убойное. Лишь бы успеть.

Первая нить разорвалась, наткнувшись на колючую преграду его сознания.

Вторая сумела пробраться сквозь нее, но оказалась иссечена какой-то внутренней защитой.

Тут он заметил оставшиеся и резко перерубил их. Я все-таки не успел.

У меня оставался бы еще крошечный шанс каким-либо образом уйти от закономерного поражения и еще немного потянуть время, но даже усиленное знанием тело отказывалось мне подчиняться. Так или иначе, он вдарит по мне всем, что у него там есть. Убивать не будет, просто серьезно покалечит — шифр-то ему нужен. Шифр. Ха. Шифр.

Извлечение знания из самого себя — занятие малоприятное, но в моем положении выбирать не приходилось. По ощущениям похоже на удаление зуба — своими же руками, без анестезии, при этом зуб одновременно остается на какой-то момент и в челюсти, и в руках. Как любая рекурсия, самоизвлечение знания вызывало какие-то трансцендентные парадоксы, когда ты знаешь, что ты не должен знать, но при этом не знаешь, что знал. Парадокс разрешается довольно просто — запихиванием этого в чистое знание, где времени и субъективности не существует. Так что долой тебя, долой, отправляйся-ка в мою область чистого знания, плыви золотым облаком. Возможно, однажды я заберу тебя, облекшись в облик человека-птицы. Однажды.

Пусть теперь подавится, пытаюсь достать из моей башки шифр, которого я не знаю. Пусть, сволочь, устанет меня пытаться.

И тут-то я и понял, каково оказаться под ударом промышленного молота, обитого мягкой тканью — кровь лучше впитывает. Он наконец ударил. Донельзя дурацкая метафора про молот вспылала разлагающейся спичкой в рушащемся сознании, дотлела и сгинула вместе со мной в соленую темноту.

Очухался я от резкого запаха, ударившего в разодранную слизистую носа. Меня замутило. Что-то подняло меня за шиворот и потащило в сторону огромного прямоугольника света.

— Проблюешься — умойся и приходи, — услышал я голос сверху.

Голос был прав — меня действительно несколько раз вывернуло наизнанку. Морщась от общей слабости и мерзкого привкуса желчи во рту, я поднялся, опираясь на стену. Кое-как сфокусировав взгляд, я с неподдельным удивлением и ужасом понял, что нахожусь в собственном туалете.

Приведя себя в порядок, я окончательно удостоверился, что оператор притащил меня ко мне же домой. И, похоже, на моей же машине.

Сам мой противник сидел на кухне. Он пододвинул ко мне чашку с кофе и велел садиться.

— Очухался? — спросил он. Я кивнул. Кофе был очень горьким и кислым, я его поэтому не пил, а новую банку купить все руки не доходили. Однако свою он функцию выполнял, соображать я начал.

— Давно я тут? — задал я вопрос в ответ. За окном было темно.

— Пару часов. Сейчас ночь того же дня. Машину я поставил на место, ключи у тебя на столе.

— Почему я еще жив?

— А зачем мне тебя убивать? Ты мне дорогу пока не перешел. Та папка устроила бы тебе больше неприятностей, чем наша потасовка. Хотя, разумеется, я не альтруист, мне она бы тоже создала кое-какие проблемы. Считай, что я так подстраховался — за себя и за тебя.

— Да кто ты вообще такой? — наконец-то я задал самый нужный вопрос.

— Меня зовут Виктор. И я неплохо знал Олега. С ним мы работали в Питере.

— Олег мертв. От меня тебе что нужно? Долги?

— Видишь ли, Олег мертв отчасти из-за нашей с ним работы. Но тебе знать об этом незачем. Поэтому считай, что это я отдаю ему долг.

— Незачем, говоришь? Незачем?

— Меньше знаешь — дольше живешь.

— Я рано или поздно докопаюсь до правды. Я успел кое-что глянуть в той папке. У меня есть, с чего начать.

— Не трогай Ольгу, — вдруг резко сказал мне Виктор. — Я знаю, что в папке точно было ее имя. Не трогай Ольгу, сукин сын. Она здесь ни при чем.

— Тогда мне нужны ответы, — резонно возразил ему я. — Либо ответы, либо можешь убивать. Пока я жив, я буду искать эту сраную правду о смерти Олега.

— Я не идиот, чтобы убивать избавителя общины прямо у него дома. Если ты гарантируешь мне, что Ольгу ты не тронешь, я расскажу тебе правду. Только я знаю, она тебе не понравится.

— Начинай, посмотрим.

Виктор горько усмехнулся.

— Олег, понятное дело, не говорил, зачем он ездил в Петербург. Тебе этого знать было не положено — ты, впрочем, догадался, что ездил он туда искать Путь. Но наша с ним «работа» началась задолго до того, как ты стал его учеником.

Виктор снял с руки простое серебряное кольцо — аккуратный такой ободок с гравировкой готическими буквами — и протянул мне.

Гравировка гласила: «Quorum praesentia sufficit». «Которых присутствие достаточно». Я вернул ему кольцо.

— Ты знаешь, что это значит, — Виктор даже не спрашивал.

Я кивнул. Правда, у меня начали появляться очень нехорошие предчувствия.

— Ты из Кворума. Мятежников, которые теперь воюют против всех — даже бывших своих соратников из Нового Света. Вы те, кто втоптал в грязь принципы Проводника. Включая самый главный, *cognitio est prima*.

— Западный Магистрат давно открестился от связи с Кворумом, — ответил Виктор. — Они играют в добропорядочных соседей с вашим Собором, от которого осталось лишь одно название, все равно вы все живете в своих общинах и носа не кажете в большой мир. И, если уж говорить о принципах, то *cognitio prima est*. В латыни порядок слов другой. Вы уже настолько не понимаете, зачем им следуете, что даже произнести их правильно не можете. Итак, я из Кворума, террорист и мятежник в твоих глазах. Предатель. И теперь, когда мы прояснили самый щекотливый момент в этой истории, то следует начать с самого ее начала.

Петербург — самый сильный из оплотов Кворума в России. Все важные посты в общине занимают наши люди. И мы, разумеется, заинтересованы в расширении своего влияния.

Я приехал в Пермь вместе со своей сестрой. Она никогда не состояла в Кворуме, но помогала мне по мере своих сил — по-родственному, так сказать. Приехали мы с вполне очевидной целью — подготовить здесь почву для перехода Перми под власть Кворума.

На Урале наши ячейки давно уже не существовали ввиду слабой возможности контролировать из Питера всю эту махину. Но в девяностые мы поднялись, и тогда было принято решение перевести несколько крупных городов под нас.

Приехав, мы постепенно влились в общину — особых подозрений мы ни у кого не вызывали, брат и сестра, решили переехать, ничего в этом зазорного нет. Разумеется, кое-кто удивлялся, как это мы оба калигаты, но такое, сам знаешь, довольно часто встречается.

Через несколько лет моя сестра познакомилась с Олегом. Ты уже обо всем догадался?

Я снова кивнул. Ольга, значит. Сестра террориста, ха. Виктор продолжил:

— У них начались отношения, и мы с ней решили недвусмысленно намекнуть Олегу на возможные бенефиции от сотрудничества с нами.

У меня неприятно засосало под ложечкой. Чертова логика. Горло сдавил ком обиды и бессильной душащей злобы — на Олега, на Виктора, на калигатов. Виктор посмотрел на меня и спросил:

— Продолжать?

— Да, — с трудом выдавил из себя я.

— Олег согласился. Как избавитель, он точно был не последним человеком в общине и, в общем-то, неплохо знал ваших иерархов. Так пролетело несколько лет — Олег время от времени ездил в Петербург вместе со мной или Ольгой, передавал информацию о деятельности пермской общины, давал ценные советы нашему руководству по дальнейшему планированию, а здесь готовил общину к смене власти.

В самом начале двухтысячных нами заинтересовались егеря. В той папке как раз была инфа по этому делу — проверки, допросы и все такое. Но нам удалось отбрехаться. Олега обязали найти ученика — тут ты и сам все знаешь. Тогда же Ольга вышла из игры, послав к черту всю эту политику. Ее отношения с Олегом начали портиться, что и вылилось в развод спустя какое-то время. Я же, опасаясь излишнего внимания, вернулся в Петербург.

Олег по-прежнему продолжал свою работу на Кворум. Все это время — все эти восемь или уже девять лет. Наконец, к августу нынешнего года он все закончил. И поехал за наградой.

— Что вы ему обещали? — тихо спросил я. Меня начала бить мелкая дрожь.

— Путь. Знание о нем — у наших главных действительно есть то, что принято называть «путем, ведущим к спасению, избавлению и гармонии». Только не все так просто, как оказалось. Уверен, что хочешь это знать?

— Издеваешься? Говори.

— Путь оказался совсем не тем, чем все его считали. Точнее, слова о «спасении, избавлении и гармонии» понимались довольно оптимистично. На деле же никакого пути нет — в принципе нет. Проводник всех обдурил, а наши лидеры дурят всех дальше. Путь — всего лишь таблетка цианида в форме знания, универсальное средство быстрой и безболезненной смерти. По сравнению с тем, что ожидает калигата в дальнейшем, это действительно спасение, избавление и, наверное, гармония. В общем, это такой пистолет с одной пулей — пристрелить себя, чтобы не мучиться. Только подается он как лестница в небо.

Калигат, применивший Путь, тихо, мирно и спокойно умирает, а тело его уничтожается бесследно. Я об этом узнал тогда же, когда Олег его получал — совершенно случайно и незаконно даже по меркам Кворума. Поэтому я подорвался в Пермь на том же поезде, и сразу навестил Олега, так быстро, как смог. Но он мне не поверил — решил, что меня взяла зависть.

Хотя как я понял из картины его смерти, он не до конца доверял своим нанимателям из Кворума — все-таки для предателей даже в аду есть особое местечко — и попутно подыскал кое-какое мощное защитное знание, позволившее ему прожить еще какое-то время и предохранившее его тело от уничтожения. Продлил себе агонию.

Так или иначе, я решил собрать рабочие материалы Олега, пока не всплыли какие-нибудь лишние подробности — вроде той папки. Наш план уже готов, и я не могу допустить, чтобы он был раскрыт.

— А как ты теперь собрался жить? Раз Пути нет? И зачем все это мне рассказываешь? — отрешенно поинтересовался я.

— Как человек, постоянно живущий на грани, я спокойно отношусь к смерти. Рано или поздно я сдохну — и меня как-то не колышет, от чего. А зачем рассказываю... Я хочу предложить тебе сделку. Твое молчание и гарантия безопасности моей сестры в обмен на сворачивание всей деятельности Кворума в отношении Перми. У меня есть вес в нашей организации. Я даю тебе гарантию. Я покину Пермь, и больше никто из Кворума не будет здесь действовать. По рукам?

Виктор протянул мне руку с кольцом, на котором поблескивали серебряные слова. Я пожал ее. Мне уже было все равно. Затем Виктор молча покинул квартиру. Я машинально включил компьютер, запустил плеер, налил себе чаю.

Затем достал из морозилки бутылку водки и начал пить из горла. Я вдруг оказался прямо над пропастью — и у меня не было возможности повернуть назад. Впереди была лишь бессчетная пустота. Горло обжигала ядовитая горечь ледяной водки, но мне было все равно. Для падающих в бездну поздно думать о здоровье.

А в комнате звучал Егор Летов.

*...Посреди одинаковых стен,
В гробовых отдаленных домах,
В непроглядной ледяной тишине
Долгая счастливая жизнь,
Такая долгая счастливая жизнь,
Отныне долгая счастливая жизнь
Каждому из нас...*

cassum/пустота

Было темно, помещение почти полностью утопало в сырой и холодной темноте. Только горело несколько ламп в дальнем углу, освещая какую-то простую мебель, и одна под потолком, создававшая световое пятно прямо по центру, выхватывая стул с привязанным к нему человеком и угол медицинского процедурного столика, на котором поблескивали различные инструменты на аккуратной белой салфетке.

К человеку подошел мужчина в черном костюме, почти сливавшийся с темнотой вокруг. Единственными яркими пятнами были ярко-красный галстук и такой же уголок платка в нагрудном кармане. Сам мужчина был коротко подстрижен, с зачесанными назад волосами, и гладко выбрит.

— Итак, по-прежнему не хочешь говорить? — вкрадчиво сказал он, обращаясь к привязанному. Тот отрицательно помотал головой, хотя лицо исказил страх.

— Очень жаль, — сказал мужчина в костюме и достал из внутреннего кармана опасную бритву. На раскрытом лезвии блеснула гравировка «Gore». Резко взмахнув ей, человек в костюме перерубил привязанному средний палец на левой руке — безымянного и мизинца уже не было. Пленник истошно закричал, и его крик эхом разнесся по помещению.

Мужчина в костюме вытер лезвие о салфетку, аккуратно закрыл и убрал бритву во внутренний карман, после чего спокойно произнес:

— У тебя есть еще семь поводов наконец сказать мне то, о чем я прошу. Я велю, чтобы кого-нибудь прислали остановить кровотечение.

Человек в костюме вышел из круга света, оставив пленника в одиночестве. Того била мелкая дрожь, и он то и дело всхлипывал. Из обрубка пальца толчками выплескивалась кровь.

Мужчина в костюме тем временем поднялся наверх из этого обширного подвала, оказавшись в хорошо отремонтированном офисном помещении. Дверь в подвал он запер.

Поднявшись еще на несколько этажей вверх по ярко освещенной лестнице, человек в костюме толкнул темную деревянную дверь с табличкой «Генеральный директор» и вошел в собственную приемную.

Секретаря не было, но на ее месте сидела стройная молодая девушка в длинном черном платье. Ее длинные темные волосы тяжелыми волнами спускались на плечи, подчеркивая вместе с платьем мраморную кожу и ярко-алые губы. Мужчина в костюме улыбнулся, увидев ее.

— Этот трусливый ублюдок по-прежнему не хочет ничего говорить, — сказал он, присаживаясь на краешек стола. — Пришлось отрезать еще один палец.

Девушка нахмурилась и недовольно ткнула его в руку:

— Когда ты уже перестанешь всем резать пальцы без разбора, Ингвар? Ты же

мог спокойно достать все тебе необходимое и без членовредительства.

— Сукины дети последнее время слишком хорошо стали прятать знания. Мне бы пришлось с ним долго копать — а так, глядишь, и сам все скажет. Пусть упирается, лишь бы пальцев хватило. Терпения у меня много, а вот распыляться на таких как он я себе позволить не могу.

Девушка улыбнулась и встала из-за стола, приобняла Ингвара и поцеловала его в щеку.

— У нас сегодня еще одна встреча, дорогой. Мы еще успеем разик...

— После, Сольвейг, у нас и так будет много времени, а сейчас давай хоть раз приедем вовремя, пусть все удивятся, — Ингвар мягко высвободился из объятий и подошел к большим напольным часам с маятником, показывающим восьмой час. — И я так давно не дышал вечерним воздухом... Ты уже попросила подать машину?

— Конечно, — ответила Сольвейг, поправляя прическу. — Все в лучшем виде через семь минут.

Ингвар удовлетворенно кивнул, доставая из кармана пачку дорогих сигарилл с легким вишневым ароматом. Закурив, Ингвар с наслаждением открыл окно. Вечерний осенний ветер зашелестел жалюзи и зашуршал бумагами. Сольвейг поежилась. Тогда Ингвар снял пиджак и отдал ей, оставшись в одной рубашке — такой же черной, впрочем. Он вскочил на подоконник и почти слился с чернотой неба и шумно втянул в себя прохладу.

— До чего же я люблю этот город, — произнес он, протягивая руки в темноту. — *Мой город.*

***

Это был стареющий мужчина с когда-то темно-русыми, а теперь уже почти седыми длинными волосами, спускавшимися ниже плеч и стянутыми на лбу какой-то плетеной веревочкой. Он носил старую джинсовую куртку, под которой была футболка, вся в диких абстрактных цветных разводах, и коричневый кожаный жилет с парой кармашков. Длинные худые ноги он прятал в потертых и пыльных джинсах и старых светлых мокасинах. В общем, он явно был приветом из шестидесятых — Вудсток умер, а этот хиппарь еще нет.

Его лицо с длинной бородой, чуть более темного оттенка нежели его волосы, носило на себе отпечаток многих лет пьянства, особенно глаза, что было заметно даже сквозь круглые очки с синими стеклами. Когда он затянулся сигаретой, они увидели, что у него нет безымянного пальца на правой руке — от него осталась лишь одна фаланга, тщательно замотанная в пожелтевшие бинты.

Докурив, хиппи ловким щелчком отправил окурок куда-то в сторону большой кучи строительного мусора и наконец обратил внимание на Макса и Дашу.

— Слушайте, челы, вас как вообще сюда занесло? — сказал он, устало прива-

лившись к коряге. — Все же знают, что это гиблое место.

— Я жила здесь раньше, — ответила Даша. — Мне нужно кое-что забрать, это осталось от моей мамы.

Хиппи закрыл глаза и хмуро покачал головой:

— Девочка, оставь это. Твоей мамы больше нет, и она бы не хотела, чтобы и ты погибла здесь. Идите назад. Дальше только пустота.

Макс недовольно ему возразил:

— Но тогда почему вы живете здесь, в двух шагах от этой «пустоты»?

— Потому что *он* сказал мне жить здесь. Точнее, позволил. В насмешку надо мной *он* любезно разрешил мне встречать тех, кто решит сунуться туда, и даже пытаться их отговаривать.

— Вы знаете *его*? — испуганно спросила Даша и непроизвольно прижалась в Максу. — Лично?

Хиппи кивнул и достал новую сигарету.

— Когда-то давно *он* был моим другом... или не был, сейчас это уже не важно. После всего того кошмара я попытался *его* остановить — глупая попытка отчаянного человека, как я сейчас понимаю. Разумеется, я проиграл. Но то ли в то время в *нем* еще оставались какие-то человеческие эмоции, то ли *он* просто решил позабавиться. *Он* оставил меня в живых и даже позволил жить здесь... но прежде *он* отрезал мне палец моим же раскаленным скальпелем, «небольшое наказание за проступок», как *он* выразился тогда, — и хиппарь протянул к огню свою изувеченную руку.

Они сидели вокруг разведенного стариком костра, что прятался от ветра и сырости в каком-то подъезде. Сам дом, где они коротали ночь, был уже наполовину разрушен, и мертвые окна слепо излучали темень в пространство. Макс попытался понять, где именно они находились — но руины вокруг стерли привычные ориентиры.

Даже сейчас ему было сложно поверить, что еще каких-то шесть лет назад это был почти самый центр города. Оживленные улицы. Дорогие магазины. Сотни людей.

Теперь же здешний пейзаж напоминал фотографии городов-призраков вроде Централии или Припяти. И из-за этого еще более дико смотрелись возвышавшиеся над городом ослепительно сияющие башни Frey Industries, уже пронзающие вечер безжалостным светом прожекторов.

Это и были блеск и нищета Перми — города с незаживающей язвой разрушенных и заброшенных кварталов на месте старого центра и поражающими воображение новыми районами, которые венчают те самые башни Фрея. Иногда Макс пытался понять, как могут здесь жить люди, знающие, какой ценой получено все богатство, которым они гордятся. Эта мысль придала Максу ре-

шимости.

— И все же, нам нужно пройти дальше.

Хиппи хрипло расхохотался.

— Знаешь, сколько раз я слышал эту фразу? Всем насрать на рассказы старого пьяного сумасшедшего бомжа, поэтому никого я ни разу еще не отговорил. Он слишком умная сволочь, чтобы не превратить это в издевку. Давайте, валите, тамошним собакам давно не перепало хороших трупов, — махнул он рукой в сторону выхода, где обитала всепожирающая темнота развалин. У Макса появилось сильное желание набить этому старому хрычу морду, но он сдержался.

— И я бы хотел, чтобы вы были нашим проводником.

Старик от удивления даже выронил сигарету.

— Ты издеваешься, парень? — спросил он, глядя на Макса поверх очков. — Какой я тебе проводник?

Макс посмотрел на притихшую Дашу и сказал:

— У меня есть долг перед этой девушкой. Я обещал ее довести живой. Но если там все так, как вы описываете, что там действительно «пустота», и мы скорее погибнем, чем доберемся до цели — нам нужен проводник. Я готов заплатить столько, сколько попросите.

— Слышь, парень, на кой хуй мне здесь что-то? — раздраженно отмахнулся хиппи. — Бухло и курево как-нибудь уж достану, от холода и голода пока не помру. Ты меня не купишь. И я не чертов самоубийца. Хочешь идти туда — иди.

Тут Макс все-таки не выдержал и вспылал.

— Я не хочу идти туда, ебанный ты ублюдок! — заорал он, вскакивая на ноги. — Я *должен* туда идти! Должен, мать твою! У нее родители погибли в том кошмаре, и мне плевать, что ты боишься за свою жопу! Если придется, я тебя волоком протащу до самого центра этой дыры! Или ты такой трус, что боишься снова встретиться с *ним*?!

Хиппи нахмурился и недобро посмотрел на Макса. Тот уже замахнулся на него, но в мгновение ока старик оказался у него за спиной, а железная хватка искалеченной руки сдавила Максу горло.

— Не зарывайся, парень, — хрипло произнес хиппи, обдавая Макса перегаром и сигаретной вонью. — И не смей обвинять меня в трусости.

— Отпустите его! — воздух вдруг взрезал девичий крик. Старик перевел взгляд на Дашу. Та продолжила: — Я понимаю, что вы не испытываете к нам сочувствия... да вы вообще к нам ничего не испытываете. Вам плевать на нас — но разве вы простите *ему* то, что *он* с вами сделал? Пусть *он* сам далеко, но там — источник *его* порочной власти. И возможность вашей мести. Если вы проведете нас, то мы обещаем помочь вам в поиске *его* секрета. Услуга за услугу.

Полузадушенный Макс явно хотел опротестовать эту фразу, но в его положении это вряд ли удалось бы.

— Пойдет, — ответил хиппи и разжал хватку. Макс с жадностью сделал нормальный вдох. — Я веду вас до вашей цели, вы тащитесь со мной до центра. Если выживем — вывожу обратно. По рукам?

Макс неодобрительно посмотрел на Дашу, в его взгляде читался немой укор за столь поспешное и явно очень опасное решение. Но отступить было поздно, и он ответил:

— По рукам.

***

Шел сильный дождь, и потоки воды создавали завесу шума, едва ли умаляемую закрытыми ставнями. Горели все возможные светильники, но комната так и оставалась в полумраке. За столом сидело несколько человек, их лица едва ли были различимы в темноте.

— Германцев стоит бояться, — сказал один из мужчин. — Их победа над французами еще аукнется.

— До бросьте вы, мистер Морган, — возразил ему сидевший напротив. — Кайзеровская Германия по сути своей столь же хрупка, сколь была и Вторая империя. Поэтому и на императора, и на Бисмарка найдется управа рано или поздно.

Морган придвинулся поближе к свету, блеснув своими круглыми очками с желтоватыми стеклами, и на его изборожденное морщинами лицо, седую бороду и волосы легли глубокие тени.

— Бисмарк опасается угрозы извне, а настигнет она созданную им и Вильгельмом империю изнутри, — многозначительно сказал он. — Так что бояться надо не кайзера или Бисмарка, а именно что германцев, сам их народ.

— Ох, мистер Морган, любите вы говорить загадками, — рассмеялся кто-то из соседей. — Вы с вашим племянником друг друга стоите. Кстати же, раз уж о нем вспомнили, не жалеете, что отдали пароходство ему?

— Нисколько, — пожал плечами Морган. — Детей у меня нет, а дело наследовать кому-то надо. Сальвадор — лучший из возможных кандидатов, и за те шестнадцать лет, что он провел в Англии, он узнал о судах и паровых двигателях больше меня.

— Это вы правы, такое чувство, что Сальвадор вместе с вашей неприятной болезнью глаз унаследовал ваш же ум и деловую хватку, даром что племянник. Жаль только, что старый Джек не дожил — уж он-то бы радовался.

— Помянем же честного старика Джека, что положил всю свою жизнь на корабельное дело! — грянул хор голосов, и зазвенели бокалы.

Дверь распахнулась, и в комнату вместе с сырым холодом вошел высокий

человек, которому навскидку можно было бы дать лет тридцать. С него капала вода, даже несмотря на то, что от непогоды он укрывался под большим зонтом.

— Легок на помине, — хохотнул кто-то. — Отвратная же погодка, мистер Сальвадор?

— И не говорите, — ответил Сальвадор, откидывая со лба мокрые волосы и протирая прямоугольные очки с такими же желтоватыми стеклами, какие были у его дяди. — Море что под ногами, что над головой.

Морган посмотрел на племянника и деловито спросил:

— Уладил тот вопрос?

— Конечно, дядя, — кивнул Сальвадор. — Все в лучшем виде, как мы и договаривались.

Морган довольно усмехнулся и встал из-за стола.

— Прошу покорнейше простить, джентльмены, мы на пару слов.

В соседней комнате Сальвадор скинул промокший плащ и уселся в кресло. Морган сел напротив. Свет не зажигали, но оба прекрасно друг друга видели.

— То знание, которое мы искали, оказалось пустышкой, — сказал Сальвадор. — Как, собственно, ты и говорил. Но при этом на нее повелись все наши конкуренты — включая несколько видных глав общин. Собор больше нас не контролирует.

— Чего мы и добивались последние пять лет. Теперь осталось лишь спровоцировать их на открытое противостояние. Вопрос лишь в том, готов ли ты идти до конца?

— Давным-давно я сказал тебе, что больше всего хочу избавиться от боли быть человеком. И наконец я получил возможность осуществить свою мечту.

— Да будет так, — чеканя слова, ответил Морган.

В соседней комнате, изрядно напугав собравшихся, плотно закрытые ставни распахнулись от дьявольски сильного порыва ветра, и окно не выдержало, и угасли светильники, и холод, дождь и ночь ворвались в дом.

***

Башни Фрея, стремительно возведенные за каких-то два года, нависали над Пермью исполинскими громадинами — три сорокаэтажных здания, занявших место у самого моста, всего в полукилометре от «областей тьмы», как называли кварталы, оказавшиеся внутри «зоны инцидента» — окружности с радиусом в не очень-то солидно звучащие три сотни метров, но при этом поглотившей изрядную часть Комсомольского проспекта и прилегающих улиц. По утрам длинные тяжелые тени башен ложились на реку, постепенно переползали на Пермь — на новый город, раскинувшийся у подножия башен, на этом и на том берегу Камы, и на мертвые кварталы, которые были совсем рядом. С наступлением темноты огромные прожекторы освещали все безжалостное ве-

ликолепие стекла и бетона, разрезая небо пополам столбами света и становясь безоговорочной доминантой в city skyline.

В данный момент Ингвар смотрел из окна своей «Ауди» на отдаляющиеся башни, по-прежнему заслоняющие собой большую часть неба яркой ночной подсветкой, и курил очередную сигариллу, выпуская вишневый дым в приоткрытое окно. Ее алый огонек был единственным источником света в салоне, и только проносящиеся мимо фонари на мгновения выхватывали оранжевыми вспышками лицо Сольвейг, которая из-под полуопущенных ресниц следила за Ингваром и сама себе улыбалась.

Они ехали на очередную встречу в «Урал». Ингвар даже не утруждал себя напоминанием, с кем и когда он должен был встречаться. Ехать, в общем-то, было всего ничего, но как раз из-за того, что приличная часть Компроса попадала в «области тьмы», маршрут получался весьма извилистым — приходилось делать крюк, чтобы обогнуть мертвую часть города.

У «Урала» их встретил высокий тощий мужчина — видимо, один из организаторов встречи. К встрече подошли с размахом — мероприятие устраивали в самом большом из залов гостиницы, гордо именуемом концерт-холлом. Ингвар в зал пока не спешил — они подъехали за пять минут до официального начала — и лишь аккуратно заглянул, не привлекая внимание. В зале на 250 посадочных мест (как было указано в прайсе, с которым Ингвар забавы ради ознакомился) сидело, стояло и чуть ли не висело человек триста с лишним. Большинство, конечно, составляли журналисты, но первые несколько рядов кресел занимали различные чиновники, бизнесмены, ученые, деятели культуры и иные довольно известные в городе личности. С другой стороны, случайной публики тоже хватало — массовку всегда собирали, дабы показать, что народ тоже интересуется всеми этим играми бизнеса и политиков. Ингвар поморщился. Стоявшая недалеко журналистка вещала в камеру:

—...также известным как человек, употребивший нецензурную брань в адрес президента Российской Федерации во время личной встречи, которая транслировалась в прямом эфире по всем центральным телеканалам...

Ингвар поморщился снова. Эту историю считали необходимым упомянуть практически везде и всегда, зачастую забывая про действительно важные детали. Зато смотрите, смотрите, он послал на хуй президента.

Организатор жестами показал, что пора бы начинать. Ингвар вздохнул — он не очень-то любил все эти встречи. Но деваться было некуда. Он кивнул, машинально поцеловал Сольвейг и направился к боковому входу в зал.

Тощий мужчина подошел к высокой кафедре и, поправив галстук, начал:

— Шесть лет назад наш город стал местом страшной трагедии, унесшей множество жизней, оказался лежащим в руинах.

В этот момент на экране позади мужчины сменялись одна за другой картины

пылающего города, разрушенных зданий, десятков пожарных и спасателей, плачущих людей, ровных рядов гробов.

— Но он сумел воспрянуть вновь, возродиться из пламени и крови — и открыть дорогу в будущее. Мы никогда не забудем случившегося — но отныне у нас есть силы двигаться вперед.

Теперь показывали новый город и, конечно, три башни, ставшие символом обновленной Перми, вслед за ними — несколько кадров «областей тьмы» и мемориал жертвам «инцидента», установленный на Эспланаде.

— И все это благодаря одному человеку, человеку, который без страха и сомнений пришел в темный для города час, человеку, который сделал Пермь местом, где завтрашний день становится реальностью.

На экране появились кадры строительства башен и возведения новых кварталов, ученых в лабораториях, громадных мейнфреймов, рабочих в промышленных цехах. Последним кадром оказалась сияющая панорама города ночью.

Мужчина набрал в грудь побольше воздуха и громогласно — его, пожалуй, было бы слышно и без микрофона — объявил:

— Ингвар Фрей!

Ингвар под аплодисменты занял место за кафедрой. Оглядел собравшихся. Кое-кто из важных шишек пришел нехотя, для галочки и имиджа, кто-то — в надежде подороже продаться, кто-то — излить желчь зависти в объективы телекамер. Журналисты в основном были все новые — разве что пару-тройку самых известных и потому знакомых лиц Ингвар выхватил из мешанины оптики, микрофонов и алчных до сенсаций глаз. Ладно, хватит стоять просто так, раньше начнем, раньше закончим.

— Когда я начал вкладывать средства в Пермь, полуразрушенный город без будущего, как часто называли его в те страшные времена, на меня смотрели как на полного придурка.

В зале раздалось несколько смешков — не вся публика была знакома с манерой речи Фрея. Ингвар продолжал:

— Когда я начал исследовать «зону инцидента», как ее сейчас принято официально называть, меня клеймили приспешником дьявола и бесчеловечной мразью, наживающейся на смерти и страдании. Мне грозили тюрьмой, убийством и вечными муками — правительство, народ и конкуренты. Но я не остановился. И сейчас Пермь — крупнейший научный и промышленный центр, а «Фрей Индастриз» является одним из мировых лидеров в сфере наукоемких технологий.

Уже к концу года мы представим прототип нашей новой интеллектуальной системы с совершенно новыми эвристическими алгоритмами, которые позволят вплотную приблизиться к созданию полноценного искусственного интеллекта. Кроме того, как вам известно, наш биотехнологический отдел успешно

презентовал полнофункциональную модель глазного протеза, способного не просто восстановить утраченные функции, но и расширить возможности человека.

Ингвар усмехнулся про себя. В самой компании этот протез принято было называть «глаз со встроенным инстаграмом». И на полном серьезе обсуждалось, сколько фильтров из нескольких десятков существующих включить в базовую версию.

— Впрочем, главной новостью сегодняшнего вечера можно считать долгожданный запуск в Китае пятого реактора станции Хуанхэ, первого в мире полностью автоматизированного энергоблока АЭС, система управления которым была разработана «Фрей Индастриз». Это важнейший шаг по направлению к автоматизации всех потенциально опасных производств. Мы уже сейчас стоим на пороге будущего, и в наших руках сделать его еще более реальным.

Ингвар специально разбавлял сухие факты броскими и максимально абстрактными фразами. Как генеральный директор, он заботился в первую очередь о притоке инвестиций и стоимости акций компании. И если крупные дядьки-инвесторы любили конкретные цифры и названия, то обычные игроки на бирже предпочитали восторженно бросаться скупать акции вслед за прозвучавшими в очередной раз и толком ничего не значащими лозунгами. Ингвар, конечно, понимал, что все это не более чем демагогия, ибо факты давно изложены в СМИ, а лозунги — в рекламе. Но всем были важны не слова, а тот, кто их произносит. Если Ингвар Фрей говорит, что светлое будущее не за горами, то оно действительно не за горами. Так, вроде основные пункты из свеженького сказал, теперь только ответить на несколько шаблонных вопросов.

— Впрочем, вы пришли сюда, чтобы задать вопросы, а не просто слушать пересказ новостной ленты. Так что приступим непосредственно к ним.

Поднялась какая-то невысокая молоденькая журналистка с кудрявыми красно-черными волосами, явно очень гордая тем, что ее пустили на встречу с Фреем, и чуть дрожащим голосом спросила:

— Господин Фрей, как вы можете прокомментировать недавние заявления о вашей причастности к разработке вооружения, в том числе и запрещенного Женевской конвенцией?

Ингвар чуть улыбнулся сам себе — все время его пытались поймать на пущенной им же самим «дезе», что он втихаря готовит мегатонны ядерных боеголовок с искусственным интеллектом и огромных боевых человекоподобных роботов.

— Я бы лучше спросил у тех, кто распространяет подобные слухи, где они берут такую забористую травку, — легкая пауза на скромные смешки. — Как вам известно, «Фрей Индастриз» никоим образом не связана с оборонной промышленностью и не заключает контракты на разработку каких-либо вооружений. У нас есть три направления деятельности: разработка программного обе-

спечения и решение проблемы искусственного интеллекта, биотехнологии, в первую очередь медицинские, и робототехника. Последнее время мы также начинаем поглядывать в сторону нанотехнологий. Но оружием мы не занимались и заниматься не планируем.

Следующий вопрос оказался посвежее, его задал один из крупных пермских журналистов, специализирующийся на политике.

— Как вы относитесь к принятию во втором чтении закона о принудительной национализации стратегически важных предприятий, в число которых «Фрей Индастриз» по формулировке закона попадает на все сто процентов? Не месть ли это лично вам?

Ингвар знал про этот закон. Закон был действительно неприятным, но он уже подсуелся, чтобы третье чтение задержали на максимально длительный срок.

— То, что мы не пляшем под их дудку, этих идиотов, конечно, злит, — не уточняя, кого именно, ответил Ингвар. — Прибрать к рукам все важные корпорации, чтобы можно было спокойно разворовывать все построенное нами за последние пять лет, можно назвать довольно ловким шагом. Только, помнится, в девяностые это называли гораздо проще: рэкет. Но спешу расстроить всех чиновников, которые уже позарились на мою прибыль — «Фрей Индастриз» давно уже не является исключительно российской корпорацией. Значительная часть ее активов находится в Азии, а также Северной Европе. Даже попытавшись придушить нас здесь, ничего путного они не добьются. Касательно «мести»: зуб на меня есть у множества людей во власти, но в данном конкретном случае цель стоит более глобальная. Посему сейчас я в лучшем случае прохожу у них как первый среди равных.

Еще одна девушка, на этот раз изображающая из себя крутую профессионалку — строгий костюм, круглые очки, хищный взгляд деловой женщины. Ингвару такие даже нравились.

— Последний доклад вашей компании касательно «зоны инцидента» снова оставил без ответа едва ли не главный вопрос: что же все-таки там произошло шесть лет назад?

Ингвар снова отметил про себя, что ему действительно нравились подобные сучки.

— К сожалению, даже мне, доктору физико-математических наук, не до конца ясно, что же именно происходит в центре зоны. Однако обнаруженные сотрудниками «Фрей Индастриз» электромагнитные явления, равно как и элементы измененных инцидентом устройств — в первую очередь, печатных плат самых обыкновенных домашних компьютеров — позволили нам существенно продвинуться в разработке энергоемких технологий. Теперь же мы вплотную приблизились к тому, чтобы окончательно перевести все свои разработки на новые сверхпроводящие материалы, тем самым получив крайне эффектив-

ную с точки зрения потерь энергии систему. Этим, собственно, и объясняется взлет нашей компании в такой короткий промежуток времени. Мы рискнули, поставив на «зону», и не проиграли.

Ингвар старательно выстраивал вокруг «зоны» правдоподобную наукообразную теорию. Правда не должна вскрыться. Никогда.

Самые злободневные вопросы были заданы, и Ингвар в дальнейшем отвечал уже на всякую рутинную мелочевку, вроде планов на следующий квартал, расширения штатов и все в том же корпоративном духе. Когда журналисты иссякли, Ингвар попрощался и с удовольствием покинул сцену.

Теперь начиналась следующая часть ритуальных плясок — общение в «неформальной обстановке». Сейчас на первый план выйдут толстые дядьки с толстыми кошельками, чиновники и иные важные люди, которые старательно будут изображать дружескую беседу. Ингвар поморщился в очередной раз.

Впрочем, самого Ингвара это особо не касалось. Он покрутился какое-то время, пожал кому-то руки, поулыбался на камеру, пообзывал конкурентов идиотами и мудаками, дал штуки четыре одинаковых «эксклюзивных интервью» и откланялся, успев напоследок сильно напугать какого-то жирдяя, громко рассказывающего кому-то, что Ингвар Фрей наворовал астрономические суммы и распродал всю Пермь китайцам и неофашистам. Тихо появившись у толстяка за спиной, Ингвар аккуратно похлопал его по плечу и так же беззвучно исчез, оставив того с застрявшими в горле словами.

Покинув встречу, Ингвар облегченно вздохнул. Его утомляли подобные бессмысленные сборища. Завтра он прочтет очередной заголовок на каком-нибудь новостном сайте в духе «Гений и мизантроп Ингвар Фрей о будущем, власти и бизнесе» или «Ингвар Фрей: «Я вам не нравлюсь, но я вам нужен». Репутация у Фрея была специфическая, но самого Ингвара она вполне устраивала.

Сольвейг, во время встречи общавшаяся, что называется, с народом, встретила его у выхода. Сольвейг всегда сглаживала острые углы общественного мнения о «Фрей Индастриз» и ее директоре, ласково улыбаясь и убеждая мягким голосом всех недовольных, что компания все делает им во благо, а гендиректор часто ведет себя как последняя сволочь исключительно в силу эксцентричности и сложности характера. Не зря Сольвейг неоднократно признавали лучшим пресс-секретарем последних лет многие авторитетные издания, а ее фотографии бесчисленное количество раз украшали обложки популярных женских журналов, любящих показать успешную женщину в естественной среде обитания. Сольвейг Фрей была сердцем их корпорации в той же степени, в какой ее муж был ее разумом.

Впрочем, самого Фрея Сольвейг тоже всегда могла успокоить и обратить его раздражение и злость в мягкую усталость. Ингвар чувствовал себя рядом с ней в достаточной безопасности, чтобы забыть на несколько мгновений, что он Ингвар Фрей, прагматичный директор одной из крупнейших корпораций в

России.

Приобняв Сольвейг за талию, Ингвар позволил каким-то ушлым фотографом сделать еще пару снимков, после чего они вдвоем направились к ожидающей их машине. Уже был поздний вечер, и на улице гулял ветер. Темное небо обещало дождь.

Обратный путь к столпам света, упирающимся в клубящийся мрак, оказался по ощущениям чуть короче. Ингвар закрыл глаза. Сольвейг осторожно поглаживала его по руке.

Когда «Ауди» остановилась у башен, Ингвар нехотя заставил себя выйти из машины в промозглую ночь. Он подал руку Сольвейг, которая тоже поежилась, и они поспешили в здание.

Большая часть помещений в башнях была отведена под лаборатории, офисы, серверные, залы для совещаний и тому подобные сугубо рабочие интерьеры, однако несколько верхних этажей занимали просторные квартиры ведущих сотрудников. Фрей руководствовался в этом деле довольно своеобразными принципами: здесь не жило ни одного топ-менеджера или даже кого-то из совета директоров корпорации, зато было много инженеров, программистов, генетиков, лингвистов и других специалистов, как начальников отделов или заведующих лабораториями, так и просто очень хороших служащих, действительно разбирающихся в своем деле. Фрей всегда давал понять, что лично ему важны в первую очередь мозги, и этот принцип работал достаточно эффективно: текучка кадров была весьма низкой.

Пентхаус с панорамным видом на огни ночного города в лучших традициях Голливуда, где жили Ингвар и Сольвейг, располагался на предпоследнем этаже центральной башни. По утрам он был весь залит солнцем, а вечером и ночью здесь царил полумрак, в котором угадывались золотистые, оранжевые и коричневые нотки. Войдя в квартиру, Фрей щелкнул выключателем, и полумрак сменился мягким приглушенным светом.

Ингвар наконец-то снял галстук и скинул пиджак, небрежно бросив его на кресло. Сольвейг тем временем ушла в ванную умыться. Переодевшись, Ингвар снял контактные линзы, от которых уже начинали неприятно чесаться глаза, надел свои обычные очки и развалился на диване, сразу утратив львиную долю своей холодной корпоративности и став похожим на обыкновенного усталого мужика тридцати с небольшим лет от роду. Вышедшая из ванной Сольвейг в шелковом халате с какими-то цветочными мотивами присела рядом с мужем и погладила его по голове.

— Мне больше нравится, когда ты носишь очки, — тихо сказала она Ингвару. — Может, придумаешь какую-нибудь правдоподобную теорию, чтобы не носить больше эти неудобные линзы? В конце концов, серый цвет белков объяснить при желании достаточно просто.

Ингвар кивнул:

— Да, пожалуй, нужно будет что-то такое состряпать... Черт, как же я устал. Сольвейг тут же сказала:

— Давай я сделаю чай, и потом сразу ляжем спать.

Фрей улыбнулся. Сольвейг всегда радовалась, когда он улыбался ей. Она ушла на кухню, а Ингвар закрыл глаза. Его мысли давно уже были далеко от Сольвейг, компании и даже желания спать.

Его разум полностью окунулся в холодные воды знания.

***

Макс едва успел нырнуть в первую попавшуюся подворотню, когда лучи фонарей разрезали осеннюю темноту. Люди Фрея круглосуточно патрулировали области тьмы и готовы были открыть огонь на поражение при малейшем шорохе. Макс не знал, что уж наплело им начальство, и проверять ему это не хотелось. Он безуспешно искал глазами Дашу и Тира. Они ушли чуть вперед и, похоже, спрятались за большим куском стены с остатками граффити. Патруль прошел мимо. Когда пропали последние отсветы фонарей и затих шум шагов, Тир подождал еще какое-то время и только потом снова вышел на тропу. Макс наконец-то его увидел и тоже оставил свое убежище.

— Этих уродов еще много будет, — сказал хиппи, закуривая. — С него станет-ся набить каждый сантиметр зоны солдатней.

— Тир, мы хоть близко? А то плутаем тут уже хрен знает сколько часов, хотя зона-то вроде маленькая, — спросил его Макс. Он так и не понял, почему хиппи назывался странными не то именем, не то прозвищем Тир, но иного обозначения проводник не предоставил, поэтому приходилось к нему так и обращаться.

— Близко, близко, — ворчливо ответил Тир. — Через часик доберемся, если солдатиков будет немного. Там привал сделаем поблизости, до вечера. Потом двинем со мной в центр.

Макс кивнул. Расклад его пока более-менее устраивал. В свои двадцать семь он давно научился находить плюсы в самых дерьмовых ситуациях. Когда случилась вся эта хрень, Макс учился в университете и особо не заморачивался насчет своей дальнейшей жизни, перебиваясь разными необременительными работами. Он познакомился с Дашей, которая была младше его на три года, примерно за пару месяцев до этого и уже подумывал ее бросить. Однако ноябрьский кошмар изменил его эгоистичные планы.

Даша потеряла тогда всю свою семью, и Макс с тех пор был для нее всем. Вместе они смогли пережить разруху и нищету первого года, когда город начал вымирать, а по улицам ходили военные с приказом стрелять на поражение при малейшем подозрении. Потом пришел Фрей — выскочил, как черт из табакерки, отрекомендовался как специалист по электромагнитным взаимодействиям и информационным технологиям и начал активно изучать руины. Спустя

всего несколько месяцев в городе появились первые машины с логотипом «Frey Industries», зону наводнили люди Фрея, в том числе и персонал работающих на него частных военных компаний, а город начал отстраиваться. Фрей инвестировал в Пермь такие суммы, что становилось просто страшно, если задуматься, откуда он их взял.

Макс устроился на работу — в университет он решил не возвращаться. Они с Дашей жили в его квартире, холодной однушке в доме с тонкими стенами и ржавыми трубами. Каждый день, проезжая в трамвае «области тьмы» и упираясь взглядом в вечно маячащие башни, Макс хотел все бросить. Но он не мог оставить Дашу и поэтому продолжал влачить жалкое существование, так и не найдя себе достойного места в новом городе.

В общем-то, из-за этого Даша и решилась на вылазку в зону. Ее родители держали в сейфе кое-что из драгоценностей, и Даша хотела, если что-то еще осталось, это продать, тем самым немного улучшив их материальное положение. Хотя ей еще просто хотелось найти что-то родное, что могло бы сохранить память о ее родителях.

Тир, узнав, что они ищут, довольно скептически отнесся к успеху предприятия. Зону быстро прикрыли, но мародеры никуда не делись. Высока была вероятность ничего не найти.

Макс снова посмотрел на проводника. Тир, если приглядеться, был не таким уж и старым — ему было где-то в районе сорока, пусть и выглядел он от жизни в развалинах и хронического алкоголизма намного старше. Тир был озлоблен, подавлен и явно за что-то себя винил. По обрывкам фраз, которые то и дело проскальзывали у него, Макс понял, что Тир знал Фрея достаточно давно, и что Фрей не всегда был таким беспощадным ублюдком. Хиппи меж тем докурил, и они двинулись дальше, выхватывая пятнами света включенных фонарей озябшие развалины бывшего города.

Идти им действительно оставалось совсем недолго, и несколько патрулей задержали их от силы на тот самый предсказанный Тиром час. Дом, где раньше жила Даша, был угловой пятиэтажкой. Несколько подъездов полностью обрушились, а оставшиеся покрывала змеистая сеть трещин. Крыша, судя по всему, провалилась по всему зданию.

Даша жила на втором этаже, и он уцелел. Переждав еще один патруль, они пошли к подъезду. На стене у самого входа красовалась огромная надпись: «Фрей — пидарас», рядом с ней — еще одна, чуть помельче, гласившая «Фраер Фрей». Поднявшись по шаткой лестнице, они оказались у темного проема, где когда-то была дверь в Дашину квартиру.

Под ногами хрустел мусор — осколки стекол, обломки мебели, обвалившаяся штукатурка. Квартира пребывала в мертвенном запустении, храня какие-то фантомные отголоски жилого помещения. Максу стало не по себе, особенно когда Тир посоветовал разделиться, чтобы быстрее найти сейф или то, что от

него осталось.

Роясь в застывшем времени под неярким светом фонарика, Макс вновь и вновь думал, как они будут жить дальше — если найдут и если не найдут. Вряд ли что-то кардинально изменится, сейчас старые и, будем честными, дешевые драгоценности мало кого интересуют. Но он просто не мог тогда отказать Даше, даже понимая, что затея эта бесполезна.

Провозившись в темноте и холоде четверть часа, они наткнулись на сейф — он лежал на боку, заваленный остатками шкафа и кусками отвалившегося потолка. Замок был не тронут, но весь оказался покорежен.

— И как мы его откроем? — шепотом спросил Макс у Тира. Хиппи хмыкнул:

— Свалите в соседнюю комнату, ща все будет.

Макс с недоверием посмотрел на него, но спорить с ним было себе дороже, это Макс уяснил еще при первой их встрече. Он увел Дашу в соседнее помещение. Минут через пять, когда что-то неприятно щелкнуло, Тир позвал их обратно.

Замок валялся рядом с распахнутой дверцей сейфа. Макс не поверил своим глазам, но Тир действительно как-то умудрился вынести замок к чертям голыми руками.

Внутри лежали покрытые толстым слоем пыли, но целые украшения. Даша внимательно осматривала каждое из них — Макс не знал, то ли она прикидывала, что можно повыгоднее продать, то ли погрузилась в воспоминания. Он думал, что она начнет плакать, но Даша сохраняла присутствие духа. Отобрав большую часть драгоценностей, Даша оставила себе один лишь простой серебряный кулон с аметистом.

— Все, — сказала она, обращаясь не то к Макс, не то к Тире. — Теперь надо нам выполнить свою часть сделки.

Тир покачал головой:

— Верно, девочка, теперь в центр. Только сначала отдохнем. Если хочешь, можем здесь и остаться.

Но Даша отказалась оставаться в останках своей квартиры, и поэтому Тир отвел их на этаж выше, в другую квартиру. Загородив окна чудом уцелевшим шкафом, Тир и Макс натаскали сломанных стульев и развели небольшой костер, дым от которого очень удачно уходил в пробоину в потолке. Когда Макс договорился с хиппи о порядке дежурства, он и Даша легли спать, а Тир остался сидеть у огня, смоля очередную сигарету. Засыпая, Макс на самой границе забвения слышал, как проводник что-то тихо бормочет себе под нос, словно разговаривая с незримым собеседником:

— Надеюсь, что тебе это знание хоть что-то дало, иначе я никогда не пойму, зачем ты это сделал. И уж точно никогда тебя не прощу.

Решив, что это ему померещилось, Макс натянул поглубже капюшон и нако-

нец-то задремал.

***

Морган оглянулся. За ним шли двое в по-дурацки одинаковых черных пальто. Они следовали за Морганом уже довольно долго, не таясь и всем своим видом давая понять, что так просто он от них не отделается. Морган, впрочем, на это и рассчитывал.

Факт, что община Вест-Энда выслала за ним избавителей, был Моргану только на руку. Их восприняли всерьез. Он был уверен, что и за Сальвадором сейчас следует пара-тройка таких же типов в черных пальто.

Хотя даже сам Морган до конца не верил, что у них получится. Сама идея взять очень сложное, хитро спрятанное, но не обязательно полезное знание и выдать его за сверхценную реликвию казалась бредом чистой воды. Во-первых, такое знание еще поискать нужно, а во-вторых, обмануть целый Собор калигатов — задача сама по себе нетривиальная.

Но у них получилось, черт побери. Зашифрованное в сложнейшей формуле, тщательно защищенное всеми возможными способами, с трудом поддающееся восприятию и обработке знание содержало всего лишь цвет двери какого-то старого покосившегося здания в пригороде Лондона. Сальвадор наткнулся на него совершенно случайно и сначала сам не поверил в свою удачу, вопреки уверенности Моргана, который в итоге снова оказался прав. И, что самое главное, вместе с Сальвадором в уникальность этого знания поверил весь лондонский Собор. Все высокопоставленные калигаты города оказались в дураках, когда убили огромное количество времени и ресурсов на дешифровку совершенно бесполезной информации.

И сейчас они были очень, очень злы. И, что еще более важно, готовы были идти на открытый конфликт. Это автоматически развязывало руки Моргану и Сальвадору — если главы общин идут против них в открытую, то и им особо церемониться не требовалось.

Номинально Морган и Сальвадор принадлежали к Собору, как, в принципе, любые законопослушные калигаты Европы, поэтому сейчас их противостояние с иерархами не выходило за рамки внутреннего конфликта и обходилось без привлечения людей со стороны. Этим Морган тоже был очень доволен, поскольку его осведомленность в делах лондонских калигатов давала им с Сальвадором нехилую фору.

Только вот истинной цели всего этого почти до самого финала не знал даже Сальвадор. Морган шестнадцать лет тщательно планировал эту грандиозную затею, оплетая своими сетями всю Британию. В его знакомых ходили лорды и нищие, гении и сумасшедшие, люди и калигаты. Мистера Моргана, бывшего парходчика, знали почти во всех уголках империи, над которой никогда не заходит солнце. Сальвадор смутно понимал, что Морган готовит что-то поистине ужасное, что-то выходящее за границы человеческого. И, как в итоге

оказалось, Морган собирался инициировать закат Рах Britannica — среди калигатов, по крайней мере. Морган хотел раз и навсегда разрушить лондонский Собор как организацию, тем самым нанеся серьезный удар по гегемонии британских калигатов, которая себе же на беду породила мятежников Нового Света. Лишь одного Сальвадор не знал: зачем Моргану понадобился он.

Морган боковым зрением следил за избавителями, неотступно за ним следовавшими. На людных улицах они нападать не рискнули бы, посему Морган быстро свернул в одну из глухих тупиковых улочек, примыкавших к главной с обеих сторон.

Постепенно сгущались сумерки, и в окруженном с трех сторон тупике уже было достаточно темно. Морган остановился, попутно расстегивая пальто.

— Могу вам чем-нибудь помочь, джентльмены? — обратился он к избавителям. Те замерли на почтительном расстоянии. Один из них, постарше, сделал шаг вперед.

— С дозволения Собора калигатов Лондона и в преумножение всеединого знания.

Морган увидел цветные нити знания, потянувшиеся к нему. Парализовать и оглушить, все как по инструкции. Это были хорошие, опытные избавители, которые знали, как работать с опасными предателями идей Проводника. Моргану на какое-то ничтожно малое мгновение даже стало их немного жаль. Парни просто делали свою работу.

Морган без особого труда поглотил направленное в него знание и тут же скользнул вперед, резко выбросив свою трость в подбородок более молодому избавителю. Перелом челюсти, скорее всего. Отлично, теперь один на один.

Второй тем временем не растерялся и попросту поджег трость Моргана, которую он тотчас же отбросил в сторону и, поднырнув под правую руку избавителя, выбил тому локоть, после чего ударил в колено, заставив противника упасть. Последним ударом в позвоночник Морган окончательно лишил избавителя возможности встать. Морган наклонился к нему и искренне сказал:

— Ничего личного. Сожалею, что вы попали под раздачу, но теперь уже ничего не изменишь. Обещаю, никаких лишних страданий.

Морган достал из внутренних карманов две опасные бритвы, и поверженный избавитель успел увидеть на их лезвиях слова «Fear» и «Loathing». Затем сверкнули две серебряные линии, и жизнь его оборвалась.

Бывший пароходчик убивал их не из кровожадности или мести. Им просто не повезло. Моргану нужны были трупы, нужны были залитые калигатской кровью улицы, нужны были страх и ненависть в Лондоне.

Оставив обезображенные тела в переулке, Морган вскоре слился с толпой и направился к оговоренному месту встречи с Сальвадором. Они договорились встретиться почти у самой Трафальгарской площади, откуда по Стрэнду мож-

но было без проблем добраться до расположенной в Вестминстере главной резиденции лондонского Собора.

Сальвадор опоздал где-то на четверть часа. На его смуглой скуле была заметна свежая глубокая царапина. На немой вопрос Моргана Сальвадор кивнул:

— Мертвы.

Подождав в одном из местных пабов пару часов и дождавшись окончательного наступления темноты, калигаты выдвинулись в сторону резиденции. По прикидкам Моргана, Собор уже знал о четырех мертвых избавителях и ожидал визита двух беспринципных мятежников. Ставку Морган делал исключительно на то, что иерархи попросту не сочтут пару калигатов серьезной угрозой и не покинут собственную резиденцию.

В высоком каменном здании, где размещался лондонский Собор и проводились собрания всех общин города, даже сейчас горел свет. Морган был уверен, что туда согнали всех часовых — или, как их принято называть в остальной Европе, егерей — Лондона. И ему это было только на руку.

Без лишнего шума разобравшись с охранниками у входа, Сальвадор и Морган проследовали в здание. Первый этаж словно вымер, весь холл был пуст. Зато уже на подходе к лестнице стал слышен нервный шепот. Их ждали. Морган скинул пальто и достал свои бритвы. Сальвадор обнажил спрятанное в трости длинное узкое лезвие. Переглянувшись, они начали подъем.

Усиленные редким знанием, которые они добывали все шестнадцать лет подготовки, Морган и Сальвадор кромсали тела несчастных, щедро обагрывая стены кровью. Неуловимо быстрые, нечеловечески сильные и выносливые, работающие на пределе возможностей организма, два калигата устроили жестокую резню. И самое жуткое, думал в эти моменты Сальвадор, что никто, кроме Моргана, странного старика в забрызганных кровью круглых желтоватых очках, не знал, зачем все собравшиеся здесь калигаты отдают свои жизни и зачем понадобилось бывшему пароходчику идти на такое опасное и безумное предприятие, низвергающее основы лондонского общества калигатов. Даже сам Сальвадор, держащий в уме пылающие слова о необходимости крушения гегемонии британских калигатов, не был до конца уверен, что Морган ему не солгал.

Пройдя второй этаж и получив несколько легких ранений, Морган и Сальвадор все же завязли. Численное превосходство противника все-таки дало о себе знать. Сальвадор понял, что им не дойти.

Третий этаж дался им слишком тяжело. Морган тяжело дышал, зажимая несколько рваных ран на боку. Сальвадор рукавом рубашки бинтовал пронзенную ногу, не обращая внимания на срезанное наполовину ухо, кое-как замотанное другим рукавом. Им оставался еще один этаж.

Когда наверху они нос к носу столкнулись со свежими силами Собора, Саль-

вадор окончательно осознал обреченность этой затеи. Пусть даже они кого-то еще убили — кровь вокруг была уже их собственная. Сальвадор прислонился к стене, чувствуя, как становится холодно. Морган сел рядом. Его губы были изогнуты в усмешке.

— Попались, сукины дети, попались, — торжествующе сказал он через силу. — Чистое знание уже беснуется, ведь за такой короткий промежуток времени погибло столько калигатов. Боюсь даже представить, что было бы, если все они испустили дух в один момент. Все, это конец, Сальвадор. Мы победили.

Сальвадор решил, что Морган рехнулся перед смертью, и с трудом спросил у него:

— Зачем все-таки это? Зачем?

— Я же уже сказал тебе. Чтобы ослабить лондонский Собор.

— Но зачем тебе крушение Собора? — Сальвадор готов был взвыть от непонимания и бессилия. — Что это даст?

Морган вздохнул.

— Ты не поймешь этого сейчас, Сальвадор, — тяжело произнес он. Раны Моргану начали затягиваться, к ужасу Сальвадора, по-прежнему истекающего кровью. Бывший паромщик поднялся и поправил идеально чистый костюм. — Скажем так, я создаю якорь. Сильное возмущение в знании, тяжелую точку истории, сдвинуть которую так просто не удастся. И делаю это ради тебя. Остался лишь последний штрих.

Морган наклонился к лежащему Сальвадору, с трудом удерживающему остатки сознания.

— Помнишь, ты хотел избавиться от боли быть человеком? Сегодня я даю тебе эту возможность. Воспользуйся ей с умом.

Отливающее серебром лезвие с коротким словом «Fear». Страх. Сальвадору действительно было страшно. Но страх пропал, когда он услышал свист лезвия, рассекающего воздух.

— Увидимся, — услышал он в конце.

Пала тьма.

***

Резкий вскрик Сольвейг вырвал Ингвара из приятной тишины чистого знания. Он нехотя открыл глаза. Обнаженная грудь Сольвейг часто вздымалась, и небольшие аккуратные соски металась вверх-вниз, увлекаемые страстью их обладательницы. Она задрожала в момент охватившего ее оргазма, и прижалась к нему всем разгоряченным телом, не останавливаясь ни на секунду. Ее жаркое дыхание было совсем близко. Ингвар вновь закрыл глаза, окунаясь в цветную пустоту чистого знания. Сольвейг всегда непроизвольно мешала ему спокойно блуждать по его темным тропам, когда они занимались сексом. Но

он никогда на нее не злился. В конце концов, нужно же делать жене приятно.

Когда она ушла в душ, Ингвар окончательно выплыл из сумрачных глубин и медленно приходил в себя, раскинув руки на разложенном диване и, обнаженный, походя на витрувианского человека. Хотя нет, не человека. Витрувианского калигата.

Фрей осторожно изучал свои очередные находки, одновременно прикидывая, какую выгоду они могут принести. Вся жизнь Ингвара Фрея была посвящена знанию, но посвящение посвящением, а прибыль мистер Фрей также очень ценил. К тому же, найденное им знание пусть и было довольно редким и полезным, лично Фрей в нем не особо нуждался.

Ингвар был калигатом достаточно долгое время, чтобы собрать весьма богатую коллекцию знания. Он обладал многими тайнами, за которые раньше убивали, предавали и продавали. Он видел механизмы вселенной и понимал ее законы. В его разуме рождались и умирали звезды, и он знал мироздание в лицо. Его тело было наполнено хитросплетениями нечеловеческих химических соединений и тем самым само становилось знанием. Ингвар представлял собой квинтэссенцию понятия «калигат».

Однако даже ему приходилось рыскать в поисках нового знания, собирать его по крупицам. Раньше Ингвар был избавителем, и знание получал, лишая его других. Позже он все больше и больше стал проводить времени в чистом знании, предпочитая его ненадежному разуму иных калигатов и людей. Но и чистое знание было лишь набором потенциального, в котором нужно серьезно поискать, чтобы что-то найти.

Посему области тьмы для Ингвара стали настоящим информационным Клондайком, бьющей фонтаном нефтяной скважиной знания. Информация просто лилась нескончаемым потоком — бери не хочу. Впрочем, подвох нашелся и здесь.

Выцепить что-то конкретное из этого потока было нереально, и все превращалось в какую-то рулетку. Либо повезет, либо не повезет. С одинаковым успехом можно было получить великое откровение или рецепт сочников с творогом. Если бы Ингвару удалось научиться извлекать из этого источника нужное знание по желанию, то Фрей стал бы едва ли не самым могущественным калигатом. И Ингвар готов был переступить через многое ради достижения подобной цели, как уже он однажды сделал.

Области тьмы не были следствием редкого природного явления или террористической атаки, не были они также следами контакта с пришельцами или падения небесного тела. Это был памятник жестокости Ингвара Фрея.

По природе своей зона представляла собой огромную область «низкого давления», куда знание и устремлялось бурным потоком. А создана она была за счет одновременного убийства нескольких десятков калигатов — мгновенный коллапс большого количества знания спровоцировал образование этого ин-

формационного Мальстрема. Побочным эффектом оказалось разрушение значительной части города и многочисленные человеческие жертвы. Фрей положил на алтарь знания бессчетное количество судеб.

Эту страшную, бесчеловечную правду знали немногие, и большинство из них уже были мертвы, кроме одного, которого Ингвар пощадил. Даже Сольвейг он никогда не рассказывал, что произошло в тот день шесть лет назад.

Но даже такие отчаянные меры не позволили Ингвару найти то, что он искал все эти годы. И теперь он пытался найти еще одно знание — как же все-таки научиться извлекать из потока нужную информацию. За этими мыслями Ингвар закончил разбирать найденное знание. Сольвейг тем временем уже легла спать, и Фрей решил последовать примеру жены.

На следующее утро Сольвейг уехала на открытие нового роддома, а Ингвар решил пройтись по лабораториям и за одним посмотреть, как там работает их система управления АЭС — «Фрей Индастриз» вела круглосуточное наблюдение за ней, ведь на кону стояла репутация корпорации.

Спустившись в научно-исследовательский отдел, Фрей первым делом направился к команде, занимающейся мониторингом станции. Все работало в штатном режиме, и Ингвар вздохнул свободно. Пусть эта система и была разработана с применением очень редкого знания, держалась она все равно на труде простых программистов и инженеров, за которых Фрей при всем желании не мог бы отвечать до конца. Но все было в порядке, и Ингвар продолжил обходить свои владения.

Биотехнологи вовсю развлекались с прототипом киберпротеза руки — кидали закрепленной на стенде руке со стильным покрытием из матового черного пластика и кучей подключенных проводов теннисный мячик, который рука посылала обратно, пусть и с некоторой задержкой. Рядом стоял стенд с более дорогой моделью, где обшивка могла довольно точно имитировать человеческую кожу. Хотя, насколько помнил Ингвар, им все равно поступали предзаказы либо на какие-то художественные стилизации вроде «под мрамор», «черный с золотыми узорами», «как у Энакина Скайуокера», либо просто «шобы работало». Рынок протезов мало чем отличался от рынка тех же смартфонов. Даже аудитория по своей структуре была схожа: Фрей знал немногочисленную прослойку гиков и трансгуманистов, готовых отпилить себе здоровую руку и поставить самый навороченный протез, которая соседствовала с людьми, которым действительно необходим был хороший протез конечности. И, разумеется, меж этими двумя полюсами плавала масса тех, кто просто ищет что-то модное. Если в этом сезоне модно ставить себе железные руки — будут ставить железные руки. Но Фрей, в общем-то, не особо парился насчет покупателей и их внутренних проблем. Он смотрел на вещи по-деловому: раз есть спрос, то его задача — обеспечить предложение, чем «Фрей Индастриз» и занималась.

Программисты доделывали очередной блок кода сложнейшей интеллекту-

альной системы, их следующего большого проекта, о котором Ингвар как раз и упомянул на недавней встрече. С этими ребятами как раз все было довольно просто — им нужно было всего лишь предоставлять неограниченный запас кофе, который они, по одному меткому выражению, перерабатывали в программный код. IT-отдел был самым большим в компании и приносил ей самые большие доходы. Все-таки «Фрей Индастриз» начиналась именно как IT-компания.

Робототехники занимались примерно тем же самым, что и ребята из отдела биотехнологий. По лаборатории летал небольшой мультикоптер, которому поставлена была задача фигурно расставлять разбросанные по всему помещению различные детали — сервоприводы, батареи и другой хлам. Понаблюдав какое-то время за жужжащим роботом, Ингвар удовлетворенно отметил для себя, что по всем приоритетным направлениям работа идет. Пусть с виду сотрудники и валяли дурака, результаты их работы были, а другого Ингвар от них и не требовал.

Встреч, совещаний и собраний на сегодня намечено не было, и Ингвар вернулся к себе в пентхаус, где у него был оборудован замечательный кабинет. Он, конечно, должен был обретаться за дверью с табличкой «Генеральный директор», но, в конце концов, кто здесь был генеральным директором? Посему Фрей разрешил сам себе поработать сегодня дома. Однако нормального рабочего дня не получилось.

Спустя пару часов зазвонил телефон Ингвара. Не рабочий, не стационарный телефон в квартире, а личный, номер которого был известен очень немногим людям.

— Мистер Фрей, — донеслось из трубки. — Он согласился говорить в обмен на свободу.

Ингвар довольно засмеялся.

— Передай, что если он скажет всю правду, новые пальцы мы ему сделаем бесплатно. Подержи его еще немного, я скоро буду.

— Тут еще такое дело, мистер Фрей, — виновато продолжил человек на другом конце линии. — В центр зоны кто-то движется. Патрули засекли группу из трех человек, но потом ее потеряли...

Ингвар смеяться перестал. Его лицо резко побледнело.

— Как они выглядели? — тихо спросил он, играя желваками.

— Не разглядели, — последовал робкий ответ.

— Не разглядели?! Вы, уроды ебучие, не разглядели?! Узнать к вечеру, что за шваль там шляется, или я вашим патрулям все их винтовки в задницы позасовываю и прокручу три раза! Отзвониться мне сразу же, как узнаете! Если это будет похожий на хиппи бомж без пальца на руке — отзвониться быстрее, чем вы подумаете об этом, понятно, идиоты?! Я сразу же подъеду. Все, работайте.

Ингвар отключил связь. Он весь излучал холодную ярость.

Ладно, сказал он себе, нужно успокоиться. И вежливо узнать у словоохотливого пленника, как же все-таки извлечь из воронки нужное знание.

Фрей сосчитал до ста, поправил галстук и пошел к лифту.

***

К вечеру следующего дня они покинули дом, где когда-то жила Даша, и направились дальше, в центр. Макс в очередной раз пожалел, что согласился на эту бессмысленную авантюру. Цель средства не оправдывала с самого начала, и сейчас Макс с болезненной отчетливостью осознал всю отчаянную глупость принятого решения. На что он надеялся, когда согласился на предложение Даши?

Потом Макс посмотрел на Тира, который молча шел вперед, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Чем ближе они были к центру, плутая меж развалин домов, раскуроченного асфальта и искривленных деревьев, прячась от беспощадных лучей холодного света патрульных фонарей, тем хиппи становился сосредоточенней, в его лице появлялась какая-то особая злоба. И если бы Макса попросили назвать то, на что Тир был зол, он бы сказал, что хиппи злился на какую-то идею, на одну из тех мимолетных на первый взгляд мыслей, которые впоследствии впиваются в разум и полностью его подчиняют себе. При этом Макс не мог дать себе отчет, с чего он это взял, и поэтому не озвучивал свои умозаключения.

Пусть области тьмы и были достаточно небольшим пространством по сухим математическим выкладкам, изнутри они представляли запутанный многоуровневый лабиринт, и Макс только сейчас начал в полной мере понимать, насколько сложно было через него пробраться без проводника. Здания сливались в хитросплетения жил арматуры и труб, в массу изъеденной бетонной плоти, в мертвый лес притворной естественности, хватали жадными крючьями за одежду, стремились навсегда заточить в своих гниющих подвалах. Это был уродливый памятник техногенному величию, которое даже после своей смерти продолжало существовать урбанистическим зомби.

Они медленно пробирались сквозь зону, и когда они вышли к самому центру, Макс потерял дар речи. Лабиринт резко закончился, словно незримая граница пролегла здесь жестокой гильотиной. Перед ними открылось пустое пространство, покрытое мелкими обломками, с редкими вкраплениями чудом устоявших фрагментов зданий. Небо, прежде скрытое толщей бетонных островов, открылось во всей своей безжалостной красоте. Уже близок был неяркий осенний рассвет.

Тир огляделся и, удостоверившись, что никого нет, коротко приказал быстро бежать до ближайшего большого куска обвалившейся стены и лечь. Совершив несколько таких марш-бросков, они почти вплотную приблизились к истинному центру областей тьмы, точке отсчета кошмара. Солнце медлен-

но начало пробиваться сквозь плотные серые облака ниспадающими лучами, когда Макс остановился. Они дошли.

Они стояли у чудовищной воронки посреди руин довольно большого помещения. Остовы колонн торчали тут и там развороченными арматурными обрубками. Макс робко шагнул вперед вслед за Тиром, под его ногой что-то хрустнуло. Он наклонился и поднял что-то из пыли. Это был кусок таблички, видимо, неоновой вывески. Сами трубки, разумеется, были раскрошены, и лишь их крепления позволяли восстановить силуэт букв. Табличка когда-то гласила «oid». Тир осторожно взял ее у Макса из рук.

Макс посмотрел на него. Хиппи был подавлен и опустошен. Прежде чем Макс что-то успел спросить, Тир сам прервал молчание и монотонно начал говорить, не обращаясь ни к кому.

— Тут раньше был клуб. В старом значении этого слова. Сюда приходили, чтобы выпить и встретить старых знакомых. Полузакрытое светское общество, так сказать. Здесь всегда былолюдно, почти круглые сутки. Когда все это случилось, я сразу понял, где был эпицентр. И я поехал к нему — он жил тогда в своей старой квартире. Я не знал, причастен ли он к этому, и просто хотел удостовериться, что он жив. Я опасался, что все они погибли. Но он был дома, цел и невредим. Я спросил его, знает ли он про катастрофу, но он промолчал в ответ. И я тогда понял. Все понял. И я только спросил, зачем он сделал это? На что получил ответ: «Ради знания». Я сбежал. Потом, когда он начал убивать всех оставшихся, я решил, что это была моя вина, что я должен был задушить, застрелить, зарезать его в тот же день. И я пришел к нему, вооруженный всем, что я смог собрать, готовый не оставить от него и мокрого места. Однако он, убивший столько из нас, был уже слишком силен. Я был повержен, но меня он не убил, как других — только палец отрезал, «в назидание», черт бы его побрал. Он сделал меня свидетелем моей собственной беспомощности, приказав своим людям меня не трогать. При этом же в центр меня тоже никто бы не пустил. Так что вы, ребята, были моим прикрытием, патрульные имеют четкие указания насчет одиноких странников в зоне, а маленькие группы для них остаются обычными мародерами, которых можно без особых размышлений убивать. А я всегда хотел посмотреть, что же он сделал, ради какого знания он лишил жизни столько людей. И теперь я вижу, о, я все вижу, вижу этот водоворот, сводящий с ума вихрь. И одна часть меня понимает его, а другая по-прежнему жаждет его уничтожить. Он поступил как истинный калигат. Но он забыл, что нельзя быть калигатом, не будучи человеком.

Тир замолчал, сняв свои очки с синими стеклами и смотря прямо в небо. Макс, с трудом разбиравший быструю и невнятную речь, решил, что хиппи окончательно рехнулся, не найдя в центре зоны ничего, кроме развалин. Даша испуганно вцепилась Максy в руку, сама уже бесчисленное количество раз пожалевшая, что они пошли сюда. Тир все стоял, бормоча что-то, то поднимая

к небу руки, то опускаясь на землю. Солнце совсем скрылось за облаками, и вновь стало темно и промозгло.

— Тир, — осторожно начал Макс. — Тир, мы дошли, и ты увидел наконец, что же здесь. Тир, надо выбираться отсюда.

Но хиппи словно бы его не слышал, погрузившись в свой странный обряд. Макс тронул его за плечо, но Тир этого не заметил. Макс и Даше стало страшно. Их проводник действительно был не в своем уме. Им оставалось лишь наблюдать за безумным ритуалом.

— Весело тут у вас, — спокойный голос с металлическими нотками раздался совсем близко. Макс узнал его на уровне какого-то подсознания. В жизни он звучал гораздо острее и злее. Даша испуганно вскрикнула. Тир наконец остановился и тоже посмотрел на обладателя голоса, словно очнувшись ото сна. И только лишь сказал:

— Ну привет.

Макс все-таки сумел совладать с собой и собраться с мыслями. Это действительно был сам Фрей. Макс внимательно оглядел его фигуру — черный костюм-тройка с красным галстуком, идеально зачесанные волосы, сигарета в зубах и странные, темные глаза. В руках он держал что-то, приглядевшись, Макс увидел, что это закрытые опасные бритвы.

Ингвар небрежно скинул пиджак, оставшись в рубашке и жилете поверх нее. Тир по-прежнему стоял неподвижно. Фрей сделал шаг вперед. Макс непроизвольно отодвинулся, стараясь закрыть собой Дашу.

— Пора бы исправить ошибки, — негромко произнес Фрей и сделал еще шаг.

***

Ингвар говорил с пленником весь день, жадно выпрашивая все новые и новые подробности, секреты, тонкости. Фрей вытягивал каждую частичку информации, для него, казалось, вообще не было незначительных деталей. Ингвар выстраивал в своем разуме сложнейший многомерный механизм, уму-дряясь разворачивать в сознании формулы, с трудом поддающиеся выражению в каком-либо виде.

Чистое знание, устремившееся в пробойну, вызванную инцидентом, закручивалось в вихрь, образуя самую обыкновенную воронку, подобно утекающей воде. Но выгодным отличием знания от той же воды была его стабильность. Информация никуда не утекала, а продолжала кружиться в бешеном танце, постепенно восполняя дефицит знания. Эффект прервался бы тогда, когда баланс был бы восстановлен — а учитывая, сколько калигатов погибло в тот день, до восстановления было еще долго.

Таким образом в вихре можно было идти как в прямом — следуя за идущим из чистого знания потоком — так и в обратном направлении, раскручивая уже накопившуюся информацию. Для этого требовался очень сильный разум, но

Фрей был в себе достаточно уверен. Знание должно было подхватить его сознание, и главным в этом безумном путешествии становился момент, когда следовало прыгнуть с мчащегося поезда, успев при этом схватить нужное знание. Для этого существовала особая техника, которую в Кворуме — а именно агентом Кворума, который снова стал присматриваться к лишившейся общины Перми, был пленник Фрея — применяли во время шпионажа в чистом знании.

Суть ее заключалась в разбиении внутреннего образа калигата на несколько частей, одна из которых подготавливает и начинает извлечение, другая — непосредственно вытаскивает информацию, а третья — ожидает уже извлеченное знание. Так калигат одновременно был в один и тот же момент времени в трех точках, и последующее их слияние позволяло и знание получить, и самому не пострадать.

Узнав все, что ему требовалось, Фрей распорядился отпустить пленника и даже безвозмездно отдал ему регенеративное знание, которое позволило бы вырастить новые пальцы за несколько месяцев. Да, Ингвар был жесток, но ровно настолько, насколько того требовали обстоятельства.

Вернувшись к себе в кабинет, Фрей первым делом узнал насчет тех незваных гостей, которые зачем-то пробирались к центру. Их было трое, они довольно умело скрывались от патрульных и вели себя почти как профессионалы. И хотя точных сведений о том, кто их вел, ему не предоставили, Ингвар был почти уверен, что это его старый знакомый.

Надо было ему ногу отпилить, подумал Фрей, чтобы не скакал тут под самым носом. Ингвар даже засмеялся, когда до него дошла вся ирония момента: ему именно сейчас тоже нужно будет в центр зоны. Место встречи изменить нельзя прямо-таки.

Так или иначе, это будет удобным поводом окончательно расставить все точки над «i». Фрей неоднократно уже жалел, что оставил его в живых тогда, и даже не мог понять, по какой причине. Ингвар успокаивал себя тем, что тогда был совсем другим человеком, и поэтому мог сделать какую-нибудь сентиментальную глупость, которую Ингвар Фрей посчитал бы полнейшим идиотизмом.

Решив, что раз уж все так удачно совпало, то не стоит все откладывать в долгий ящик, Ингвар велел подготовить к взлету один из вертолетов, на которых персонал без необходимости лишний раз плутать по лабиринтам развалин попадал в нужную часть зоны и мог спокойно отгружать все интересные находки — а всплеск знания действительно много каких чудных вещей создал, особенно что касается остатков электроники.

День уже давно закончился, и пока Фрей улаживал все свои текущие дела по управлению компанией, постепенно подкрался рассвет. Он терялся в чрезмерно ярком ночном освещении башен, и лишь по едва заметной посветлевшей

кромке неба Ингвар понял, что уже утро. Он еще раз запросил информацию по зоне и с некоторым злорадным удовлетворением услышал, что три человека находятся в самом ее центре. Приказав ничего с ними не делать, Фрей забрал из сейфа вторую свою бритву и направился к вертолетной площадке. Опасные бритвы казались ему почему-то прекрасным оружием, одновременно несерьезным и опасным, с присущей такому оружию викторианской элегантностью предмета, изначально не предназначенного для смертоубийства, но при необходимости и желании без особых проблем обращавшегося в инструмент кровавой жатвы.

Полет занял какие-то минуты, и Ингвар уже вскоре оказался на иссеченной обломками пустоши, с которой и начинался центр зоны. Пригладив волосы, немного растрепавшиеся от создаваемых вертолетом потоков воздуха, и поправив галстук, Фрей неторопливо пошел в сторону точки отсчета. Ингвар даже в такие моменты не забывал о стиле. Стиль для него был таким же атрибутом личности, каким было и выбранное имя. Впрочем, Ингвар сейчас уже не мог ручаться, был ли он когда-то кем-то еще, кроме Ингвара Фрея.

Подойдя ближе, Ингвар замер, наблюдая за диковатыми плясками своего старого знакомого на фоне пугающе великолепного водоворота цвета. Рядом жались друг к другу какой-то парень с девушкой. Ладно, знание никуда не убежит, для начала нужно избавиться от гостей.

— Весело тут у вас, — сказал Ингвар без особых эмоций, исключительно ради привлечения внимания, одновременно доставая бритвы. Внимание он привлек. Парень с девушкой испугались еще больше, а наш безумный старик перестал исполнять танец своего народа и тоже совершенно обыденно сказал в ответ:

— Ну привет.

Тогда Ингвар скинул пиджак, чтобы тот не стеснял движения, и стал подходить чуть ближе.

— Пора бы исправить ошибки, — негромко произнес он, продолжая приближаться. Саспенс, подумал Ингвар, натуральный же саспенс, будь он неладен.

— Макс, бля, вали отсюда! — заорал старый знакомый, до которого наконец-то дошло, что именно Ингвар понимал под исправлением ошибок. — Хватай Дашку, и оба валите!

Сам старый знакомый — черт, Ингвар никак не мог вспомнить его имени — бросился ему наперерез, выхватив запрятанный где-то нож. Тут Фрей ощутил, как давняя, приятная злоба наполняет его естество, заставляет кровь быстрее скользить в венах, превращает в беспощадное оружие собственной мысли. Он ослабил галстук.

Прежде спокойное лицо Ингвара исказилось в гримасе ярости. Он резким взмахом раскрыл свои бритвы-близнецы, различавшиеся лишь гравировкой.

На одной сверкнуло «Gore», на другой — «Violence». Черной тенью он скользнул мимо нерасторопного старика и коротким движением рассек шею Макса. Отпихнув начавшего захлебываться собственной кровью парня, он невероятно быстро оказался у Даши за спиной и тоже перерезал горло, да с такой силой, что лезвие процарапало по позвоночнику.

Затем Фрей, забрызганный кровью в тон своему галстуку, пропустил мимо себя руку старика с ножом, который был направлен ему в спину, и парой взмахов отсек старому знакомому оставшиеся пальцы. Ударив того коленом под дых, а после — кулаком в спину, Фрей повалил старика на землю и вонзил одно лезвие ему под ребра, а вторым традиционно перерезал горло.

Удостоверившись, что все трое мертвы, Ингвар убрал бритвы и поправил галстук. Теперь можно все свое время посвятить истинной цели визита.

Его ждало знание.

***

Ингвар сел в позу лотоса и закрыл глаза. Это не было таким уж обязательным условием, но чисто психологически весьма упрощало процедуру. Он медленно воззвал к своему внутреннему знанию, после чего начал постепенно погружаться в знание чистое.

Цветная темнота — столь же привычная, сколь и скучная. Но сейчас все редкие всполохи цвета были заглушены огромным, простирающимся куда-то в бесконечность вихрем, существующим одновременно везде. Знание бушевало вокруг, неудержимо вливаясь в общую круговерть.

Ингвар темным, почти сливавшимся по цвету с пустотой вокруг человеком-птицей с болезненно алыми перьями скользнул поближе, подобный ворону, явившемуся на пир после великой битвы. Вихрь пугал своей необъятностью, но Фрей не думал останавливаться. Через слишком многое он переступил ради этого знания.

Замерев на относительно безопасном расстоянии, Ингвар начал рассчитывать, как удачнее расположить свои проекции. Основной хитростью здесь становилось использование того, что в чистом знании время в привычном, линейном понимании просто не существовало. Но субъективное течение времени в сознании попавшего туда калигата от этого не останавливалось, ввиду чего в период пребывания того в чистом знании он одновременно существовал в двух системах — в одной время принималось во внимание, а в другой — нет. Кое-кто считал, что многие негативные побочные эффекты, связанные с путешествием в чистом знании, появлялись именно из-за невозможности до конца переварить такое положение вещей.

Однако эту разницу между сознанием и чистым знанием и следовало обратить себе на пользу. Ингвар не буквально «размещал» проекции своего сознания, он просто последовательно перемещался в нужные точки вокруг вихря.

И вот затем же следовала самая сложная часть: он должен был расщепить свое восприятие на несколько частей, став одновременно всеми Ингварами во всех ключевых точках своего временного потока. И в чистом знании тогда появятся сразу три Фрея, один из которых начнет раскручивать спираль знания, другой — ухнет прямым в самый глаз бури, а третий — поймает выхваченную из водоворота информацию.

Ингвар замер. Расщепление восприятия — очень сложная процедура, просто из-за несоответствия ее обычной человеческой логике. Сначала Ингвар во всех возможных подробностях воссоздал в сознании первую точку — ощущение близости вихря, буйство цветных сполохов над головой, океан знания, плещущийся у самых ног. Не прекращая держать этот образ перед своим внутренним взором, Фрей вызывал из памяти вторую точку — захватывающую дух бездну, беснующуюся у самых ног, великий шторм в краткий миг спокойствия. Чувствуя, как становится все тяжелее, Ингвар стал восстанавливать последний образ — он, парящий вдалеке, наблюдающий за цветным буйством с расстояния. С трудом удерживая все картины перед глазами, Фрей последним усилием сконцентрировался — и отключил свое сознание.

Ингвар, висающий в пустоте у основания вихря, краем глаза заметил Ингвара, парящего над штормом, и удовлетворенно кивнул — то ли себе, то ли ему, что в данном случае было бы практически одним и тем же. Затем потянулся к мерцающим нитям — здесь, в начале, они были еще спокойны. Ухватившись за одну из них, Ингвар начал наматывать их своей рукой-крылом, обжигаясь о непокорное знание. Он даже особо не утруждал себя в выборе информации — просто накручивал нити, заставляя шторм выталкивать на поверхность все новое и новое знание. Нити обжигали, но Ингвар продолжал.

Ингвар увидел, как Ингвар начал извлечение знания, и ринулся вниз, в самое сердце бушующей бури. Мимо него проносились целые эпохи, настоящие тайны мироздания и несбывшиеся откровения, подобно раскаленным кинжалам кромсая его тело человека-птицы. Но Ингвар продолжал погружаться еще глубже, уже замечая, как, взбудораженный Ингваром, шторм начал меняться. Тогда Ингвар остановился и направил всю свою волю на одно-единственное знание, знание, которое он искал шесть лет и ради которого он убил столько калигатов и людей. Вихрь рвал на части его тело, но Ингвар продолжал тянуть это знание, выброшенное благодаря Ингвару на самую поверхность.

Ингвар заметил маленькую искорку, покинувшую воронку, и стремглав помчался туда. Он понял, что у Ингвара получилось. Знание оказалось совсем невесомым, почти неощутимым. Завладев им, Ингвар вновь отключил сознание — и снова стал един. На него обрушилась боль сгоравшего заживо и боль раздираемого на части — и она была так сильна, что тотчас же выкинула Фрея из чистого знания.

Он лежал ничком в пыли, из носа и ушей до сих пор сочились тоненькие

струйки крови. При падении он рассек щеку, и та неприятно саднила, хотя на ней кровь уже запеклась. Ингвар сел, вытер кровь, с трудом осознавая происходящее вокруг. Был, судя по всему, вечер, и Фрей почувствовал, как ему стало холодно. Три трупa по-прежнему лежали неподалеку.

Пошатываясь, Ингвар встал, затем подобрал свой пиджак и бритвы, сорвал к чертям галстук, красной удавкой обвивший шею. Костюм в целом был безнадежно испорчен, но Фрею было наплевать. Голова отчаянно болела, как и все тело. Ингвар очень надеялся, что знание того стоит.

Да. Знание. Он чуть не забыл, ради чего он здесь. Фрей нашел его в своем изможденном разуме — маленький опавший лист, скромную каплю дождя, сносную тяжесть небытия.

И тут до Ингвара дошло осознание, что цель его шестилетнего пути, устланного кровью, смертью, предательством, жестокостью и бесчеловечностью, достигнута. И что выражена она в махонькой искре вселенского знания, гораздо меньше многих иных причуд мироздания. И что она в его руках, этих вот обгренных своей и чужой кровью дрожащих руках.

Ингвар встал как вкопанный, пораженный этой мыслью, уставившись невидящим взглядом куда-то в темное небо, не замечая, как по его щекам текут нервные слезы.

Вот и все, Ингвар, подумал он, вот и все.

***

Сольвейг с улыбкой попрощалась с достаточно приятной журналисткой, которая работала в крупном интернет-издании и очень хотела взять достаточно откровенное интервью у Сольвейг, на которое Сольвейг достаточно быстро согласилась.

Она любила быть сама по себе — не просто женой Ингвара Фрея, а самостоятельной и успешной женщиной. Она была очень молода, и ей очень нравилось чувствовать, что в свои двадцать пять она влиятельней многих умудренных годами женщин в бизнесе и власти.

Сольвейг, однако, не была просто очередной смазливой дурочкой, дорвавшейся до какой-никакой власти благодаря своему мужу. Сольвейг Фрей была умна, даже слишком умна. Ингвар представлял собой отлаженный механизм, весь его интеллект устремлен был за неведомые горизонты новых открытий, Сольвейг же подмечала малейшие изменения здесь и сейчас, и посему вопрос о том, кто же все-таки удерживал «Фрей Индастриз» на плаву, оставался открытым.

Выйдя из кафе и повязывая на ходу шарф, Сольвейг решила немного пройтись. Ее не слишком-то узнавали на улицах — по крайней мере, прогуляться без лишнего внимания она вполне еще могла себе позволить.

Она смотрела на отстроенный город, оттеснивший заброшенные кварталы и

стыдливо прикрывший их сверкающими фасадами модных магазинов и дорогих ресторанов. Новая Пермь не любила вспоминать, на чем держалось все ее глянцево-великолепие.

Сольвейг никогда не одобряла поступка Ингвара — она всегда считала, что тогда это был перебор. Он также она понимала, что значит знание для ее мужа. Тогда, шесть лет назад, он был поставлен перед жестоким фактом, который серьезно его подкосил. Из-за этого, пожалуй, и проснулась в нем эта жестокость и граничащая с безумием одержимость поиском *того самого* знания. Ингвар для себя твердо расставил приоритеты, и человеческие жизни оказались далеко не на первом месте. Именно тогда умер он старый и родился подлинный Ингвар Фрей.

Сольвейг успела пройти всего несколько кварталов, когда ее догнал раскатыстый рев двигателя. Рядом с ней, с пижонским дымом из-под колес, затормозил серебристый спортивный «Астон Мартин», привезенный Ингваром прямиком из Британии — об этом свидетельствовал руль с правой стороны.

Ингвар распахнул дверь и вышел, поправляя на ходу черный осенний плащ, очень похожий на тот, в котором Сольвейг его впервые увидела. В машине переливчато звучали The Doors.

*No one could save her
Save the blind tiger
He was a monster
Black dressed in leather*

Ингвар подал ей руку. Он был в слегка затемненных очках, а появившаяся щетина — Сольвейг не видела его пару дней — еще сильнее напоминала о нем прежнем. Сольвейг села с непривычной левой стороны, Ингвар почти запрыгнул за руль — и «Астон» сорвался с места, взвизгнув шинами.

Миновав городской центр и выехав на мост, оставив башни справа, Ингвар утопил педаль в пол, и стрелка спидометра подскочила — Сольвейг заметила, что Фрей вел машину на нечеловеческом восприятии, переключая передачи невообразимо быстро, едва ли не на пределе возможностей самого авто. Быстрая езда всегда успокаивала Ингвара, и Сольвейг сделала вывод, что мужу пришлось понервничать за последние дни.

Серебристой капелькой ртути машина неслась по трассе мимо густого леса, унося Ингвара и Сольвейг все дальше. Она давно не была на правом берегу, но тут не так уж и сильно все изменилось. Но Сольвейг все-таки спросила:

— Куда мы едем?

На что Ингвар коротко бросил:

— Домой.

Сольвейг тихонько улыбнулась сама себе. Они очень, очень давно не были

у их старого дома, где только-только начали зарождаться их чувства. Со стороны Сольвейг это была любовь, а со стороны Ингвара — желание спастись от безумия, порождаемого одиночеством. Ее вполне это устраивало, и Ингвар ее любил — по-своему, но любил.

Они приехали, в доме горело всего несколько окон. Здесь жило не так много людей, да и те уже готовились отходить ко сну. Ночь опускалась на город. Сольвейг с каким-то внутренним удовольствием заметила, что света башен отсюда не видно. Они поднялись в квартиру — она стояла пустая, Ингвар не захотел ее продавать. В ней было все так же, как они оставили когда-то. Даже старый чайник стоял на плите. Сольвейг прижалась к мужу, Фрей легонько погладил ее по голове.

— Пойдем на берег? — предложила она. Ингвар невольно вздрогнул, но согласно кивнул. Они неторопливо шли по темным, немного жутковатым тропинкам, ведущим через лес к дороге, за которой уже почти начинался обрывистый берег Камы. Церковь, построенная здесь, стояла как прежде, но сейчас, в ночи, она была тиха.

Ингвар и Сольвейг пошли своей любимой дорогой по верху песчаных обрывов, нависавших над полоской пляжа, омываемого холодными волнами. Летом здесь было очень зелено, но сейчас деревья почти все облетели, сквозь голые ветки маслянистой змеей виднелась Кама, лежащая там, внизу.

Они любили здесь гулять — тогда, до того, как сменили имена и стали четой Фреев. Но Сольвейг вдруг болезненно поняла, что этого уже никогда не вернуть. Даже сейчас темнота ночи и пустынность осени уносили последние обрывки воспоминаний об этом месте — и об Ингваре, и об их любви.

Они остановились на небольшой полянке, с тремя стоявшими рядом соснами, которые сейчас напомнили Сольвейг вездесущие башни. Ингвар снял очки, и на мгновение показалось, что в глазницах его разлита чернота пустоты. Фрей глубоко вздохнул.

— Я нашел, — сказал он тяжело. — Я нашел это знание.

— Это же чудесно! — обрадовалась Сольвейг. Это давало надежду, что вернуть все-таки получится. И все будет как прежде.

— Нет, — произнес Ингвар, обнимая жену. — Это не чудесно. Суть знания в том, чтобы создать в собственном разуме пустоту — своего рода личное хранилище, связанное напрямую с чистым знанием. Это и позволит избежать разрушения связей в мозгу под влиянием знания, то есть можно будет прожить дольше отпущенных нам тридцати лет. И не придется использовать эту чушь под названием путь, чтобы убить себя заранее.

— И почему же это не чудесно? — Сольвейг редко видела мужа таким. Разве что в тот день, когда он ей рассказал про истинную природу пути.

— Потому что пустоту можно создать одним способом. Убив калигата, с кото-

рым тесно связан. Наставника. Ученика. Брата. Сестру...

Сольвейг поняла, к чему он клонит, ей стало нехорошо. Ингвар закончил:
— Жену.

Она отвернулась и подошла поближе к краю обрыва, глотая непрошенные слезы. Фрей молчал. Сольвейг обернулась. Ее голос немного дрожал, и в глазах блестели слезы, одна из которых все же скользнула вниз по щеке.

— Я всегда хотела только одного. Чтобы ты хоть на мгновение забыл, что ты калигат. Забыл о знании. Мы скрылись за завесой этих новых имен, но я всегда знала, что за Ингваром Фреем есть ты настоящий, усталый и одинокий, которого я встретила тем осенним днем. Знание тяготило тебя, ты хотел сбежать от него. А потом что-то случилось, и ты стал им одержим. Но разве не осталось в тебе ничего от тебя же прежнего? Ничего, что еще хотелось бы вернуть?

Ингвар по-прежнему молчал, склонив голову. Потом проговорил, свинцово роняя слова:

— *Cognitio prima est.*

Он нежно ее обнял — она почти не пыталась отстраниться. В конце концов, только она одна действительно понимала, насколько важно было для него знание. Сольвейг ощутила, как неприятно кольнуло в груди, когда знание о том, как жить, начало медленно покидать ее тело.

— Я люблю тебя, И... — тихо сказала она на ухо, когда ее сердце начало останавливаться. Ее губы еще шептали, и Ингвар понял, что шепчут они его *настоящее* имя.

Он опустился на колени, не отпуская Сольвейг, которая, казалось, задремала. Он прикоснулся губами к ее прохладному лбу и заплакал.

***

Ингвар дождался, пока костер прогорит окончательно, до самых последних углей. Он все сделал в соответствии с традициями. Он сидел неподвижно, глядя в пламя, вздымавшееся в ванадиевое небо. Последний калигат Перми.

Последние искорки погасли, и Ингвар встал, отряхнул влажный холод с плаща и направился прочь. Его немного пошатывало, и каждой клеткой своего тела он ощущал, как его знание начинает втягиваться само в себя, создавая черную дыру.

Механизм был циничен, болезнен и прост. Калигаты в чистом знании создают вокруг себя что-то вроде фонового излучения, следы которого остаются в разуме прочих калигатов, знакомых с ними. И чем больше калигаты меж собою общаются, тем больше этих самых следов. Если убить кого-то, кто прочно поселился в твоём личном знании, след замкнется сам в себя, создавая ту самую «пустоту».

Ингвар то и дело замирал, морщась от боли. Впрочем, боль оказалась самой

меньшей ценой за возможность избавиться от дамоклова меча знания, висящего над каждым калигатом.

Стал ли он счастливее? Нет, нисколько. Фрей последними крохами человечности ощущал, в кого он превратился за эти шесть лет безумия, опасной мании, высосавшей из него всю его прежнюю личность. Ингвар добился своего — но это была не победа. Он просто добился своего.

Он творил ужасные вещи, свидетели которых давно мертвы. Он часто вспоминал, что именно произошло в тот день в клубе. Как он пришел туда, и там были практически все, кого он знал — то ли так совпало, то ли что-то отмечали. Он был под завязку накачан отнятым у людей знанием — он многих лишил тогда воспоминаний, надежд и желаний. Его приветствовали, ему хлопали, ему были рады. А он встал в центре зала и начал перемалывать знание. Не впитывая его, как обычно делают избавители, а безжалостно и безвозвратно уничтожая. Никто не мог выжить после подобного. Только несколько спаслось — кто был посильнее и смог защититься от цепких нитей. Об этом даже Сольвейг никогда не знала — что он своими руками убил почти всю общину, а не просто уничтожил клуб.

Но теперь это уже не важно.

Уже ничего не важно.

Когда он подходил к машине, начал накрапывать дождь. Через несколько минут он уже зарядил в полную силу, стуча холодными каплями по крыше и стеклам «Астона», чьи фары выхватывали косые линии перед носом машины. Ингвар последний раз оглянулся на свой старый дом, куда точно решил больше не возвращаться, и «Астон» плавно покатился прочь, в дождливый предрасветный полумрак. Вторя погоде, звучали «Riders on the Storm».

*There's a killer on the road
His brain is squirming like a toad
Take a long holiday
Let your children play
If you give this man a ride, sweet memory will die
Killer on the road, yeah*

Он гнал по пустому Красавинскому мосту, мимо мелькали тусклыми вспышками желтоватые огни фонарей. Временами проносились по соседней полосе такие же поздние — или уже ранние — авто. В этом было что-то болезненно знакомое, но Ингвар никак не мог понять, что именно.

Потом появилась раскаленной иглой мысль. Он понял.

Так замыкается круг. Снова мост, ночь, свет фонарей, редкие машины.

Снова шепот знания.

Всегда шепот знания.

И Ингвар начал смеяться — зло, отчаянно, маниакально. Он смеялся, заглушая голос Моррисона, заглушая шум двигателя, заглушая нестерпимую пустоту где-то глубоко внутри.

Он понимал, что проиграл знанию, но так просто он сдаваться не собирался. Теперь же нужна новая цель. И она у Ингвара теперь была.

О, знание, ты так просто не отделаешься.

Он бросил взгляд в зеркало заднего вида — и смех резко оборвался, а машина вильнула в сторону. Глаза Ингвара застыли, полные иррационального ужаса.

— Нет, этого не может быть, этого не может быть, нет-нет-нет-нет, — принялся он бормотать, едва успевая следить за дорогой. Однако зеркало все так же показывало эту же картину, и Ингвара прошиб холодный пот. Он ударил по тормозам, и «Астон» остановился у съезда с моста.

Человек на заднем сидении аккуратно наклонился вперед, и Ингвар услышал у самого уха тихий, но донельзя знакомый голос.

— Пора.

Фрей, казалось, слышал все: как острое тонкое лезвие проткнуло обивку сидения, прошло сквозь него, вышло с обратной стороны, пронзило ткань плаща и рубашки под ним, впилося равнодушным острием в плоть где-то рядом с позвоночником, прокладывая себе дорогу к сердцу, пробило его и вышло где-то под ребрами. Внутри сразу стало горячо. Ингвар сплюнул кровь, забрызгав лобовое стекло. Ужас прошел. Так оно, видимо, и должно быть. Он с трудом улыбнулся и подумал:

«А ведь и правда, пора».

Над городом медленно поднимался неяркий осенний рассвет.

***

Как часто человек думает о смерти?

Нет, даже так: как часто человек думает о *реальности* смерти? О пустоте и безвременье далеко за пределами человеческого понимания? Найдется ли тот, кто с наступлением нового года первым делом подумает, сколько людей исчезнет в небытии за эти триста шестьдесят пять или триста шестьдесят шесть дней — и окажется ли он в их числе?

Весь мой мир превратился сейчас в одну лишь эту мысль.

Я бродил утренними пустынными часами по аллее за своим домом, и вокруг было лишь разложение и увядание. Ветер гнал влажную листву и забирался под плащ, холодными пальцами хватал за горло и выстуживал сердце. Аллея всегда была пуста, в это время по ней едва ли кто мог пройти, но меня никогда не покидало ощущение, что чья-то неотступная и равнодушная поступь слышится порой где-то в изгибах ветра.

Хотя я просто себя накручивал. Я давно уже не общался ни с кем из калигатов,

даже с Катей не пересекался, пусть она и постоянно мне названивала. Большую часть времени я проводил в темноте и тишине своей квартиры, иногда работая, но по большей части уничтожая запасы алкоголя. С визита Виктора, о котором я даже не пытался навести справки, прошло что-то около недели. Или больше. Или меньше. Я давно потерял счет времени, а дни превратились в дурную спиртовую бесконечность.

Дерево перед домом почти облетело, и его голые ветви неприятными крючьями качались на ветру. Перспектива мира сузилась до окна квартиры да аллеи за домом, а я все глубже и глубже погружался в темные глубины своего отравленного алкоголем сознания. Мысль о смерти билась в перегруженных синапсах болезненным мотыльком.

Но скоро и она скоро исчезла. И осталось только оно.

Давно не виделись, знание. Ты скучало по мне?

Это был очередной вечер. Из колонок звучал негромкий голос Моррисона. Я лежал на разложенном диване и смотрел в потолок, на котором дикой геометрией ломались лучи заходящего солнца. Комната была погружена в черно-золотой полумрак, постепенно наливающийся тяжелой коньячной теменью неуклонно наступающего осеннего вечера.

This is the end

Beautiful friend

This is the end

My only friend, the end

Я ощущал себя капитаном Уиллардом, и ощущение это пребывало в самом естестве окружающего бытия и времени. Я закрывал глаза, мои темные лживые глаза, скрадывающие краски жизни, лгущие мне и другим, вечно прячущиеся за чернотой стекол. И губы мои сами шептали: «ужас... ужас», а мысли бродили где-то в глубинах ржавого озера бурбона, что плескалось в моем сознании.

Can you picture what will be

So limitless and free

Desperately in need...of some...stranger's hand

In a...desperate land

Звонил телефон. Долго, протяжно, надрываясь, и крик его разбивался на изломы солнечных лучей, доказывая, что свет осязаем, а звук наполнен цветом. Но меня не было, и некому было ответить. Я все глубже погружался в мягкие золотисто-рыжие воды, наполняющие меня душистым огнем. Два Джиманесли меня куда-то в этот закат, а солнце стало дном стакана, полного до краев текучим золотом виски.

Все вокруг было несущественно. Все было некстати. Ненужно. Неудобно.

Я прах в образе человека. Человек в образе бога. Бог в образе мертвеца.

И над всем этим танцевало знание.

Кто-то трахался этажом выше.

Кто-то умирал в соседнем доме.

Кто-то бил жену в подъезде.

Кто-то откроет лекарство от рака.

Кто-то научится жить вечно.

Кто-то избавит человечество от войн и страданий.

А я все шептал: «ужас... ужас...», пытаюсь нырнуть поглубже, спрятаться от знания на дне пыльного стакана, рассечь себя на мельчайшие частицы и вернуться в такую желанную пустоту.

This is the end

Beautiful friend

This is the end

My only friend, the end

It hurts to set you free

But you'll never follow me

The end of laughter and soft lies

The end of nights we tried to die

This is the end

Конец первой части.